

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»

На правах рукописи

Дегтярева Ангелина Николаевна

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЛОВА КАК СМЫСЛОВАЯ
КОНСТАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Переволочанская Светлана Николаевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. СЛОВО КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН	21
1.1. Дискурс как сложный когнитивно-коммуникативный феномен...	21
<i>1.1.1. Смысловая сфера дискурса и её архитектоника</i>	21
<i>1.1.2. Модус и модальность как категории отражения субъекта в тексте</i>	24
<i>1.1.3. Субъект дискурса как смыслообразующий феномен: образ автора и языковая личность</i>	31
<i>1.1.4. Особенности поэтического дискурса</i>	36
<i>1.1.5. Смысл как компонента категории «образ автора»</i>	38
1.2. Категориальные структуры сознания как средство рефлексии познающего субъекта.....	43
<i>1.2.1. Диалектика взаимоотношений онтологической сущности слова и его психо-гносеологической природы</i>	43
<i>1.2.2. Языковая картина мира и способы ее концептуальной репрезентации</i>	48
<i>1.2.3. Холистическая стратегия языковой личности в формировании языковой картины мира</i>	52
1.3. Индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева.....	56
<i>1.3.1. Дискуссии о целостности и специфике индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева</i>	56
<i>1.3.2. Источники формирования языковой личности Ф.И. Тютчева</i>	59
Выводы по ГЛАВЕ 1	61
ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЛОВА В СМЫСЛОВОМ ПОЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Ф.И. ТЮТЧЕВА	64
2.1. Онтология слова как структуро- и смыслоорганизующий	

компонент полипарадигмальной картины мира Ф.И. Тютчева	64
2.1.1. Бинарная оппозиция как принцип организации смыслового пространства тютчевского дискурса	64
2.1.2. Концептуально значимые лексемы-вербализаторы онтологического смысла в поэзии Ф.И. Тютчева	77
2.1.3. Семантика «невыразимого» в поэтической картине мира как потенциал смыслового расширения	95
2.2. Модель смыслового расширения в дискурсе Ф.И. Тютчева	100
2.2.1. Смысловая полифония тютчевского текста	100
2.2.2. Модальность как средство отражения категорий субъектности и субъективности в смысловом поле поэтической мысли Ф.И. Тютчева	112
2.2.3. Смысловая «оплотненность» калейдоскопической поэтической картины мира Ф.И. Тютчева	117
2.2.4. Холистический стиль мышления Ф.И. Тютчева и его роль в интерпретационной стратегии автора	126
2.3. Слово как орудие познания бытия в поэзии Ф.И. Тютчева	131
2.3.1. Влияние структуры концепта 'память' на валентность его вербализаторов в динамическом дискурсе Ф.И. Тютчева	131
2.3.2. Номинанты «мгла» и «полдень» в ассоциативно-семантической сети Ф.И. Тютчева	140
Выводы по ГЛАВЕ 2	144
ГЛАВА 3. ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС Ф.И. ТЮТЧЕВА: АВТОР – ТЕКСТ – ЧИТАТЕЛЬ	147
3.1. Отражение субъекта в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева	147
3.1.1. Поэзия Ф.И. Тютчева как динамический феномен	147
3.1.2. Реконструкция рефлексирующей языковой личности	

<i>Ф.И. Тютчева через анализ его переводов</i>	158
3.2. Перцептивный образ автора в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева.....	162
3.2.1. <i>«Мглистый полдень»: реконструкция фреймов как способ описания смысла при интерпретации образности поэзии Ф.И. Тютчева</i>	162
3.2.2. <i>Перцептивный образ автора и интерпретация художественного дискурса</i>	166
Выводы по ГЛАВЕ 3	172
ГЛАВА 4. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА Ф.И. ТЮТЧЕВА	174
4.1. Назначение словаря и общее описание его структуры. Отличие проектируемого словаря от существующих словарей по языку Ф.И. Тютчева.....	174
4.2. Структура «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева».....	177
4.2.1. <i>Регистрирующий словарь репрезентантов концептов</i>	178
4.2.2. <i>Частотный конкорданс</i>	180
4.2.3. <i>Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений</i>	186
4.2.4. <i>Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов</i>	187
4.2.5. <i>Пунктуационный конкорданс</i>	188
4.3. Проект по составлению «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» и информация о демонстрационной версии словаря.....	191
Выводы по ГЛАВЕ 4	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	199

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	222
ПРИЛОЖЕНИЕ А (обязательное). Иллюстрации страниц сайта.....	224
ПРИЛОЖЕНИЕ Б (справочное). Картотека, выступившая в качестве основы при подготовке демонстрационной версии словаря	233
ПРИЛОЖЕНИЕ В (обязательное). Демонстрационная версия «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» (ZIP-АРХИВ). Яндекс Диск. Ссылка:	
https://disk.yandex.ru/d/v5IMU0djdRbvfa	321
1. Видеообзоры словарных материалов:	
А) краткий видеообзор без комментария (mp4);	
Б) полный видеообзор с комментарием (mp4).	
2. Демонстрационная версия словаря.	
3. Скриншоты материалов словаря.	
4. Пояснительная записка «Как пользоваться демонстрационной версией словаря».	

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено реконструкции архитектоники смыслового пространства поэтического дискурса Ф.И. Тютчева, в которой онтологическая сущность слова (интерсубъектное ядро смысла) выступает в качестве смысловой константы, обеспечивающей понимание, а психо-гносеологическая природа слова способствует многовекторному смысловому расширению.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной науке активно применяется междисциплинарный подход, для которого характерна интеграция нескольких научных парадигм в пределах одного исследования, обмен методами и технологиями научного познания. В данной диссертации реализован междисциплинарный подход к когнитивно-семантическому анализу текста, лингвистические методы предполагают обращение к философским и психологическим концепциям. Такой подход в рамках научной парадигмы позволяет рассмотреть объект изучения с разных сторон и расширить лингвистическое познание за счет выхода в общую сферу гуманитарных наук.

Во-вторых, в современной лингвистике заметно активное развитие когнитивно-дискурсивного подхода к тексту, однако возможность применения данного подхода к текстам классической литературы до сих пор у некоторых исследователей вызывает сомнение. В данной диссертационной работе представлена адаптация когнитивно-дискурсивного подхода к анализу произведений классической литературы: смысловая интерпретация направлена на реконструкцию когнитивного и коммуникативного планов дискурса при описании таких текстов.

В-третьих, одна из активно развивающихся тенденций когнитивной лингвистики – репрезентация моделей ментального мира, опосредованная человеческим сознанием. В настоящий момент существует большое количество работ, направленных на изучение изолированных аспектов языковых картин мира отдельных личностей или лингвокультурных групп. Так, сайт

<https://cyberleninka.ru> по запросу «языковая картина мира» предлагает 537 работ только за 2025 год, если же учитывать работы с 2021 года, то эта цифра вырастает до 26931. Данный факт свидетельствует о необходимости обобщения всех полученных данных и поиска причин появления тех или иных особенностей отдельных языковых картин мира.

Объект исследования – смысловое пространство поэтического дискурса Ф.И. Тютчева как многослойный дискурсивный феномен, формируемый тремя компонентами (когнитивным, интерпретационным и коммуникативным).

Предмет исследования – онтологическая сущность слова и психогносеологическая природа его познания как смысловая основа полипарадигмальной структурной организации языковой личности Ф.И. Тютчева.

В качестве основного **материала** исследования использовались стихотворения Ф.И. Тютчева за 1813 – 1873 гг., а также их варианты, представленные в полном собрании сочинений 2002 – 2005 гг.¹ [Тютчев 2002; Тютчев 2003а]; обозначенный материал был дополнен текстами-реакциями на стихотворения Ф.И. Тютчева критиков, поэтов, писателей [Там же]; данными из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] и из «Словаря рифм Ф.И. Тютчева» [Киселева 2004: 183-263].

Во всех пунктах диссертации, за исключением пунктов 3.2.1 и 3.2.2., отбор материала осуществлялся **методом сплошной выборки**. В обозначенных выше пунктах реакции на произведения Ф.И. Тютчева, как и сами интерпретируемые произведения, были выбраны **методом случайной выборки**.

Цель исследования – доказать, что онтологическая сущность слова как смысловой стержень обеспечивает целостность поэтического дискурса Ф.И. Тютчева, а кажущаяся калейдоскопичность поэтической картины мира Ф.И. Тютчева – это не результат ее раздробленности, а свидетельство ее сложной смысловой организации.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

¹ Тексты в работе представлены в авторской орфографии и пунктуации.

1. Изложить методологический подход к исследованию, описать методы, раскрывающие суть такого подхода; сформировать терминосистему диссертационной работы, отражающую концепцию автора.

2. Реконструировать смысловое пространство поэтического дискурса Ф.И. Тютчева, проиллюстрировать интеракцию между линейными смыслами, разворачивающимися в его поэзии, и многовекторным смысловым расширением.

3. Проиллюстрировать, как холистический стиль мышления Ф.И. Тютчева и онтологическая оплотненность смысла влияют на структуру его поэтического дискурса.

4. Описать категорию модальности как способ формирования субъектности и субъективности в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева.

5. На базе проведенного анализа представить модель языковой личности поэта как носителя диалогической способности.

6. Представить демонстрационную версию «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева».

Гипотеза исследования. Смысл в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева является важнейшей компонентой категории «образ автора», формирует полипарадигмальную структуру языковой личности Ф.И. Тютчева, которая определяется диалектическим взаимодействием онтологической сущности слова и психо-гносеологической природы его познания. Холистический стиль мышления поэта способствует целостному восприятию познаваемого мира и ведет к соединению в пределах одной индивидуально-авторской картины мира элементов нескольких национальных картин мира; данный синтез проявляется на уровне смысловых констант в их дискурсивном описании.

Положения, выносимые на защиту:

1. Онтологическая сущность слова как имманентное явление проявляется в концептуально значимых смысловых константах, которые как ядерные компоненты определяют процесс смыслового расширения. Смысл – динамическая категория, проявляющаяся на трех уровнях – ментальном, языковом и дискурсивном.

2. Процесс смыслопорождения обусловлен взаимодействием онтологической сущности слова, которая выступает в качестве смысловой константы (вектора движения по смысловой карте, обеспечивающего понимание), и психо-гносеологической природы слова, способствующей расширению исходного смысла и наложению субъективных компонентов на объективное (интерсубъектное) ядро.

3. Категория смысла – основной, обязательный (системообразующий) компонент категории «образ автора», он выступает как *дискурсообразующий феномен*.

4. Образ автора – сложная *гетерархическая структура*, строящаяся на системе когнитивно-смысловых компонентов поэтического дискурса Ф.И. Тютчева, которые связаны с взаимодействием двух картин мира – авторской и читательской.

5. Читатель (реципиент) – активный участник процесса интерпретации, оказывающий влияние на формируемый в ходе этого процесса смысл: процедура понимания представляет собой «смыслообмен» между авторской и читательской рефлексией.

6. Индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева не является фрагментированной, её *кажущаяся* неоднородность обусловлена сложной структурно-смысловой организацией, выражающейся в полипарадигмальности (синтезе элементов нескольких мировоззренческих парадигм) и когнитивно-семантической объемности поэтического дискурса.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные изучению: 1) *восприятия и изучения мира человеком*: Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 1995], Р.Е. Нисбетта [Нисбетт 2011], Р.Ю. Рахматуллина [Рахматуллин 2016], 2) *дискурса как сложного коммуникативного явления*: Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2000], И.А. Стернина и З.Д. Поповой [Попова 2007], Н.К. Кравченко [Кравченко 2017], Л.В. Селезневой [Селезнева 2013; Селезнева 2014]; 3) *модальности как универсальной категории когнитивной семантики*: В.В. Виноградова [Виноградов 1971], И.Р. Гальперина [Гальперин 1981],

Т.В. Романовой [Романова 2003, Романова 2006], Е.С. Ярыгиной [Ярыгина 2012], И.И. Баклановой [Бакланова 2012]; 4) *категории смысла*: А.А. Потебни [Потебня 1958], Ю.Н. Тынянова [Тынянов 1924], Л.С. Выготского [Выготский 1999], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], В.В. Колесова [Колесов 2012], М.В. Никитина [Никитин 1988], В.П. Москвина [Москвин 2013], С.Н. Переволочанской [Переволочанская 2009а, 2009б, 2010, 2016, 2019, 2023, 2025а, 2025б] 5) *категории «образ автора»*: В.В. Виноградова [Виноградов 1971], М.М. Бахтина [Бахтин 1986], И.И. Баклановой [Бакланова 2012]; 6) *динамики развития идей о языковой личности*: Г.И. Богина [Богин 1984], Ю.Н. Караулова [Караулов 1987], Н.В. Мельник [Мельник 2011], Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной [Скубиева 2022]; 7) *вопроса о лирическом субъекте как способе проявления авторского «я»*: С.Н. Бройтмана [Бройтман 1999], Л.Я. Гинзбург [Гинзбург 1964]; 8) *авторских словарей и словарных материалов* Л.Л. Шестаковой [Шестакова 2011].

Методология исследования основывается на принципах когнитивной лингвистики – антропоцентризме, экспланаторности (объяснительности), междисциплинарном подходе. В работе используется широкий спектр методов и технологий (процедур анализа): 1) собственно лингвистические методы: компонентный анализ; контекстуальный анализ; фонетический анализ; методика выявления имплицитной информации (цепочки импликаций); 2) методы когнитивной лингвистики: фреймовый анализ; методика реконструкции концептов; методика реконструкции языковой личности по модели Ю.Н. Караулова и по модели Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной; 3) лингвистическая адаптация методики, построенной на основе психологической модели определения стиля мышления по Р. Нисбетту. Исследовательская процедура была дополнена алгоритмом анализа субъектной структуры лирики (была сформулирована автором диссертации на основании концепции С.Н. Бройтмана [Бройтман 1999]).

Научная новизна диссертационной работы определяется следующими положениями:

1. Онтологическая сущность слова рассматривается в рамках диалектического взаимодействия онтологического и гносеологического аспектов исследования: онтологические признаки определяются как ядерные компоненты в полевой структуре описания, а психо-гносеологическая природа слова – это зона в полевой содержательной структуре, которая отражает вероятностную картину мира. В этом проявляется основная феноменологическая идея (единство сущностного и познающего компонентов в слове): *слово как дискурсивный феномен «направляется» имманентными смысловыми константами.*

2. Категория смысла описывается на базе *модели трипостасного конструкта* [Переволочанская 2009а], которая реализуется в данном исследовании в рамках когнитивно-семантического анализа смысла как концептуального (в ментальном пространстве), потенциального (языкового) и интерпретационного (дискурсивного) феномена в поэтическом тексте.

3. Смысловая подвижность слова доказывается через когнитивно-семантический анализ текста, предполагающий опору на психологическую концепцию о холистическом и об аналитическом стилях мышления Р. Нисбетта и на концепцию методологической онтологии Г.П. Щедровицкого.

4. В работе дается системный анализ поэтического дискурса, включающий и переводы Ф.И. Тютчева. Выявление имплицитного смысла в результате анализа позволило реконструировать рефлексирующую языковую личность поэта, проиллюстрировать ее диалогичность (направленность на другое сознание), доказать, что в его произведениях наиболее явно представлен холистический стиль мышления, и описать языковую личность Ф.И. Тютчева как полипарадигмальную структуру, которая в поэтическом тексте проявляется через пять форм выражения лирического субъекта (имплицитный образ автора, эксплицитный образ автора, лирическое «я», лирический герой, герой ролевой лирики).

Теоретическая значимость исследования заключается в следующих положениях.

1. Описание смысла дается в работе с опорой на категорию модальности. В диссертацию вводятся термины, расширяющие объем и содержание понятия рассматриваемой категории: терминологическая пара «объективная модальность» и «субъективная модальность» заменяются соответственно терминологической парой «генерализованная модальность» и «специфическая модальность». Это позволяет разрешить конфликт между означаемым и означающим в терминах «объективная модальность» и «субъективная модальность», сохранив при этом обозначаемую ими оппозицию.

2. Представленная как триипостасный конструкт категория смысла в ходе исследования проявила себя обязательной (системообразующей) компонентой категории «образ автора» и выступила как дискурсообразующий феномен, выявила авторские смысловые константы в их системном континууме.

3. Главным результатом проведенного исследования следует признать разработку концепции интегративного словаря нового типа – **электронного функционально-когнитивного словаря языка поэта (писателя)**. В основе данного словаря лежит понимание связи между языком и мышлением, опирающейся на концепцию бинарной противопоставленности детерминированного компонента (онтологического по своей сущности) и стохастического (психо-гносеологического) компонента, отражающего специфику вероятностной картины мира. Главное назначение данного словаря – реконструкция и описание вербализованных концептов, отраженных в языковой картине мира поэта (писателя), а также объяснение специфического использования языковых средств через анализ структуры концептов, с которыми данные языковые средства связаны. Однако обозначенная функция не является единственной, и словарь может быть применен для решения как теоретических, так и практических задач научных исследований.

Практическая значимость исследования определяется следующими результатами:

1. На базе разработанной концепции интегративного словаря нового типа была создана демонстрационная версия электронного **«Функционально-**

когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева». Гибкая, настраиваемая с помощью фильтров форма позволяет использовать его для решения широкого круга задач в исследованиях лингвистов, литературоведов, культурологов.

2. Лингвистическая интерпретация терминосистемы С.Н. Бройтмана о субъектной структуре лирики, представленная в работе, позволила при опоре на лингвистический анализ текста разработать алгоритм спецификации одной формы лирического субъекта от другой. Данная методика может быть применена как в лингвокогнитивных исследованиях, например, при реконструкции языковой личности поэта, так и в работах других гуманитарных направлений.

3. Созданная демонстрационная версия электронного функционально-когнитивного словаря языка поэта (писателя) открывает перспективы создания словарей подобного типа, расширяет возможности его применения при анализе как поэтического, так и прозаического дискурсов.

4. Материал словаря, представленный в предложенной версии, может быть использован в практике преподавания вузовских дисциплин филологического цикла.

Структура работы. Диссертация состоит из введения; основной части, включающей четыре главы; заключения; библиографии и приложений.

Во **Введении** раскрывается актуальность исследования, определяются объект и предмет изучения, формулируются цель и задачи, выдвигается гипотеза, характеризуется материал исследования, принципы его отбора и методы его изучения, приводятся исследования, составившие теоретическую базу работы, обосновываются научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость, дается краткий обзор диссертации и сведений о ее апробации.

В первой главе **«Слово как дискурсивный феномен»** представлены результаты систематизации и обработки существующей научной литературы по теме диссертации, она делится на три раздела: «Дискурс как сложный когнитивно-коммуникативный феномен», «Категориальные структуры сознания

как средство рефлексии познающего субъекта», «Индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева».

Содержание первого раздела направлено на описание существующих подходов к дискурсу, описание дискурса как когнитивно-коммуникативного явления, описание категорий репрезентации субъекта текстопорождения в дискурсе: модуса, модальности, образа автора и языковой личности. Следующий раздел первой главы рассматривает взаимодействие онтологической сущности и психо-гносеологической природы слова, иллюстрирует развитие представлений об онтологии в философии и языкознании и описывает дальнейшие потенциальные перспективы изучения обозначенной предметной области. Третий раздел теоретической главы направлен на систематизацию существующих сведений об индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева и на формулирование проблематики диссертации.

Вторая глава **«Онтологическая сущность слова в смысловом поле поэтического дискурса Ф.И. Тютчева»** носит практический характер и направлена на непосредственное достижение цели и подтверждение гипотезы, которые заявлены в начале исследования. Включает три раздела: «Онтология слова: модель смыслового расширения в дискурсе Ф.И. Тютчева», «Онтология слова как структуро- и смыслообразующий компонент полипарадигмальной картины мира Ф.И. Тютчева» и «Слово как орудие познания бытия в поэзии Ф.И. Тютчева».

В первом разделе представлена аналитическая процедура развертывания триипостасной модели категории смысла в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева: *ментальное* → *языковое* (в единстве интенциональных признаков и импликациональных признаков – смысловой потенциосферы) → *дискурсивное*. Второй раздел направлен на описание построения Ф.И. Тютчевым сложного полипарадигмального конструкта, освещающего реальность с разных ракурсов, для преодоления ограниченности человеческого познания и на доказательство отражения в его поэзии холистического стиля мышления. Описанная смысловая парадигма строится на принципе бинарной оппозиции, что в последующих

рассуждениях дает возможность представить языковую личность Ф.И. Тютчева как рефлексирующую. Третий раздел направлен на объяснение нарушений языковых законов употребления и сочетания слов в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева онтологической сущностью слова.

Третья глава **«Поэтический дискурс Ф.И. Тютчева: автор – текст – читатель»** тоже носит практический характер и направлена на обоснование тезиса о том, что поэзия Ф.И. Тютчева может рассматриваться как когнитивно-коммуникативный феномен, смысловые константы которого представляют собой автороориентированную стратегию в структурной организации тютчевского дискурса. Глава включает в себя два раздела: «Отражение субъекта в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева» и «Перцептивный образ автора в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева».

Описание первого раздела строится на реконструкции интенционального образа автора и выявлении лингвистических категорий, способствующих его репрезентации в тексте. Второй связан с анализом взаимодействия интенционального и перцептивного образов автора – с преломлением индивидуально-авторской картины мира в читательском сознании и трансформацией исходного смысла, обусловленной данным преломлением.

В последней, четвертой, главе диссертации **«Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева»** описывается словарь интегративного типа, построенный на основании результатов исследования в прошлых главах.

Данная глава включает три раздела: «Назначение словаря и общее описание его структуры. Отличие проектируемого словаря от существующих словарей по языку Ф.И. Тютчева», «Структура “Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева”» и «Проект по составлению “Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева” и информация о демонстрационной версии словаря».

В первом разделе представлена общая характеристика словаря, во втором – детальное описание каждой из его частей, а в последнем дается информация о

демонстрационной версии словаря и описывается примерный план создания полной версии.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования. Кроме того, в этом разделе анализируются полученные результаты, формулируются основные выводы, а также намечаются возможные направления для дальнейшей научной работы по рассматриваемой теме.

В **Списке литературы** представлены 220 единиц библиографического описания: монографии, статьи, словари и другие работы, которые составили теоретическую и практическую базы исследования.

В **Приложении** приведены материалы разработанной демонстрационной версии словаря. Для ознакомления с демонстрационной версией словаря в динамике необходимо скачать папку «**Материалы к словарю**» на Яндекс Диске по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/v5IMU0djdRbvfa> В обозначенной папке есть три вложенных папки: «Демонстрационная версия словаря» (содержит страницы сайта); «Видеообзоры» (содержит краткий и подробный видеообзоры словаря); «Скриншоты» (содержит скриншоты страниц сайта). Чтобы открыть сайт, нужно зайти в папку «Демонстрационная версия словаря» и два раза нажать левой кнопкой мыши на файл «index», это приведет к открытию начальной страницы словаря в браузере. Если на компьютере нет специального архиватора, после распаковки zip-папки сайт может отображаться некорректно из-за искажения исходных файлов. В этом случае для ознакомления с демонстрационной версией словаря в динамике можно обратиться к видео, расположенным в папке «Видеообзоры». Важно отметить, что представленный вариант словаря не является завершенным продуктом, готовым к использованию, это демонстрационная версия, не являющаяся полной ни с точки зрения наполнения, ни точки зрения доступных в ней функций; ее основное назначение – визуализация проекта будущего словаря.

Апробация научного исследования осуществлялась на Международных и Всероссийских научных конференциях:

1. I Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования». Москва, 3 декабря 2020 г.
2. Всероссийская научная конференция молодых исследователей с международным участием «Социальный инженер». Москва, 6 декабря 2021 г.
3. Девятая Международная конференция «Пастораль: между прошлым и будущим». Москва, 9 декабря 2021.
4. II Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования», Москва, 23 апреля 2022 г.
5. XXV Научные чтения «Язык как материал словесности». Литературный институт. Москва, 22 октября 2022 г.
6. III Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования». Москва, 22 апреля 2023 г.
7. I Всероссийская научная конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований». Москва, 20 октября 2023 г.
8. IV Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования». Москва, 23 марта 2024 г.
9. XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Нижний Новгород, 31 мая 2024 г.
10. II Всероссийская научная конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований». Москва, 29 октября 2024 г.
11. V Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования», 22 марта 2025 г.

12. XIII Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе». ННГУ. Нижний Новгород, 23 октября 2025 г.
13. VI Международная научная конференция «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования», 21 марта 2026 г. По теме диссертации опубликовано 15 статей в рецензируемых изданиях.

Статьи, входящие в перечень ВАК:

1. Дегтярева А.Н. Структурно-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: «Грамота», 2026. – Т. 19. – Вып. 6. – С. 2216-225.
2. Дегтярева А.Н. Перцептивный образ автора и интерпретация художественного текста (на материале поэтического дискурса Ф.И. Тютчева) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2026. – №1. – С. 178-184. – DOI: 10.52452/19931778_2026_1_178
3. Дегтярева А.Н. Мглистый полдень: фрейм как способ организации смысла при интерпретации образности в поэзии Ф.И. Тютчева // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2024. – Вып. №2 (58). – С. 655-659.
4. Дегтярева А.Н. Структура категории «образ автора» в художественном дискурсе // Российский лингвистический бюллетень. Екатеринбург, 2023. – №3 (39). – DOI: [10.18454/RULB.2023.39.17](https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.17) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50361705>
5. Дегтярева А.Н. Онтология как структуроорганизующий компонент полипарадигмальной языковой картины мира Ф.И. Тютчева // Российский лингвистический бюллетень. Екатеринбург, 2025. – № 7 (67). – DOI: 10.60797/RULB.2025.67.24 URL: <https://rulb.org/archive/7-67-2025-july/10.60797/RULB.2025.67.24>

Статьи, входящие в РИНЦ:

1. Дегтярева А.Н. Семантика невыразимого в творчестве Ф.И. Тютчева // «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного

- исследования»: Материалы Международной научной конференции. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2020. С. 246-255.
2. Дегтярева А.Н. Прецедентные отсылки в поэзии Ф.И. Тютчева: индивидуально-авторское восприятие общекультурного опыта // «Социальный инженер-2021». Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. М., 2021. Ч. 8. С. 66-71.
 3. Дегтярева А.Н. Модальность как средство отражения категорий субъектности и субъективности в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева // Язык как материал словесности: XXV научные чтения. Казань, 2022. С. 43-55.
 4. Дегтярева А.Н. Реконструкция центральных концептов индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева через анализ лексикона // «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования»: Материалы II Международной научной конференции. 22-23 апреля 2022 г. Вып. 2. Ч. 1. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 119-133.
 5. Дегтярева А.Н. Влияние языковой личности Ф.И. Тютчева на форму и содержание его переводов // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования. Выпуск 3. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 268-283.
 6. Дегтярева А.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева как динамический продукт дискурса // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы IV Международной научной конференции 22-23 марта 2024 г. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2024. Выпуск 4. С. 271-286.
 7. Дегтярева А.Н. Концепт «человек» как аксиологически значимый феномен в поэтической картине мира Ф.И. Тютчева // Аксиологическая картина мира в современных филологических исследованиях: коллективная монография / Бугаева И.В. (Ред.-сост.), Дегтярева А.Н., Дударева М.А., Завельская Д.А., Лагутова А.С., Манойлович Н., Морозов В.Э., Новожилов Д.М.,

- Погукаева А.В., Радомская Т.И., Семенова А.А., Федюкина Е.В. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025. С. 59-73.
8. Дегтярева А.Н. Субъектная структура лирики Ф.И. Тютчева // Всероссийская научная конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований». М., 2025. С. 29-40.
 9. Дегтярева А.Н. Концепт 'память' в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы V Международной научной конференции. 21-22 марта 2025 г. Выпуск 5. Часть 2. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025. С.76-90.
 10. Дегтярева А.Н. Субъективность объективной модальности как актуальная терминологическая проблема // Воображение и память в языке и лингвистических исследованиях: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 23-25 октября 2025 г.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 67-77.

ГЛАВА 1

СЛОВО КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Для описания результатов проведенного исследования, нужно решить ряд задач. Во-первых, в качестве ключевых в данной диссертации выступают следующие термины: «онтология», «онтологическая сущность», «смысл», «смысловая константа», «поэтический дискурс». Обозначенные термины используются в разных научных парадигмах и, как следствие, имеют большой спектр интерпретаций, необходимо определить их объем и содержание в рамках настоящей работы.

Во-вторых, в виду того, что ни один термин не может существовать изолировано, следует построить терминосистему исследования, определив место каждого термина в ней и установив, в каких отношениях в ней находятся смежные термины, а также сформулировать методологию исследования как мировоззренческий принцип данного научного описания, и построить на ее основе терминологическую систему концепции автора данной работы.

В-третьих, представляется необходимым более подробно описать заявленную во введении проблему, на разработку которой направлено данное диссертационное исследование. Решению обозначенных задач и посвящена данная глава.

1.1. Дискурс как сложный когнитивно-коммуникативный феномен

1.1.1. Смысловая сфера дискурса и её архитектоника

Под **архитектоникой смысловой сферы дискурса** понимается способ организации смысла в дискурсивном пространстве, при котором процесс смыслопорождения не только разворачивается в линейной последовательности, но и характеризуется многовекторностью, ассоциативностью или вероятностным характером смыслового расширения смысла, взаимодействием горизонтального и вертикального контекстов. Такая структура позволяет воспринимать смысл не как единый, чётко структурированный объект, а как динамичный, многоплановый

феномен, способный впитывать и интегрировать различные знаково-символические компоненты из разных дискурсов [Переволочанская 2025б]. Активное использования термина «дискурс» в современной науке привело к росту количества его интерпретаций. Первое употребление данной лексемы в качестве лингвистического термина зафиксировано в работе З.З. Хариса в 1952 году, исследователь определил обозначенное явление как единицу выше предложения [Ермакова 2014: 4; Темнова 2004: 25]. Э. Бенвенист предложил новую интерпретацию данного термина: «речь, присваиваемая говорящим» [цит. по: Темнова 2004: 25].

В современной науке данный феномен продолжает активно изучаться и получает свое развитие в большом количестве научных парадигм, что ведет к формированию разных подходов к его изучению и определению [Ирхин 2014]. Рассмотрение дискурса в лингвистике также неоднородно, встречаются формальные, функциональные, ситуативные [Кривошлыкова 2010: 45], структурно-синтаксические, структурно-стилистические, социально-прагматические интерпретации термина «дискурс» [Хурматуллин 2009: 33].

В рамках данного диссертационного исследования дискурс рассматривается с позиции когнитивно-дискурсивного подхода, который предполагает изучение дискурса с учетом коммуникативной ситуации, в которой он реализуется, и ментальности субъектов, участвующих в его порождении и понимании [Кубрякова 2000]. Дискурс в данной работе рассматривается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990].

Из приведенного определения видно, что текст – это компонент дискурса. Текст и дискурс могут быть противопоставлены по нескольким основаниям: 1) процессуальность (текст – результат, дискурс – процесс), 2) актуальность (характерна для дискурса), 3) прикрепленность ко времени (больше свойственна

дискурсу), 4) способность сохранять информацию (дискурс только передает информацию, а текст может ее хранить), 5) интеракциональность (характерна для дискурса) [Селезнева 2014: 70-71; Селезнева 2013].

При этом текст выступает одновременно и как статический продукт дискурса (последовательность вербальных знаков, материально выраженная, структурированная и ограниченная), и как динамический (в виде ряда функций: креативной – у текста есть инициатор; референтной – у текста есть смысл и рецептивной – у текста есть потенциальный адресат) [Селезнева 2014: 70].

Таким образом, дискурс – сложный когнитивно-коммуникативный феномен, включающий в себя, кроме лингвистического плана, синхронизированные знания коммуникантов, целенаправленную деятельность коммуникантов по распознаванию закодированной в тексте информации, интенции для осознания и интерпретации дискурса.

Функционирование этого многослойного сложного явления обеспечивается категориями дискурса: 1) концептуальной целостностью, 2) жанром (стереотипным знанием и представлением коммуникантов о конструктивных параметрах дискурса); 3) антропоцентричностью; 4) дискурсивной идентичностью (точками пересечения авторской и читательской картин мира, их общими знаниями о ситуации); 5) процессуальностью; 6) интерактивностью (интенционально-интерпретационной деятельностью коммуникантов); 7) контекстуальностью; 8) меной коммуникативных ролей; 9) заданностью доминантными дискурсами [Там же: 12-20].

Итак, под дискурсом в работе будет пониматься сложный многослойный феномен, представленный тремя планами: прагматическим (ситуация реализации); ментальным (процессы, происходящие в сознаниях субъектов) и собственно лингвистическим. Прагматический и ментальный планы дискурса делают необходимыми реконструкцию 1) картин мира автора и реципиентов; 2) условий, в которых текст создавался, условий, в которых он интерпретируется, степени совпадения этих условий и определение влияния их совпадения на

точность понимания текста (один из способов решения последней задачи – фреймовый анализ).

Фрейм в данной работе рассматривается как «минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов» [Минский 1979: 3]. Обозначенная единица представлена двумя уровнями: 1) терминалами (заполняются инвариантными данными, справедливыми для всех объектов этого класса); 2) терминальными узлами или слотами (заполняются «заданиями отсутствия» – вариативной информацией, характерными примерами) [Карасик 2002: 110].

1.1.2. Модус и модальность как категории отражения субъекта в тексте

Такая высокая значимость влияния автора и реципиента на структуру, содержание и интерпретацию передаваемого и воспринимаемого текста делает необходимым изучение категорий отражения субъекта в тексте, к которым относятся модус и модальность.

Модальность является частью предикативности, выступающей в качестве основного признака предложения и позволяющей отличить предложение от других синтаксических единиц. Предикативность представляет собой целый комплекс категорий, однако вопрос о его объеме остается дискуссионным. Одни лингвисты считают, что предикативность включает в себя только две категории – модальность и темпоральность [Русская грамматика: Синтаксис 1980: 10], другие к обозначенным компонентам добавляют персональность [Грамматика русского языка 1960: 80; Золотова 2004: 104]. Термин «предикативность» был введен в научный оборот В.В. Виноградовым, который писал следующее: «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности, которое выражается в синтаксических категориях модальности, времени и лица» [Грамматика русского языка 1960: 79-80].

Однако развитие теории языковой картины мира и мысли об отражении представлений субъекта текстопорождения в созданном им тексте, дают

возможность прийти к выводу, что связь между сообщаемым и действительностью является опосредованной, так как действительность перед тем, как отразиться в вербально выраженном сообщении, проходит сквозь призму мировоззрения конкретного человека. При этом субъективизация действительности проявляется даже в научном дискурсе [Щедровицкий 1995: 89-119; Кравченко 2016: 17; Переволочанская 2019б: 103].

Интересно отметить, что о предикативности, как о категории, сцепляющей речь с мыслью (а не непосредственно с действительностью) еще в 1914 году писал А.М. Пешковский, однако вместо термина «предикативность» ученый использовал термин «сказуемость»: «Вот этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью. Сказуемость – это грамматическая категория, и притом важнейшая из категорий, так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью» [Пешковский 2001: 165-166]. Отражение субъективного начала в предикативности свидетельствует о присутствии субъективности и в категориях, которые являются ее компонентами.

По мнению Е.Н. Широковой, лингвистическое время выступает в качестве средства объективации понятийной категории времени и является антропоцентрической, релятивной и координирующей категорией [Широкова 2010: 157]. При этом лингвистическое время тесно связано с наблюдателем, что проявляется в выборе координатной системы и ее масштаба, координатной точки отсчета, а также в способе языковой репрезентации понятийной категории времени [Там же: 36]. Персональность определяется лингвистами как дейктическая языковая категория, основанная на грамматической категории лица. Персональность, наряду с темпоральностью, локальностью и оценкой, является средством переключения между точками зрения субъектов повествования и служит способом иллюстрации целостности субъективной реальности [Болотова 2020: 139].

Модальность в концепции В.В. Виноградова была охарактеризована как субъективно-объективная категория [Грамматика русского языка 1960: 80].

Существенным изменением в понимании грамматической модальности стали идеи Н.Ю. Шведовой об объективной и субъективной модальностях [Грамматика современного русского литературного языка 1970; Русская грамматика: Синтаксис 1980]. В современных исследованиях отмечается постепенный отказ от противопоставления субъективного и объективного аспектов модальности [Романова 2003: 16], объяснить этот отказ можно изменением означаемого в термине «объективная модальность», которая сейчас рассматривается уже не как отношение высказывания к действительности, а как **оценка говорящим** события в качестве реального или ирреального [Шарипов 2019: 76]. В результате этой трансформации возник конфликт между означаемым и означающим в терминах «объективная» и «субъективная модальность». Сохранение противопоставления типов модальности, обозначенных терминами «объективная» и «субъективная модальность», является важным, один из способов решения возникшей проблемы – поиск нового основания для противопоставления данных типов модальности и подбор новых непротиворечивых наименований для них.

Ряд исследователей при сравнении объективной и субъективной модальностей отмечают обязательность первой и необязательность (факультативность) второй [Блинкова 2020: 362; Золотова 1973: 149; Икболжонова 2025: 176]. Однако некоторые ученые не соглашаются с оценкой субъективной модальности как факультативной и утверждают, что «отсутствие эксплицитно (вербально, интонационно) выраженной субъективной модальности – это знак нулевой (нейтральной) субъективной модальности» [Касевич 1988: 188-195].

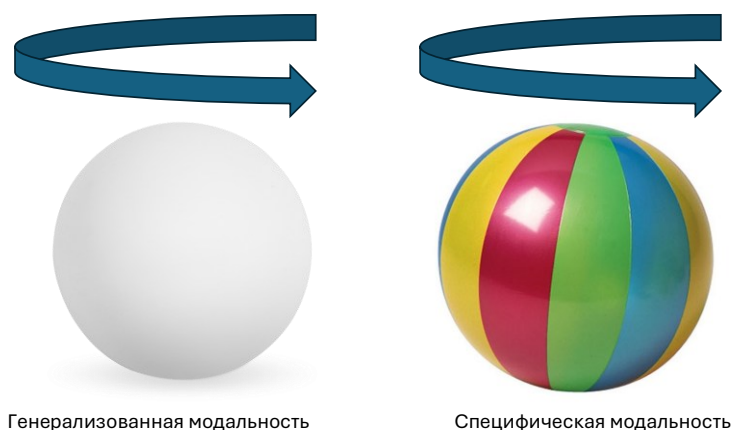
Что же тогда отличает субъективную модальность от объективной? Объективная модальность связана с конкретным аспектом отражения субъекта в созданном им высказывании – с оценкой события как реального или ирреального, при этом данная оценка всегда реализуется в речи и является общей для всех высказываний. Субъективная модальность обладает большим потенциалом и связана с выражением уверенности / неуверенности; истинности / ложности, кажимости, достоверности / недостоверности и т.д., но в конкретном

высказывании данный потенциал не всегда реализуется на 100%, обычно в отдельном контексте актуализируются только некоторые из возможных граней субъективной модальности, раскрывая дополнительные специфические аспекты проявления отношения говорящего к действительности или сообщению. Поэтому в качестве альтернативы терминов «объективная модальность» и «субъективная модальность» можно предложить термины «генерализованная модальность» и «специфическая модальность» соответственно.

При этом каждая из них является обязательной субъективно-объективной категорией. А те искажения, которые появляются в процессе анализа данных типов модальности, обусловлены их свойствами. Обязательность выражения оценки события как реального или ирреального создает иллюзорное ощущение объективности генерализованной модальности, с которой данная оценка связана. Решение о том, как оценить событие (в качестве реального или ирреального), принимает говорящий, опираясь на свои интенции или представления о ситуации, но язык «заставляет» высказывающегося это решение принять. Специфическая модальность, как было сказано выше, представлена большим комплексом конкретных аспектов проявления субъекта в речи, при этом выражение каждого конкретного аспекта в высказывании не является обязательным, но как минимум один из таких аспектов должен быть реализован в речи. Получается, характеристика специфической модальности как факультативной категории – следствие переноса на целое свойств отдельных компонентов этого целого.

Условно отличие генерализованной и специфической модальности можно изобразить на рисунке в виде двух мячиков, генерализованной модальности соответствует однотонный мячик, а специфической модальности соответствует мячик с вертикальными цветными полосками (рисунок 1).

Рисунок 1. Генерализованная и специфическая модальность

При вращении слева направо вид первого мячика будет неизменным, так как он весь покрыт одним цветом, его видимая сторона совпадает по цвету с той, которая не видна. Как и этот мячик, генерализованная модальность «покрыта одним цветом» – связана с одним аспектом отражения субъекта в речи. При вращении мяча с вертикальными полосами слева направо его цветовое наполнение будет меняться, так как часть цветных полос будет уходить назад, а другая часть будет выходить вперед, становясь доступной для нашего восприятия. Нечто похожее происходит и при использовании специфической модальности, в каждом конкретном высказывании мы «поворачиваем» специфическую модальность нужной стороной, так чтобы были заметны конкретные аспекты отражения субъекта в речи, где-то это волеизъявление, где-то иллюстрация уверенности, а где-то демонстрация нейтрального отношения к событиям. Эта делает специфическую модальность более аморфной и неуловимой, вызывая ощущение ее факультативности.

Смежным термину «модальность» является термин «модус», который в лингвистические исследования ввел Шарль Балли [Балли 1955: 44]. По его мнению, высказывание включает в себя две части: диктум (соотносится с процессом, образующем представление) и модус (содержит главную часть предложения, без которой предложение вообще не может существовать, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим

субъектом) [Там же]. Однако Шарль Балли не дает четкого разграничения терминов «модус» и «модалность», вопрос об их соотношении остается дискуссионным до сих пор [Копытов 2012: 128; Романова 2006: 30]. В данной диссертации под модусом будет пониматься ментальное состояние говорящего, а под модалностью – соответствующая данному состоянию окраска языковых средств [Ярыгина 2012: 37].

В данной диссертационной работе будет говориться о разных типах модалности, представленных в нескольких классификациях. Так, в практических главах рассматриваются языковые средства репрезентации 1) аксиологической модалности (выраженной в суждении информации об отношении человека к объекту с точки зрения определенной системы ценностей) [Ивин 1997: 9]; 2) деонтической модалности (выраженных в суждении просьбы, совета, приказа или предписания, побуждающих кого-либо к конкретным действиям) [Там же: 139]; 3) эпистемической модалности (оценки говорящим той или иной точки зрения как достоверной или недостоверной) [Там же: 691]; 4) алетической модалности (оценки факта, ситуации как истинного / ложного, необходимого, возможного, случайного или невозможного с точки зрения законов природы, общества, логики) [Кондаков 1975: 32].

Рассматриваются в работе и типы модусных рамок, выделенных Г.А. Золотовой: 1) перцептивная модусная рамка (операторы – глаголы чувства и модусные предикаты, типа «видеть», «слышать», «чувствовать»); 2) волюнтативная (модалные глаголы и предикативы, глаголы речевого воздействия типа «мочь», «хотеть», «желать» и т.д.); 3) ментальная (глаголы знания, мнения, восприятия в ментальном значении и модусные предикаты, типа «знаю», «верю», «думаю», «помню»); 4) речевая (глаголы речи); 5) реактивная (краткие прилагательные и глаголы со значением эмоционального состояния типа «рад», «счастлив», «удивлен» и т.д., краткие прилагательные и глаголы, выражающие отношение говорящего к чужому высказыванию, типа «я не согласен», «я не уверен», предикативы и существительные со значением истинностной оценки) [Золотова 1998: 279-288].

Выявляются при анализе поэзии Ф.И. Тютчева и некоторые из компонентов в классификации модальных значений по Т.В. Романовой: 1) интеллектуальная модальность; 2) оценочная модальность; 3) диалогическая модальность; 4) эмоциональная модальность; 5) волюнтивная модальность [Романова 2008: 6-7].

Модус и модальность выступают в качестве средства переключения между точками зрения субъектов, представленных в тексте [Золотова 2004: 231-232; Копытов 2012: 57]. Отношения между этими субъектами могут быть представлены в виде субъектной перспективы, включающей пять сфер [Золотова 2004: 231-232] (схема 1).

Схема 1. Отношения между субъектными сферами (по Г.А. Золотовой)

Не-Я	Я	Не-Я		
МОДУС		ДИКТУМ		
S ₅	S ₄	S ₃	S ₂	S ₁
Слушающий (адресат)	Говорящий	Авторизатор	Каузатор	Субъект базовой модели
Ты / Вы	Я	<p><i>Он знает, думает, что...</i></p> <p><i>Ему известно, что...</i></p> <p><i>По его мнению...</i></p>	<p>с предикатами конкрет. физич. воздействия: <i>(Рабочие передвинули стол, побелили потолок);</i></p> <p>с предикатами интерпретации: <i>(Хозяйка вынудила нас уехать)</i></p>	<p>Субъект действия <i>(Брат читает)</i></p> <p>Субъект состояния <i>(Брату весело, холодно)</i></p> <p>Субъект качества <i>(Брат умен, Виноград зелен)</i></p>

Используя модальные рамки, автор переключается между перечисленными субъектными сферами, создавая за счет этих переключений специфичные субъектные перспективы, интерпретация которых влияет на понимание произведения [Сидорова 2018: 26].

Способствуют данным переключениям и коммуникативные регистры – модель восприятия и отражения действительности, обусловленная коммуникативными интенциями говорящего (пишущего) и его точкой зрения [Золотова 2004: 57].

Таким образом, модус – это экстралингвистическая категория, связанная с ментальным состоянием говорящего, а модальность – категория, обусловленная отражением данного состояния через языковые средства. Модальность – это текстообразующая категория, позволяющая автору выстраивать в произведении различные субъектные перспективы и помогающая читателю формировать свою интерпретацию через реконструкцию данных субъектных перспектив.

1.1.3. Субъект дискурса как смыслообразующий феномен: образ автора и языковая личность

В качестве стержня в описанных выше субъектных перспективах выступает образ автора, обеспечивающий целостность интерпретируемого контекста. Процесс реконструкции образа автора – непростая задача, так как в тексте он представлен имплицитно, а область его «залегания» – сознание субъекта, порождающего или воспринимающего текст, – находится в процессе постоянного развития. Образ мира субъекта – это реконструкция категориальной структуры индивидуального сознания.

В толковании образа автора можно заметить постепенную эволюцию, представленную четырьмя этапами: 1) неразличением автора и исполнителя; 2) уподоблением автора Богу творцу; 3) осознанием необходимости читательской и исследовательской реконструкции «организующей художественной воли» [Поэтика 2008: 13]; 4) концепцией «смерти автора», согласно которой текстовое пространство фокусируется не в авторском, а в читательском сознании [Барт 1989: 233-236].

Согласно концепции В.В. Виноградова, образ автора представляет собой индивидуальную словесно-речевую структуру, которая выступает в качестве стержня в текстовом пространстве [Виноградов 1971: 151-152]. М.М. Бахтин

расширяет проблему рассмотрения образа автора через включение в объект исследования читательской рефлексии. По мнению М.М. Бахтина, читатель в процессе восприятия произведения осуществляет «вторичный творческий акт», результатом которого становится новый образ автора, отличный от исходного [Бахтин 1986: 192].

В современной лингвистике развитие идеи отражение категории «образ автора» в сознании реципиента представлено в работах И.И. Баклановой, выделяющей в обозначенной категории два уровня: интенциональный (образ автора, который субъект текстопорождения хочет отразить в своем тексте) и перцептивный (образ автора, который на самом деле отражается в читательском сознании и не всегда совпадает с исходным, интенциональным) [Бакланова 2012: 136-137]. Способствует подвижности категории «образ автора» и интертекстуальность (особые диалогические отношения, возникающие между несколькими текстами и элементами одного текста) [Москвин 2013: 54].

Образ автора – не только подвижная, но и гетерогенная категория, выстраивающаяся на основе картины мира субъекта текстопорождения и отражающаяся в произведении в виде идеи и проблематики, выражающихся в форме, свойственной для идиостиля писателя [Широкова 2014: 104].

В оценках исследователей степени проявления авторского начала в разных функциональных стилях также наблюдается эволюция. Так, в исследованиях конца XX века отражается мысль, что «модальность в научных текстах можно определить как нулевую» [Гальперин 1981: 115]. В лингвистике XXI отмечается, что «современный научный дискурс (прежде всего в гуманитарной сфере) стремится в область “художественного”, стирая грани между искусством, литературой и наукой» [Переволочанская 2019б: 103], данный факт свидетельствует об увеличении интенсивности проявления авторского начала в научном тексте.

Предпосылкой для формирования категории «образ автора» являются языковые личности субъектов дискурса (автора и читателя). В отечественной науке термин «языковая личность» впервые встречается в работе

В.В. Виноградова «О художественной прозе» [Селимова 2012: 1514]. Исследователь предложил два способа исследования данного явления: 1) историко-литературный через образ автора; 2) с опорой на анализ и воссоздание индивидуальной речевой структуры [цит. по: Караулов 1987: 30].

В данной диссертации представлен комплексный анализ, включающий оба способа реконструкции языковой личности, под которой здесь и далее понимается «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Там же: 245].

В настоящий момент существует несколько моделей реконструкции языковой личности. На первых этапах развития данной концепции исследователи в первую очередь стремились реконструировать монологическую языковую личность. Так, Ю.Н. Караулов выделял в организации языковой личности три уровня: 1) вербально-семантический или структурно-системный (нулевой), 2) лингвокогнитивный или тезаурусный (первый) и 3) мотивационный (второй). Каждый из названных уровней включает ряд типовых элементов: единицы соответствующего уровня, отношения между ними и стереотипные их объединения; формирование языковой личности на каждом из трех уровней относительно автономно [Там же: 51].

В концепции Г.И. Богина представлена лингводидактическая модель языковой личности, включающая три аспекта, каждый из которых делится еще на несколько уровней. Первый аспект – устройство языковой системы, он включает фонетический, лексический, грамматический уровни. Вторым аспектом – виды речевой деятельности, представленный такими видами, как говорение, аудирование, чтение, письмо. Третий аспект – развитие языковой личности, он предполагает деление на следующие ступени: правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора и адекватного синтеза [Богин 1984].

На современном этапе развития науки можно выделить несколько подходов к изучению языковой личности. Так, с точки зрения лингводидактического

подхода языковая личность формируется в результате удовлетворения своих коммуникативно-деятельностных потребностей. Цель анализа языковой личности в данном направлении – развитие методики обучения языку [Селимова 2012: 1515]. Цель изучения языковой личности в лингвокогнитивном подходе – изучение когнитивных процессов через анализ их отражения в языковых единицах [Красных 2001: 151]. Предмет психолингвистики – языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте [Горелов 2001: 4]. Лингвокультурология исследует языковую личность, как носителя языкового сознания и культуры, отраженной в языке [Карасик 2002: 7].

С.А. Сухих в своей диссертации «Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса» [Сухих 1998] и в ряде работ, например, в книге «Личность в коммуникативном процессе» [Сухих 2004] активно разрабатывает проблему проявления языковой личности в коммуникации. Исследователь отмечает, что языковая личность может изучаться в рамках двух подходов: 1) структурного, когда задаются уровни организации знаковой активности; 2) холистического, в котором акцент смещается на энергетическую сущность языковой личности, на ее динамизм, актуализирующиеся в коммуникации.

Развивают проблему построения модели языковой личности, участвующей в диалоге, Е.Н. Скубиева и Н.Н. Шпильная. Модель языковой личности, отраженная в их работах включает четыре уровня: 1) уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора средств для создания ответного текста, 2) интерпретационный уровень, 3) модусный уровень, 4) интертекстуальный уровень [Скубиева 2022].

Для реконструкции диалогической языковой личности Ф.И. Тютчева в работе будет осуществлен анализ его переводов и реконструкция его переводческой языковой личности – особого подвижного конструкта, представленного двумя ипостасями: 1) дискурсивной личностью (связана со способностью создавать текст); 2) коммуникативной личностью (обусловлена участием языковой личности в общении). Первая ипостась – обязательный

компонент переводческой языковой личности, а вторая в переводе может проявляться с разной степенью интенсивности [Куницына 2008: 106].

При анализе переводческой языковой личности Ф.И. Тютчева учитывается, что в процессе естественного перевода трансформации подвергается не только форма, но и содержание, при сопоставлении перевода с оригинальным текстом в некоторых случаях обнаруживается высокая степень семантического расхождения между исходной и переводной единицами [Таунзенд 2025а: 197]. Обозначенную трансформацию можно объяснить тем, что в процессе перевода взаимодействие языков является опосредованным и проходит через сознание переводчика, где смысл оригинала преломляется [Таунзенд 2025б: 85].

Для реконструкции переводческой языковой личности Ф.И. Тютчева в диссертационном исследовании используется интеграция двух моделей: 1) модели Ю.Н. Караулова, в которой рассматривается связь между замыслом говорящего и выбором языковых средств для его воплощения, т.е. реализуется ономасиологический аспект изучения предмета; 2) модели, представленной в исследовании Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной, направленной на изучение процесса интерпретации, а значит, способствующей изучению языковой личности с точки зрения семасиологического подхода.

Но во вторую модель было внесено небольшое уточнение. Так, на интерпретационном уровне при реконструкции переводческой языковой личности Ф.И. Тютчева будет говориться не о 1) холистической и элементаристской стратегиях; 2) текстоориентированной и автороориентированной стратегиях [Скубиева 2022], а о переводческих стратегиях: 1) стратегии, отражающей стремление переводчика к позитивистскому тождеству / эквивалентному переводу (поиску объективного соответствия между предметами действительности в тексте-источнике и в переводе); 2) стратегии, связанной с феноменологическим тождеством и стремлением к адекватному переводу (в центре точная передача специфики восприятия действительности автором оригинального текста) [Воскобойник: 2014 9-10].

Так как в произведении может быть отражено мировоззрение и позиция не писателя, а созданного им героя, перед реконструкцией языковой личности субъекта текстопорождения и дальнейшим анализом образа автора необходимо провести процедуру разграничения героя и автора.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что категория «образ автора» – смысловой стержень текстового пространства, отражающий авторское «потенциальное», рождающееся в сознании субъекта текстопорождения, находящегося в постоянном диалоге с культурой, и вливающееся в воспринимающее сознание, предполагающее множественность интерпретаций. Однако при анализе данной категории следует учитывать, что в тексте субъектом речи может становиться не сам автор, а созданный им герой, поэтому важно отделить автора от героя в ходе исследования.

1.1.4. Особенности поэтического дискурса

При реконструкции категории «образ автора» и языковой личности, а также в процессе изучения функционирования слова в дискурсе необходимо определить, к какому типу данный дискурс относится и какими специфичными чертами он обладает. В виду того, что в качестве основного материала исследования в данной диссертации выступает поэзия, необходимо выявить специфику изучения поэтических текстов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Поэзия относится к бытийному личностно-ориентированному типу дискурса, представленному двумя видами: 1) опосредованным (переносное и символичное развитие идеи через повествование и описание); 2) прямым (смысловой переход – рассуждение; смысловой прорыв – поток образов, магма смыслов) [Карасик 2002: 240-241].

Так как для поэзии в большей степени свойственен прямой вид бытийного личностно-ориентированного дискурса и актуализация смыслового прорыва, поэтические тексты отличаются заведомой неоднозначностью, снижением рациональной и повышением эмоциональной точности [Там же: 244-245], последняя способствует актуализации эмоциональных ассоциаций и ведет к

появлению «неиндивидуальной конкретности поэтического языка» [Кристева 2004: 266].

Поэтические произведения Ф.И. Тютчева относятся к лирическому роду литературы, что ставит в рамках данного исследования еще одну проблему – отделение автора от героя, так как в лирике степень их единства выше, чем в других родах литературы [Бройтман 1999: 141-142]. В данной диссертации процесс отделения образа автора от героя в поэзии Ф.И. Тютчева осуществляется с помощью субъектной структуры лирики по С.Н. Бройтману. Исследователь выделил пять форм выражения субъекта в тексте. Две из них тяготеют к полюсу автора: 1) автор-повествователь и 2) собственно автор; одна почти сливается с полюсом героя: 3) герой ролевой лирики; две занимают промежуточное положение: 4) лирическое «я» и 5) лирический герой [Там же: 144].

Автор-повествователь – форма выражения лирического субъекта в тексте, при которой ценностные установки автора представляются в тексте имплицитно, на лингвистическом уровне это проявляется в использовании третьего лица. Собственно автор – форма выражения лирического субъекта, при которой в центре описания в произведении оказывается переживаемая действительность, при этом субъект, ее воспринимающий, представлен в тексте эксплицитно через формы первого лица [Там же: 145]. Герой ролевой лирики – форма, предполагающая явное отделение от автора (персонаж, близкий к драматическому герою) [Там же: 144]. Лирическое «я» – форма выражения лирического субъекта, для которой характерна надсубъектность (описываемые переживания – «в вечном возвращении живущее “я”, обретающее в поэте свое обиталище»), в произведениях с этой формой «носитель речи становится субъектом-в-себе, самостоятельным образом» [Там же: 146]. Лирический герой – форма выражения лирического субъекта, предполагающая соблюдение следующих условий: 1) единство авторского сознания в определенном кругу проблем и его выражение в устойчивых чертах; 2) образ личности выступает и как действующий субъект, и как объект описания и оценки; 3) несовпадение с реальным автором, но намеренная отсылка к его биографии. [Там же: 148-150]. Л.Я. Гинзбург считала,

что Ф.И. Тютчев относится к поэтам без лирического героя, так как лирический субъект, отраженный в его поэзии, не отличается целостностью [Гинзбург 1964: 207].

Таким образом, под поэтическим дискурсом следует понимать особый вид дискурса, лингвистический план которого выражен стихотворным произведением или произведениями. Данный тип дискурса обладает рядом специфических черт, которые необходимо учитывать при его изучении. К таким чертам можно отнести: 1) сниженный уровень рациональной точности; 2) повышенный уровень эмоциональной точности; 3) психологически достоверная условность.

Если же речь идет о поэтическом лирическом произведении, то возникает еще и сложность, связанная с разграничением автора и героя, которая может быть решена через определение формы выражения субъекта в тексте: автор-повествователь, собственно автор, герой ролевой лирики, лирическое «я» и лирический герой. Следующий этап исследования – изучение интенционального образа автора через выявление значимых для субъекта текстопорождения смысловых констант и анализ категории модальности. И заключительный этап – описание перцептивного образа автора в результате анализа вторичных текстов, отражающих преломление авторской мысли в читательском сознании.

Формированию перцептивного образа автора способствует трансформация закладываемого автором смысла в читательской интерпретации, что свидетельствует о необходимости рассмотрения структуры смысла как компоненты категории «образ автора».

1.1.5. Смысл как компонента категории «образ автора»

Смысл как один из аспектов содержательной стороны текста необходимо рассмотреть в соотношении со значением. Проблему корреляции обозначенных феноменов еще в XIX веке поднимал А.А. Потебня, выделявший ближайшее / формальное значение (обеспечивает процесс понимания, является народным) и дальнейшее значение (индивидуальное) [Потебня 1958: 20].

В начале XX века в психологических исследованиях при рассмотрении тех же явлений уже используются термины «смысл» и «значение». Под первым понимается «совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову». Смысл – сложное и динамичное явление, состоящее из нескольких зон, наиболее устойчивая из них – значение [Выготский 1999: 311-314]. Но несмотря на свою устойчивость значение не обладает абсолютной константностью, динамичность значения обусловлена работой смысла, которым слово обогащается в каждом конкретном контексте [Там же: 312].

При рассмотрении в традиционной лингвистике динамичность значения просматривается в иерархической системе, где прослеживается движение от исходного номинативно-непроизводного значения к вторичным: номинативно-производному, метафорическому и символическому [Степанова 2005].

Но наиболее явно подвижность значения репрезентируется при рассмотрении его полевой структуры. Так, уже в начале XX века были исследователи, считавшие, что детерминированный компонент – это лишь наиболее устойчивая часть значения, представленная постоянными признаками, но ее окружает стохастическая подвижная периферия, содержащая колеблющиеся признаки. При этом в речи в отдельных контекстах колеблющиеся признаки могут полностью вытеснить основной [Тынянов 1924: 56].

В конце XX века М.В. Никитин описал похожую структуру значения, включающую устойчивую часть – «интенционал» (ядерный, детерминированный компонент) и подвижную периферию, представленную двумя уровнями: «импликационалом» (совокупностью нетипичных вероятностных признаков значения) и «негимпликационалом» (совокупностью семантических признаков, несовместимых с интенционалом значения слова, но притягивающихся к нему в определенных контекстах) [Никитин 1988: 60]. В импликационале и негипликационале значения на первый план выходят субъективные компоненты, обусловленные индивидуально-личным сознанием воспринимающего и говорящего [Там же: 38].

Таким образом, смысл и значение способствуют развитию друг друга. Подвижная периферия значения, выступая как потенциосфера, способствует появлению в речи имплицитных смысловых приращений, которые в свою очередь ведут к обогащению языковых единиц смыслами, впитанными из контекстов употребления, и способствуют расширению их значений.

Вопрос о локализации значения и смысла продолжает оставаться дискуссионным. А.Н. Леонтьев, Э.Д. Сулейменова, В.Г. Колшанский, С.А. Васильев, И.А. Зимняя считают, что смысл – речевая категория. И.М. Кобозева утверждает, что значение – инвариантная языковая категория, а значение – вариативная. Г.П. Мельников выделяет «абстрактный социально значимый смысл» и «ситуативные конкретные смыслы». В.А. Звегинцев и А.Г. Волков, рассматривают значение как языковую категорию, а смысл – как внеязыковую, [Переволочанская 2009: 1587].

С.Н. Переволочанская предлагает рассматривать смысл как триипостастный конструкт, представленный на трех уровнях: в концептуальных системах реализуется протOVERбальный смысл, стремящийся попасть в речь, в которую он входит, пройдя через «горнило языковой “десакрализации”», где существует как потенциосфера в импликационале значения, после чего уже реализуется в речи в имплицитном содержании высказывания. При этом в речи происходит смена полюсов – то, что было скрыто в языке, здесь наоборот выходит на первый план [Там же: 1588-1595].

Данная модель свидетельствует о важности учета связи языка и речи с мышлением и о необходимости изучения языковой картины мира субъекта текстопорождения при интерпретации его произведений, так как «за каждым словом в том или ином социуме, в той или иной языковой культуре стоят когнитивные контексты, содержание которых во многом отмечено социокультурной и национально-культурной спецификой, в том числе на уровне основного лексического фонда» [Болдырев 2017: 6]. Эти «когнитивные контексты» участвуют в формировании прагматики – компонента значения, характеризующего уместность / неуместность; возможность / невозможность;

желательность / нежелательность использования данного знака в данной ситуации [Прядильникова 2006: 185-187], а также способствуют появлению имплицитного смысла.

Вопрос о границе между эксплицитным и имплицитным решается учеными по-разному. Объединяя существующие точки зрения на определения имплицитного компонента речи и его соотношения с эксплицитным, можно заключить, что имплицитное содержание – это содержание, невоплощенное прямо в узуальных значениях языковых единиц и не имеющее специальных средств вербализации, но извлекаемое из контекста при его восприятии [Долинин 1983: 37]. Коммуникативный смысл появляется в результате взаимодействия имплицитных приращений с эксплицитным компонентом [Тажибаева 2020].

Для выявления имплицитного смысла в дискурсе в данной диссертации используются методика построения семантического поля [Буракова 2007] и компонентный анализ [Найда 1983: 61-69], а также методика выявления имплицитной информации, предложенная А.П. Баимбетовой. Исследователь выделяет два типа сигналов имплицитности: 1) индикаторы, указывающие на наличие имплицитного смысла; 2) идентификаторы, задающие верный вектор его декодирования [Баимбетова 2020: 1999]. Первые связаны с нарушением параметров коммуникативной ситуации, максим Грайса или норм языка [Бакланова 2011: 19; Долинин 1983: 39]. В качестве идентификаторов обычно выступает контекст произведения и фоновые знания субъектов дискурса [Баимбетова 2020: 200]. При этом в художественном произведении идентификаторы не дают возможности выбрать однозначный смысл, а лишь задают примерный вектор для интерпретации, в виду заданной неоднозначности таких текстов. Особенно важны фоновые знание при интертекстуальной сложности контекста, вызванной связью анализируемого контекста с предтекстом (предшествующей, «левой» частью текста) и пре-текстом (другим текстом) [Москвин 2013: 55]. В результате взаимодействия нового текста и пре-текста происходит трансформация исходного смысла, так как прецедентный феномен, попадая в иное лексическое окружение, обогащается новыми

семантическими компонентами в результате имплицитных приращений [Николина 2024: 50].

Появление имплицитных приращений может быть также обусловлено возникновением в дискурсе корреляции между единицами семантических полей, не имеющих явных пересечений в языке. В отдельных контекстах семантические поля могут даже почти не пересекаться непосредственно, однако в семантической композиции произведения между ними устанавливаются смысловые связи [Николина 2023: 47].

Смысловые расширения, возникающие в дискурсе обусловлены не только содержательной стороной интерпретируемого контекста, но и его формой. Ю.Н. Тынянов отмечал, что «Ритмический стиховой ряд представляет целую систему условий, своеобразно влияющих на основной и второстепенные признаки значения и на появление колеблющихся признаков» [Тынянов 1924: 61]. К факторам, способствующим появлению новых смыслов в поэтическом произведении, Ю.Н. Тынянов относит единство и самостоятельность стихового ряда [Там же: 63]. В результате действия «тесноты стихового ряда» происходит смыслообмен между словами внутри поэтического контекста, это приводит к появлению содержания у бессодержательных единиц и актуализации колеблющихся признаков значения [Тынянов 1924: 82-85]. Не менее важными факторами поэзии является рифма, которая также выступают в качестве значимого семантического рычага. Описывая действие рифмы, Ю.Н. Тынянов называет ее ритмичным сравнением и указывает на ее прогрессивно-регрессивный характер [Тынянов 1924: 101-117].

Затронутый в начале XX века вопрос о влиянии структурных признаков стихотворного текста на его семантику был детально разработан в начале XXI М.Л. Гаспаровым, который указывал на деформацию смысла в стихотворении под влиянием стиля, ритма, рифмы и жанра [Гаспаров 2005: 119]. Иногда смысловое и ритмическое выделение слов может вступать в борьбу. Совпадение семантически сильных слов с ритмически сильными позициями ведет к подчеркиванию первых, несовпадение – к сглаживанию [Гаспаров 2005: 17].

Таким образом, значение и смысл находятся во взаимодополняющих отношениях. С одной стороны, подвижная периферия значения делает возможным появление новых смыслов в речи, а с другой – зарождаясь в речи, новые смыслы обогащают потенциальные возможности языкового значения. При этом смысл «живет» и в языковой, и в речевой, и в ментальной сферах, перемещаясь по ним, он меняет свой онтологический статус. На появление смысла в конкретном высказывании влияет не только содержательная сторона речи, но и целый ряд иных факторов: форма высказывания, невербальные и паралингвистические сигналы (для устной речи), ситуативный контекст. Также к наиболее важным факторам появления смысла относятся и особенности картин мира автора и реципиента.

Теория языковой картины мира активно разрабатывается в современной лингвистике. Однако для наиболее точного понимания особенностей отражения в языке представлений человека о мире необходимо рассмотреть данный вопрос в более широком контексте. Так как формирование идеи о языковой картине мира – это результат не только развития лингвистического знания, но и следствие эволюции философского знания, отраженного в одном из разделов философии – онтологии. Вопросам развития онтологии и усиления ее связи с гносеологией, а также влияния данного процесса на лингвистику будет посвящен следующий пункт диссертации.

1.2. Категориальные структуры сознания как средство рефлексии познающего субъекта

1.2.1. Диалектика взаимоотношений онтологической сущности слова и его гносеологической природы

В своем наиболее общем определении «онтология» (от греческого *ὄντος* – сущее, бытие) – это раздел философии, имеющий своим предметом проблематику бытия как такового [Попов 2023], наука о сущем, рассматривает наиболее общие взаимоотношения между миром и человеком. Исторически первое известное письменное употребление этого термина (от латинского «*ontologia*»)

зафиксировано в начале XVII века, в 1606 г., в сочинении Якоба Лорхарда «Схоластическая восьмерица», онтология является здесь синонимом метафизики [Круглов 2020: 3]. Через 43 года И. Клауберг использовал термин «онтософия» как синоним для метафизики. А позже Х. Вольф закрепил понятие «онтология» для обозначения фундаментального раздела метафизики, наряду с космологией, теологией и психологией [Круглов 2020: 213].

История изучения смысла бытия уходит корнями в античность. Аристотель выделил 10 классических категорий, отображающих общие понятия о мире и способы его познания: *субстанциональное сущее* (сущность) и *акциональное сущее* (количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание). Представленные разряды категорий, включающие только типичное и существенное, отражают логико-онтологический аспект познания.

Р.Ю. Рахматуллин выделяет три интерпретации термина «онтология»: 1) синоним к «метафизике»; 2) классическая онтология – учение об объективном мире, который человек пытается познать; 3) неклассическая онтология, направленная на мир, отраженный в познающей деятельности человека [Рахматуллин 2016: 167]. В последних двух интерпретациях, выделенных Р.Ю. Рахматуллиным, можно проследить эволюцию восприятия онтологии и отношения к ней. История философии включает в себя периоды классической философии (до 2-ой половины XIX века) и неклассической философии (со 2-ой половины XIX века) [Философия 2005: 7].

Стоит отметить, что представление об ответе на онтологические вопросы не было однородным даже в рамках отдельного этапа развития философии. Так, в античной философии выделяется материальная (Демокрит) и идеальная (Платон) трактовки бытия [Там же: 33-34]. Кроме того, уже в античности фиксируется первый отказ от решения онтологических проблем, представленный в учении софистов, заявляющих о невозможности достижения объективного знания [Там же: 40]. И в этот же период Парменид выдвинул тезис о тождестве бытия и мышления, который сыграл огромную роль в античной философии и в дальнейшем развитии онтологических концепций [Сухачёв 2006]. Однако в целом

античная философия все же отличается онтологизмом, который проявлялся в стремлении ответить на вопрос «Что есть во всех своих неизменных формах, а что только кажется существующим?» [Философия 2005: 29].

В Новое время онтологический аргумент становится методом поиска достоверных основ научного познания, природа начинает восприниматься как система тел и их элементов. В этот период происходит смещение фокуса философской мысли с онтологии на гносеологию и методологию, в связи с чем в вопросе о «действительности» выделилось три направления: монизм (Дж. Локк), дуализм (Р. Декарт) и плюрализм (Г.В. Лейбниц) [Ухов 2014: 6].

Отдельно стоит сказать об онтологии в рамках немецкой классической философии, которая, по мнению А.Л. Доброхотова, по интенсивности работы с категорией бытия и по глубине ее переосмысления сопоставима лишь с эпохой Платона и Аристотеля. Оба периода сходны еще и тем, что они не только задали новые ориентиры последующей философии, но и собрали в себе, как в фокусе, идеи и проблемы своих предшественников. [Доброхотов 1986: 91].

И. Кант дает дефиницию онтологии в сочинении, исследующем успехи метафизики в Германии со времени Г.В. Лейбница и Х. фон Вольфа. «Онтология – это наука (часть метафизики), составляющая систему всех рассудочных понятий и основоположений, поскольку они относятся к предметам, которые даны чувствам и, следовательно, могут быть удостоверены опытом» [Кант 1966: 180-181].

В концепции И. Канта уже прослеживается существенная роль познающего субъекта в познании бытия – связь онтологии и гносеологии. Своего апогея данная мысль достигает в концепции Г. Гегеля, основой которой становится идея о тождестве бытия и мышления: «бытие как чистое понятие в самом себе, а чистое понятие – как истинное бытие» [Гегель 1997: 48-49].

Гносеологическое понимание онтологии в немецкой классической философии, в основе которого лежали рационалистический метод и достижения естественных наук XIX века, снизили интерес к онтологии, как к самостоятельному разделу философии. Онтология из системы превращается в

метод. Философия начинает отказываться от ориентации на поиск сущности, а вместе с этим теряет целый ряд тонких интеллектуальных техник. «Отвергнув “метафизическое мышление” философия и социальные науки попадают в плен дурной “метафизики” и идеологии» [Щедровицкий 2005-2012]. Осознание этого обстоятельства приводит постепенно к реабилитации онтологического мышления и онтологии.

Однако учения о роли мышления в познании бытия накладывают отпечаток, на формирование новых представлений об онтологии. Так, Э. Гуссерль выделяет формальные онтологии и региональные онтологии. Формальные онтологии, по мнению философа, связаны с постижением бытия «как оно есть»; а региональные онтологии отражают бытие, схваченное в сознании человека [Попов 2023; Щедровицкий 2005-2012]. Данное разграничение присутствует и у М. Хайдеггера, проводящего разграничение онтического (связанного с сущим) и онтологического (связанного с бытийным): «Философия есть теоретически понятийная интерпретация бытия, его структуры и его возможностей. Она онтологична. Мироззрение, напротив, есть полагающее познавание сущего и полагающая установка по отношению к сущему, оно не онтологично, но онтично» [Хайдеггер 2001: 14]. При этом М. Хайдеггер подчеркивает: «Мы способны схватывать сущее как таковое, как сущее, только если мы понимаем нечто такое, как бытие» [Там же:12].

Методологическая онтология оказывается не столько картиной мира, сколько принципом систематизации и организации нашего объективного (стремящегося к объективации) знания о мире [Щедровицкий 2005-2012]. Г.П. Щедровицкий предлагает концепцию онтологии, в которой учитывается также психо-гносеологический компонент (мыследеятельность ученых), и считает, что для приближения к постижению сущего необходимо объединить разные онтологические представления, отраженные в науках в единый образ [Щедровицкий 1995: 88-119].

Представления о влиянии субъекта познания на процесс формирования знаний о бытии ведет к развитию противопоставления в отдельных исследованиях

терминов «действительность» и «реальность»: под действительностью понимают истинно сущее, подлинное первичное бытие; в то время как реальность воспринимается в качестве отражения действительности в человеческом сознании [Оводова 2013: 102]. Обозначенное разграничение используется и в данной диссертации.

Важным является вопрос разведения таких смежных терминов, как «онтология», «мировоззрение» и «картина мира», в диссертации принято разграничение, предложенное Р.Ю. Рахматуллиным, который считает, что онтология – это философская рефлексия над картиной мира, а картина мира – это предметная сторона мировоззрения, в которой конкретизированы знания о наиболее важных для индивида объектах мира, данные знания переживаются индивидом как подлинно существующие объекты реальной действительности, их свойства и отношения между ними [Рахматуллин 2016: 168].

Таким образом, из онтологии как учения, в рамках которого предполагалось построить предельно обобщенную универсальную картину мира, через ряд кризисов и переосмыслений сформировалась методологическая онтология, связанная с пониманием влияния познающего субъекта на получаемые им знания. Что привело к формированию *диалектической связи между онтологией (учением о бытии) и гносеологией (учением о познании бытия)*, как фундаментальных сфер философии, определяющих решение всех иных проблем. С одной стороны, существующая онтология влияет на формирование методологии изучения бытия, на процесс познания. С другой стороны, в процессе познания открываются новые детали, которые ведут к эволюции существующей онтологии.

Когнитивная лингвистика базируется на когнитивных категориях, которые не отрицают существования онтологических категорий: в полевой структуре когнитивной категории лежат типичные и существенные признаки (онтологические), периферию представляют стохастические (вероятностные) признаки, которые раскрывают все многообразие мира не только в существенном, но и в нетипичном и несущественном. В рамках диалектического взаимодействия

рассматриваются онтологические признаки и вероятностные. Последнее характеризует сознание познающего субъекта. Такие когнитивные категории отражают *психо-гносеологический аспект познания*.

1.2.2. Языковая картина мира и способы ее концептуальной репрезентации

С развитием представлений о бытии, отраженном в человеческом сознании и отличающемся от фундаментального бытия, возник и другой взгляд на язык как источник информации для разрешения онтологических вопросов. Сформировалась точка зрения, что естественный язык на самом деле отражает не онтологию фундаментальной действительности, а представления лингвокультурной общности о реальности. Данная позиция связана с концепцией Сепира-Уорфа о языковой относительности [Chandler Daniel; Moltmann 2022] и представлениями о языковых картинах мира, восходящими к идеям В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984: 80].

Термин «картина мира» впервые предложил Л. Витгенштейн, который писал следующее: «Совокупностью всех истинных Мыслей является Картина Мира» [Витгенштейн 2005: 54]. Термин «языковая картина мира» (ЯКМ) был введен в научный оборот Л. Вайсгербером [Вайсгербер 2004: 85]. «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Вежбицкая 2000: 35]. Следует признать, что языковая картина мира – это часть национальной картины мира, репрезентированная в языке.

В качестве единиц картины мира выступают концепты, сущность которых *познается через лексемы-вербализаторы*. Концепт – ментальная единица, обладающая только планом содержания, базовая единица мыслительного кода человека, формирующаяся в результате познавательной деятельности личности и общества и несущая комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении [Попова 2007: 24]. Концепт (динамичная, развивающаяся во времени сущность) определяется точкой отсчета –

концептумом – зерном первосмысла [Колесов 2012: 46]. Последнее есть не что иное, как идея, единица ментального уровня, определяющаяся как онтологическая сущность.

Процесс реконструкции структуры концептов через анализ лингвистического материала включает несколько этапов: 1) поиск и формирование системы репрезентантов концепта; 2) реконструкция мотивирующего признака концепта через анализ этимологических словарей; 2) выявление понятийного признака через анализ словарных дефиниций; 3) описание образных, категориальных, оценочных и символических признаков концепта через контекстуальный анализ средств репрезентации данного концепта [Там же: 149-151].

Реконструкция концепта как динамического феномена может быть осуществлена через выявление его содержательных форм, представленных в рамках концептуального квадрата: концептума, образа, понятия и символа через каузальную цепочку С.Л. Франка, предполагающую 4 последовательных вопроса: 1) Что это? (для выявления основания семантической константы – концептума); 2) Как существует? (описание условий – образа); 3) Почему действует? (определение причины – понятия); 4) Зачем создается? (выявление цели – символа) [Колесов 2016: 33-34].

При сопоставлении нескольких языковых картин мира можно заметить разницу в представлениях об устройстве бытия, которые в них отражены, данные отличия необходимо учитывать при переводе. Например, А.Д. Шмелев сравнивает представления о психической жизни человека, отраженные в русской и древнееврейской языковых картинах. Исследователь пишет, что для носителей русского языка очевидно, что наша психическая жизнь имеет интеллектуальную и эмоциональную стороны, причем за интеллектуальную жизнь отвечает голова, а за чувства – скорее сердце. [Шмелев 2002]. Между тем некоторые языки подсказывают иное соотношение различных аспектов психической жизни и телесных органов. В древнееврейской языковой картине мира сердце является

органом всей психической жизни – не только чувств, но и мыслей; в частности, это орган понимания [Там же].

Таким образом, представления о языке как о зеркале бытия тоже прошли определенный путь развития, похожий на эволюцию онтологических учений и связанный с осознанием роли познающего субъекта в процессе изучения бытия. В результате чего сформировалось понимание, что язык – как феномен культуры, не может точно и достоверно отражать действительность. Бытие не изображается в языке объективно, а дается через призму мировоззрения отдельной лингвокультурной общности.

Наряду с терминами «картина мира» и «языковая картина мира», в диссертации используется термин «индивидуально-авторская картина мира», под последней здесь и далее будет пониматься преломление общенациональной картины мира в сознании отдельного человека. Следует отметить, что в лингвистике словосочетание «онтология языка» может использоваться не только для описания отражения в языке представлений о мире, но и для описания структуры и сущности самого языка. То есть в данном случае объектом онтологии языка будет не проявление фундаментальной действительности в языке, а само языковое бытие. Например, в этом узком смысле используется словосочетание «онтология языка» в работе С. Карлоз «Что такое язык?», в ней исследователь утверждает, что лингвисты (и философы языка) долгое время расходились во мнениях по поводу онтологии языка, а следовательно, и по поводу надлежащего предмета своих дисциплин. С. Карлоз выделяет три типа онтологий языка: психологическую, социальную и абстрактную [Carlos 2016]. В данном случае термин онтология употребляется в переносном значении.

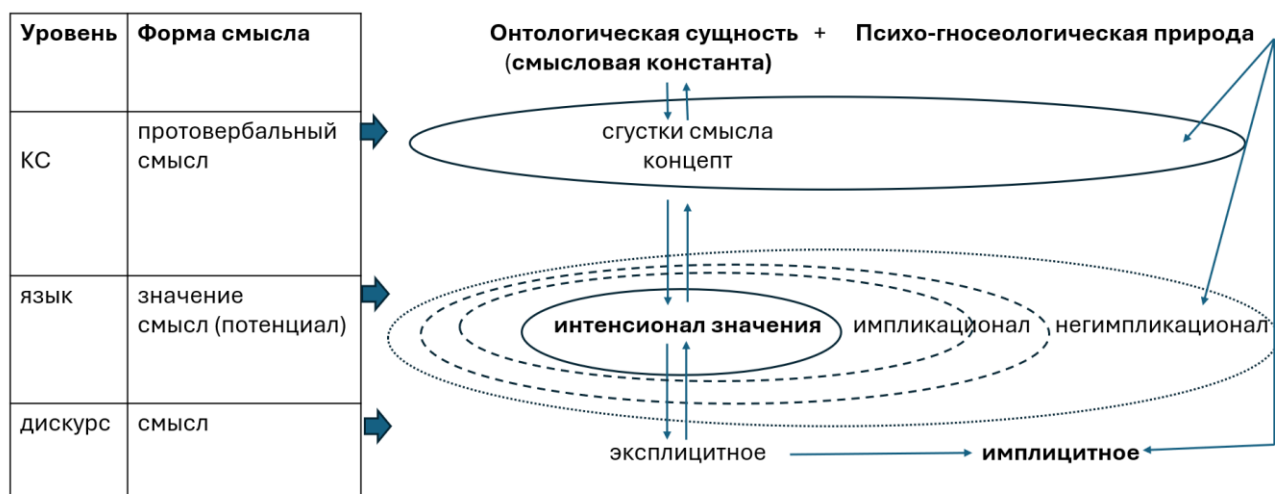
Так как данное исследование опирается на принципы когнитивной лингвистики, основывающейся на признании связи языка и мышления, и направлено на иллюстрацию того, что в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева слово выступает как инструмент постижения фундаментальной действительности, в диссертации термин «онтология» используется в философском понимании. Под

онтологией слова здесь и дальше будет пониматься отражение в языке поэта авторской рефлексии над собственной картиной мира.

Смысл, репрезентируемый в поэтическом дискурсе через лексемы-вербализаторы, включает в себя два компонента. Первый из них – **онтологическая сущность слова**, под которой понимается детерминированный, типичный, разделяемый всеми участниками лингвокультурной группы набор признаков, на языковом уровне он представлен интенционалом значения, на речевом – эксплицитным содержанием высказывания. Данный компонент выступает в качестве **смысловой константы** – вектора движения по смысловой карте, объективного (интерсубъектного) компонента, который обеспечивает процесс понимания.

Однако в дискурсе на объективный (интерсубъектный) смысл накладываются субъективные смыслы, обусловленные преломлением общей национальной картины мира в индивидуальном сознании – онтологический компонент расширяется за счет **психо-гносеологического**, связанного с процессом познания отдельной личности. Детерминированные, типичные признаки дополняются нетипичными, стохастическими, вероятностными. На языковом уровне психо-гносеологический компонент проявляется в импликационале и неимпликационале значения, на речевом – в имплицитных смысловых приращениях (схема 2).

Схема 2. Трипостатный конструкт смысла

1.2.3. Холистическая стратегия языковой личности в формировании языковой картины мира

Учет влияния познающего субъекта на процесс, а значит и на результат познания, а также на формирование представлений о языковой картине мира – важный этап развития онтологии и онтологического подхода в языкознании. Но представленная выше методология по большей степени строится на тезисах, сформулированных в западной философии, и не учитывает достижения восточной философии.

Р.Е. Нисбетт совместно со своими коллегами в работе «Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания» сопоставляет логику рассуждений, представленную в науке и философии в Древнем Китае и Древней Греции. Исследователи приходят к выводу, что для обозначенных культур свойственны два отличных друг от друга стиля мышления. В культуре Древней Греции более явно выражен аналитический стиль мышления, а в восприятии мира в китайской культуре в большей степени проявляется холистический стиль [Нисбетт 2011: 12]. Не стоит воспринимать обозначенные стили мышления как два противоположных полюса, в любых рассуждениях людей эти два стиля оказываются диалектически связанными, однако можно говорить о большей или меньшей выраженности одного из них [Капцов 2014: 123].

Представления о холистическом и аналитическом стилях мышления были обобщены Р.Е. Нисбеттом и его коллегами в теоретическую модель, которая включает в себя указание на фундаментальное отличие между ними, связанное с представлениями о непрерывности или о дискретности мира. Для холистического стиля мышления характерно восприятие мира как собрания взаимоперекрывающихся и взаимопроникающих вещей или субстанций. При аналитическом стиле мышления объекты мира рассматриваются как самостоятельные «отдельности», которые имеют те или иные свойства и сами являются универсалиями [Нисбетт 2011: 13]. Можно выделить четыре параметра, по которым названные стили могут быть противопоставлены: фокус внимания

(поле / фон против объекта); каузальная атрибуция (взаимосвязи и сходства против категорий и правил); терпимость к противоречиям (диалектика против основополагающих принципов и логики); восприятие изменения (знание, приобретенное из опыта, против абстрактного анализа) [Там же: 13-15].

При первичном рассмотрении некоторых черт русской языковой картины мира можно выдвинуть гипотезу, что для нее наиболее характерен холистический стиль мышления. Это проявляется уже на уровне структуры, так как русский язык относится к синтетическим языкам. Прослеживается это и при анализе особенностей русской языковой картины мира по четырем параметрам, представленным в модели Р. Н. Нисбетта.

1) **Фокус внимания.** Для аналитического стиля мышления свойственно явное отделение объекта от фона и части от целого [Нисбетт 2011: 13-14]. Одним из примеров, подтверждающих холистичность русской языковой картины мира, является лексема-вербализатор концепта 'дом', соединяющая в себе материальное и идеальное. Для русского человека дом – это и здание, и особая атмосфера, свойственная этому месту, а в текстах отечественной классической литературы это место, где человек оказывается связанным и с земным, и с небесным [Радомская 2006]. Что отличается, например, от представлений, отраженных в английском языке, русскому слову «дом» соответствует две английские лексемы – “house” и “home”. Первая в большей степени связана с физическими характеристиками, а вторая – с нематериальным миром [Михайлова 2015a].

Другой пример иллюстрирует разные соотношения части и целого в русской и английской языковых картинах мира. Так, при анализе соматизмов можно заметить, что русский язык отдает предпочтение целостному восприятию некоторых частей тела, в то время как в английском языке они делятся на части. Например, «рука» в русском языке – “arm” (рука от плеча до запястья) и “hand” (кисть) в английском языке; «нога» в русском – “leg” (нога от бедра до щиколотки) и “foot” (стопа) в английском. Конечно, в русском языке тоже есть лексемы «кисть» и «стопа», но они используются только при необходимости подчеркнуть, что имеется в виду конкретная часть.

2) **Каузальная атрибуция.** Здесь речь идет о том, какие характеристики кажутся более важными. В аналитическом стиле мышления предпочтение отдается постоянным атрибутивным признакам, в то время как для холистического стиля более существенными кажутся ситуативные характеристики [Нисбетт 2011: 14]. Данную разницу иллюстрирует сопоставление концепта 'время' в русской и английской языковых картинах мира. А.Д. Шмелев писал, что в западном представлении деление суток на периоды осуществляется с опорой на «объективный» признак (информацию, отраженную на часах), и сутки структурируются в первую очередь полночью и полуднем. В русском же восприятии концептуализация времени суток в большей степени зависит от того, что человек делает в период времени, о котором идет речь [Шмелев 2002: 57].

Важность учета ситуационных характеристик в русской языковой картине мира иллюстрируется и большим количеством лексем в русском языке, репрезентирующих одно и то же явление, предмет или действие с разных сторон, с учетом актуальных обстоятельств. Например, огромное количество глаголов движения в нашем языке (*идти, ехать, ходить, ездить, пойти, поехать, походить, поездить, уйти, уехать, уходить, уезжать* и т.д.).

Примечательно также, что для обозначения смежных явлений, но отличающихся в отдельных аспектах в русском языке нередко используются однокоренные слова, в то время как английский предлагает отдельную лексему: «помнить» – “to remember”, «запомнить» – “to memorize”, «вспомнить» – “to recall”, «напомнить» – “to remind”, что тоже подчеркивает большую связанность элементов в русском языке.

3) **Терпимость к противоречиям.** Учет большого количества факторов, влияющих на характеристику и оценку объекта, ведет к появлению в холистическом стиле мышления терпимого отношения к противоречиям, так как в определенных обстоятельствах даже противоположные сущности могут приобретать точки соприкосновения [Нисбетт 2011: 14-15], что заметно в русских поговорках: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»; «Где счастье плодится, там и зависть родится»; «От добра добра не ищут»; «Не делай добра – не

получишь зла»; «Нет худа без добра»; «Торговая баня всех моет, а сама вся в грязи»; «Спешить не спеши, а поторапливайся» и т.д.

4) **Восприятие изменения.** Для холистического стиля мышление более важным оказывается знание, приобретенное из опыта, в то время как в аналитическом стиле в качестве более правдивого оценивается знание, полученное через абстрактный анализ [Там же: 15]. Некоторые русские пословицы свидетельствуют о более высокой оценке первого типа знания в русской языковой картине мира: «На ошибках учатся», «Дурак учится на своих ошибках, умный – на чужих, а мудрый использует опыт и тех, и других себе на пользу», «Не спрашивай старого, спрашивай бывалого», «Поживи с наше да пожуй каши, тогда узнаешь», «Убыток учит нажить прибыль», «Набить руку», «Вырастешь – узнаешь» и т.д.

Кроме того, в холистическом стиле мышления особое значение имеют ситуативные характеристики, для него свойственно ожидание потенциальных изменений, которые могут возникнуть под влиянием внешних факторов и мир в большей степени воспринимается как неконтролируемый [Там же]. Согласно исследованиям А.Д. Шмелева, обозначенная черта тоже характерна для русской языковой картины мира [Шмелев 2002: 149].

Одним из доказательств отражения в русском языке представлений о том, что мир мало подвластен человеку, является превалирование пациентивной ориентации над агентивной. В русском языке многие события происходят помимо воли субъекта и часто не зависят от него. В результате безличные дативные предложения занимают доминирующее положение, а пассивные считаются нормой (ср. рус. «Мне нравится» и англ. «I like») [Оганесян 2025: 229].

Важным этапом в изучении русской языковой картины мира с этой точки зрения является рассмотрение индивидуально-авторских картин мира русских писателей и поэтов, выявление в их текстах черт аналитического и холистического стилей мышления, а также анализ того, как превалирующий стиль влияет на отражение в их произведениях представлений о реальности.

Цель следующих частей диссертации – проиллюстрировать через анализ произведений Ф.И. Тютчева, как подобное исследование может быть использовано на практике, и доказать, что онтологическая сущность слова – смысловая константа (устойчивый признак, который определяет смысловое пространство в определённой культурной системе) в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева, обусловлена отражением холистического стиля мышления в его поэзии.

1.3. Индивидуально-авторская картина мира Ф.И. Тютчева

1.3.1. Дискуссии о целостности и специфике индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева

Творчество Ф.И. Тютчева активно изучается, исследователи рассматривают его поэзию с разных сторон. Один из предметов изучения – целостность индивидуально-авторской картины мира поэта, есть разные точки зрения на этот вопрос. Некоторые исследователи пытаются ответить на него через изучение поэтического дискурса Ф.И. Тютчева в диахроническом аспекте и считают, что в его индивидуально-авторской картине мира прослеживается развитие от языческого натурализма к критике пантеизма и христианскому экзистенциализму [Козырев 1988: 97-112; Ли Су Ен 2002].

Есть и работы, отражающие системный анализ поэтического дискурса Ф.И. Тютчева, в них наблюдается два вектора: 1) исследования, в которых доказывается раздробленность индивидуально-авторской картины мира поэта [Емельяненко 2013: 79]; 2) исследования, направленные на поиск объединяющего начала в ней, в качестве последнего выделяются: 1) инвариантный сюжет [Левин 1990]; 2) онтологическая оппозиция *бытие – небытие* (в тексте реализуется в частных оппозициях *Россия – Запад; Север – Юг; день – ночь, время – безвремье* и т.д.) [Лотман 1993: 145-172]; 3) образ мыслителя [Поэты тютчевской плеяды 1996: 14-15]. Одна из причин появления дискуссий о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева – *синтез*

элементов из нескольких национальных картин мира в ней [Лотман 1993: 147; Берковский 1985: 156; Едошина 2017].

Для идиостиля поэта свойственна также *интеграция компонентов из разных литературных стилей и направлений*. В поэзии Ф.И. Тютчева, с одной стороны, отмечается предельное разложение монументальных форм, а с другой – необычайное усиление монументального стиля. «Его лирика приучает к монументальному стилю в малых формах» [Тынянов 1993: 214]. Важно отметить одновременное проявление в стихотворениях поэта немецкого метафизического романтизма и перенятых от Державина барочных колоризма и акустизма. Поэзия Ф.И. Тютчева – исключительный пример в истории европейского романтизма, так как для нее свойственно «соединение несоединимых: романтизма и барокко» [Пумпянский 1928: 46].

Истоки подобного синтеза можем найти еще в детстве поэта, Б.К. Зайцев отмечал, что в доме Тютчевых православный дух соединялся с французскими влияниями. Кроме того, в жизни Ф.И. Тютчева было два человека, оказавших на него большое влияние. Один из них – Н.А. Хлопов, ставший для поэта источником формирования представлений о народной и православной России. Вторая значимая фигура в жизни Ф.И. Тютчева – его учитель С.Е. Раич, через которого он познакомился с просвещенной Россией, вбирающей в себя весь мир через культуру [Зайцев 2000].

Две первых черты ведут к появлению третьей – *объемному и реалистичному описанию действительности*. В стихотворениях Ф.И. Тютчева «...каждое слово метко, полновесно, и оттенки расположены с таким искусством, что в целом обрисовывают предмет как нельзя полнее» [Некрасов 1990: 47], на это указывал и В.С. Соловьев [Соловьев 1990: 112-115]. Смысловая объемность поэтического дискурса Ф.И. Тютчева обусловлена тем, что слово в контекстах поэта отличается емкостью и богатством смысловых ореолов, новые оттенки смысла накапливаются от стиха к стиху [Грехнев 1988: 15]. Более того, некоторые исследователи писали также о конкретности и «материальности» мысли, отраженной в поэзии Ф.И. Тютчева. Мысль в стихотворениях поэта «никогда не

является читателю нагою и отвлеченной, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно» [Тургенев 1956: 167]. Преимущество поэзии Ф.И. Тютчева – гармония между мыслью и чувством, вдохновением и сознанием [Соловьев 1990: 111-112]. В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева представлено стремление человека преодолеть границу, мешающую ему слиться с мирозданием [Чумаков 2012: 159]. При этом в некоторых произведениях поэта процесс постижения фундаментальной действительности раскрывается в движении от конкретных природных образов к философскому обобщению [Сухих 1985].

Наряду с объемным и полным описанием действительности под влиянием синтеза нескольких национальных картин мира и разных мировоззренческих парадигм в поэзии Ф.И. Тютчева также появляются и *противоречащие друг другу утверждения*. Например, М.Ю. Лотман писал, что в творчестве поэта встречаются две трактовки реальности. В «языческом» пласте его поэзии реальность осмысливается как непосредственная чувственная данность, противостоящая различным отвлеченностям. В текстах Ф.И. Тютчева широко представлено и противоположное истолкование той же смысловой оппозиции, связанное с романтической традицией, согласно которой земная, чувственно данная жизнь является мнимо реальной. Подлинная реальность (и, следовательно, подлинное бытие) требовала преодоления мгновенности и призрачности человеческого существования [Лотман 1993: 151-152]. Подобные противоречия в поэзии Ф.И. Тютчева отмечались исследователями неоднократно [Пигарев 1980; Океанский 2003; Дударева 2021; Григорьева 2023].

Таким образом, свойства текстов во многом зависят от языковой личности создавшего их субъекта. Поэтому процесс выявления основания появления обозначенных характеристик, а также поиск причин возникновения споров о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева следует начать с реконструкции его языковой личности. Так как мотивационный уровень языковой личности определяет структуру нижних уровней, а единицами мотивационного уровня являются значимые для языковой личности

прецедентные тексты, то следует определить источники формирования языковой личности поэта.

1.3.2. Источники формирования языковой личности Ф.И. Тютчева

Корпус источников, ставших фундаментом для формирования мотивационного уровня языковой личности Ф.И. Тютчева представлен текстами, относящимися к разным культурным традициям: 1) греко-римская античность; 2) христианство; 3) немецкий романтизм, 4) русский фольклор, 5) русская литература XVIII – нач. XIX вв.; 6) французская культура (в частности философия Блеза Паскаля) и т.д.

Интерес Ф.И. Тютчева к образам, отраженным в античной культуре, обусловлен влиянием его учителя С.Е. Раича, русской антология XVIII века, пантеизмом Гете и натурфилософией немецких романтиков [Фрейберг 1972: 444]. Стоит отметить, что при попадании в поэтический дискурс Ф.И. Тютчева в результате интеракции горизонтального и вертикального контекстов происходит трансформация исходного смысла, нарушение мифологической традиции. [Толстогузов 2004; Фрейберг 1972; Белов 2006]. В дискурсе Ф.И. Тютчева отразились и особенности восприятия окружающей действительности, представленные в библейских текстах [Тарасов 2000: 127-137]. Однако они в произведениях поэта тоже подвергаются смысловым расширениям.

Большое влияние на формирование языковой личности поэта оказали тексты немецких романтиков, данный факт может быть выявлен не только при анализе оригинальных стихотворений поэта, но и при рассмотрении переводов: среди его 42 переводных стихотворений большинство составляют тексты немецких поэтов [Клюева 2001].

Выявляются в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева и характеристики, указывающие на его связь с русским фольклором: 1) использование моделей сравнений, характерных для русских народных текстов; 2) персонификация неживой природы [Прийма 1971: 167-174].

К французским источникам, оказавшим влияние на языковую личность Ф.И. Тютчева относится французский каламбур и старинный анекдот, к которым восходит комический стиль поэта [Тынянов 1977: 38-51]. Но одним из самых значимых компонентов французской культуры, повлиявших на Ф.И. Тютчева, является философия Блеза Паскаля. В произведениях поэта отражаются следующие «паскалевские» вопросы: 1) взлеты и падения человеческого духа, 2) «ужасающая загадка» смерти, 3) «какое-то таинственное осознание бесконечности, какое-то смутное чувство беспредельности» [Тарасов 2000: 128]. Связь поэтического дискурса Ф.И. Тютчева проявляется и на уровне означающего для раскрытия перечисленных вопросов поэт использует те же образы, что и французский философ Паскаль (водные пространства, «двойная бездна», «мыслящий тростник»).

Значительное влияние на формирование языковой личности Ф.И. Тютчева оказали тексты отечественных авторов – Г.Р. Державина и И.И. Дмитриева. Преемственность в этом плане постоянно ощущается в тютчевских стихотворениях, например, при выборе некоторых образов из античной истории и мифологии [Фрейберг 1972: 444]. Связь Ф.И. Тютчева с Г.Р. Державиным проявляется в стилистических приемах, в колоризме и акустизме, а также в обращении к «тематике ночи». Музыкальность и певучесть тютчевской поэзии восходит к традиции В.А. Жуковского и К. Батюшкова [Атаманова 2012: 171; Брюсов 1975].

Интертекстуальные связи в тютчевском дискурсе обнаруживаются и с поэзией А.С. Пушкина. Прецедентные имена и прецедентные ситуации как маркеры интертекстуальности в текстовом поле Ф.И. Тютчева дают отсылки к пушкинским текстам. Часто прецедентный фон использовался как способ вступить в полемику с автором источника [Лейбов 2004].

Таким образом, мотивационный уровень языковой личности Ф.И. Тютчева представлен большим объемом источников, среди которых можно назвать: античные и библейские тексты, тексты немецких романтиков, образцы русского фольклора, произведения некоторых отечественных писателей, тексты

французских авторов, среди которых следует выделить особое влияние философского дискурса Блеза Паскаля.

В качестве итогового положения по результатам теоретического описания исследуемой проблемы в данной главе можно предложить *Схему 3*, содержащую единицы терминологического аппарата исследования.

Схема 3. Терминологические константы исследования

Выводы по ГЛАВЕ 1

Результаты исследования, отраженные в первой главе, позволяют прийти к следующим выводам:

1. Мотивационный уровень языковой личности Ф.И. Тютчева представлен объемной сетью прецедентных текстов разного происхождения.
2. Данная особенность языковой личности Ф.И. Тютчева нашла свое отражение в его поэтическом дискурсе через появление элементов разных мировоззренческих парадигм, что привело к возникновению дискуссионного вопроса о целостности индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева, решение которого возможно только при рассмотрении его поэзии как дискурсивного феномена.
3. Дискурс рассматривается в данной работе как когнитивно-коммуникативное явление, включающее в себя три плана: *коммуникативный*

(условия создания и восприятия текста), *интерпретационный* (поэтический контекст и способы его смысловой интерпретации) и *когнитивный* (картины мира автора и читателя).

4. Когнитивный и прагматический планы дискурса косвенно отражаются в тексте через категорию предикативности, представленную **категориями темпоральности, персональности и модальности**. Все из названных категорий включают в себя субъективный компонент. Наиболее явно он проявлен в категории модальности, репрезентирующей отношение субъекта текстопорождения к действительности или к сообщаемому. Категория модальности связана с модусом (психическим состоянием говорящего), выступая в качестве средства его языкового выражения.

5. К категориям отражения когнитивного плана дискурса в тексте относится также «образ автора», изучение которого предполагает следующие этапы: 1) отделение образа автора от героя; 2) анализ интенционального образа автора; 3) изучение перцептивного образа автора.

6. Смысл – компонента категории «образ автора», трансформация исходного смысла обусловлена смыслообменом между авторской и читательской рефлексией.

7. При этом в результате сопоставления названных уровней категории «образ автора» (интенционального и перцептивного) следует учитывать еще один компонент – смысл. Любой дискурс связан со стремлением создателя текста передать некий смысл и со стремлением реципиента этот смысл воспринять, но в процессе декодирования может произойти трансформация исходного смысла, которая приводит к формированию нового образа автора – перцептивного. Данный факт делает необходимым изучение структуры смысла как компоненты категории «образ автора».

8. Предпосылкой для формирования образа автора является языковая личность, под которой следует понимать совокупность способностей не только к созданию текстов, но и к их восприятию. Поэтому в качестве материала исследования языковой личности Ф.И. Тютчева, наряду с его оригинальными

текстами, необходимо провести системный анализ его переводов, так как в них как во вторичных текстах отражены интерпретационные стратегии поэта.

8. Слово в когнитивно-дискурсивном подходе рассматривается не только как лингвистический знак и единица замкнутой в себе языковой системы, но и как **онтологический вербализатор фрагментов картины мира** (отражения предметного мира в ментальных структурах человека) и **мировоззрения** (отражения предметного мира, дополненное ценностной оценкой данного отражения и жизненными принципами личности).

9. Философская рефлексия языковой личности представлена в картине мира, которая явлена в своей онтологической сущности, выстроена в сознании автора и транслируется им в создаваемых текстах. На процесс построения данной онтологии и на ее отражение в речевых произведениях влияет свойственный для языковой личности Ф.И. Тютчева стиль мышления, представленный в данном диссертационном исследовании в диалектическом единстве холистической и аналитической стратегии.

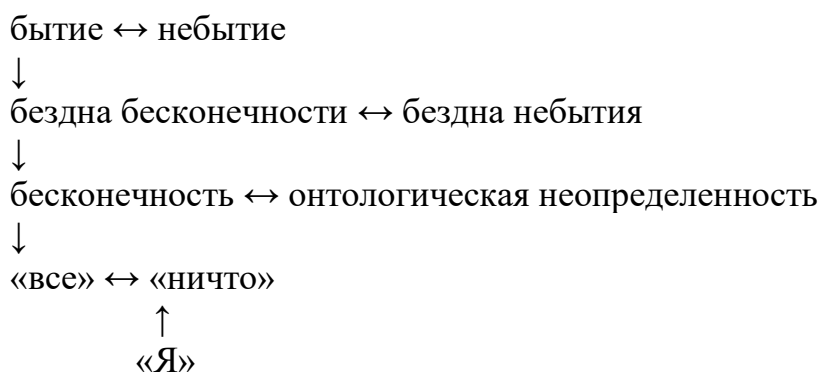
ГЛАВА 2

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ СЛОВА В СМЫСЛОВОМ ПОЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Ф.И. ТЮТЧЕВА

2.1. Онтология слова как структуро- и смыслоорганизующий компонент полипарадигмальной картины мира Ф.И. Тютчева

2.1.1. Бинарная оппозиция как принцип организации смыслового пространства тютчевского дискурса

Термин «*онтология слова*» был введен в научный оборот представителем феноменологии, русским философом Г. Шпетом в рассуждениях о взаимоотношениях между онтологическим и гносеологическим потенциалом слова. Он отрицает статичность и формально-абстрактное содержание онтологического в языковом сознании и расширяет границы данного понятия. Г. Шпет рассматривает его как онтологию «динамического предмета, где течёт не только содержание, но где сами формы живут, меняются, тоскуют и текут» [Шпет 1924: 38]. Данное суждение позволяет говорить о том, что *онтология слова* есть явление динамическое как с точки зрения формы, так и содержания. Такой научный подход очень важен для описания дискурсивного характера слова в смысловом поле тютчевского текста. Бинарность определяет мировоззренческую базу поэта: это вектор смыслового развития, первопричина динамического толчка, где онтологическое и психо-гносеологическое в слове – полюса, существование которых невозможно друг без друга. Самая глобальная в смысловом отношении оппозиция тютчевского дискурса – *бытие ↔ небытие*. Она содержит несколько уровней смысловых импликаций:

В рамках этих диффузно связанных оппозиций восприятие человеческого «Я» как песчинки между двумя безднами рождает другую оппозицию *ничто* ↔ *всё*, существующую в диалектическом единстве реального и ирреального миров: ничтожность перед *бытием* (мирозданием) и смутную неопределенность перед *небытием*.

Данные оппозиции выступают в качестве смысловых констант – векторов движения по смысловой карте. Смысловые константы – это онтологически сущностные семантические компоненты, через которые определяются концепты, в дискурсе смысловые константы становятся отправной точкой для дальнейших смысловых расширений, в результате которых на объективные ориентиры накладываются субъективные смыслы. Проследить процесс данного смыслового расширения можно и в дискурсе Ф.И. Тютчева.

В стихотворении «Лебедь» поэт использует словосочетание *двойная бездна*, отсылающее к труду Б. Паскаля. В концепции французского философа человек находится между двумя бесконечностями: «Кто вдумается в это, тот содрогнется и, представив себе, что материальная оболочка, в которую его заключила природа, удерживается на грани **двух бездн – бездны бесконечности и бездны небытия**, – исполнится трепета перед подобным чудом, и, сдастся мне, любознательность сменится изумлением, и самонадеянному исследованию он предпочтет безмолвное созерцание» [Паскаль 1995].

Словосочетание *двойная бездна* в дискурсе Ф.И. Тютчева представлено только в одном употреблении, но компоненты смысловой оппозиции *бездна бесконечности* – *бездна небытия* проявляются в произведениях поэта неоднократно. Стихотворение «Лебедь» содержит компоненты автопрецедентности – маркеры интертекстуальности, отсылающие читателя к более раннему тексту – «Как океан объемлет шар земной».

Тексты, содержащие автопрецедентные отсылки, которые выступают маркерами интертекстуальности (см. таблица 1).

Контекст 1	Контекст 2 («Лебедь»)
<p>Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами; Настанет ночь – и звучными волнами Стихия бьет о берег свой.</p> <p>То глас её: он нудит нас и просит... Уж в пристани волшебный ожил челн; Прилив растет и быстро нас уносит В неизмеримость темных волн.</p> <p>Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины, – И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены.</p> <p>1830</p>	<p>Пускай орел за облаками Встречает молнии полет И неподвижными очами В себя впивает солнце свет.</p> <p>Но нет завиднее удела, О лебедь чистый, твоего – И чистой, как ты сам, одело Тебя стихией Божество.</p> <p>Она, между двойною бездной, Лелеет твой всезрящий сон — И полной славой тверди звездной Ты отовсюду окружен.</p> <p>1838–1839</p>

Таблица 1. Смысловое расширение: когнитивно-смысловая матрица

Семантические компоненты	Смысловые приращения (контекст 1)	Смысловые приращения (контекст 2)
	«И мы плывем, пылающею бездной // Со всех сторон окружены»	В названии стихотворения указана водоплавающая птица – лебедь чистый
<p>Лексема <i>плыть</i> с семами</p> <p>‘перемещение’ ↓ ‘незамкнутость пространства’ ↓ ‘направленность движения’</p> <p>→</p>	<p>→ ‘вектор поиска’ ↓ ‘земная жизнь’ ↓ ‘модель существования’ ↓ ‘стихия океана’</p>	<p>→ ‘вектор поиска’ ↓ ‘образ жизни’ ↓ ‘чистая стихия’ ↓ ‘вечность’</p>
<p>Лексема <i>бездна</i></p> <p>‘губить’ ↓ ‘неизмеримость’ ↓ ‘глубина’ ↓ ‘тьма’ ↓ ‘забвение’</p> <p>→</p>	<p>→ ‘таинственное’ ↓ ‘мистическое’</p>	<p>→ <i>между двойною бездной</i> ‘бесконечность’ ↔ ‘небытие’ ↓ ‘блаженство’ ↓ ‘вечность’</p>

Лексема <i>пылать / пылающий</i> → ‘степень проявления признака’ ↓ ‘яркий свет’	→ ‘воздействующая таинственная сила’ ↓ ‘риск’ ↓ ‘опасение’	
атрибут ночи – <i>звезды</i>	«Небесный свод, горящий славой звездной , // Таинственно глядит из глубины»	«И полной славой тверди звездной // Ты отовсюду окружен»
Лексема <i>окружить</i> → окружен ‘отсутствие самостоятельности в передвижении’ ↓ ‘замкнутость пространства’ ↓ ‘ограниченность в движении’ →	«И мы плывем, пылающе бездной // Со всех сторон окружены » ↓ → ‘таинственная сила’ ↓ ‘риск’ ↓ ‘опасение’	«И полной славой тверди звездной // Ты отовсюду окружен » ↓ → ‘доля’ (завидный удел) ↓ ‘судьба’ ↓ ‘незабвение’ // ‘память’

Из семантического анализа, представленного в табличной матрице, становится очевидным, что, несмотря на наличие общих компонентов в контекстах, в них репрезентируется разная эмоциональная модальность, иллюстрирующая отличия между состоянием человека, стоящего на перекрестке двух бездн, и *лебедя* (в символическом его понимании, воплощающего чистую стихию – *вечность*), тоже существующего на этом пересечении. В первом контексте появляются семы ‘риск’, ‘опасение’, транслирующие уязвимое положение человека в этом мире. В то время как во втором контексте появляются семы ‘блаженство’, ‘бесконечность’, ‘память’, сообщающие, что, находясь на пересечении двух бездн, *лебедь* в большей степени оказывается связанным с бездной бесконечности.

Представление об отношении поэта к положению в мире, проиллюстрированному в приведенных стихотворениях, будет неполным без учета еще одного произведения, связанного с автопрецедентными отсылками –

маркерами интертекстуальности – к приведенному ниже тексту «С поляны коршун поднялся» (1830).

Контекст 1

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он –
И вот ушел за небосклон.
Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла –
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..
1830

Контекст 2

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнце свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего –
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией Божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.
1838–1839

Для аналитической процедуры представим концептуальную таблицу (таблица 2).

*Таблица 2. Автопрецедентность как маркер интертекстуальности
(сопоставительный анализ)*

Семантические компоненты	Контекст 1	Контекст 2
Семы: родовая ‘птица’, видовая ‘хищник’,	Лексема <i>коршун</i> С поляны коршун поднялся, // Высоко к небу он взвился; Все выше, дале вьется он – // И вот ушел за небосклон.	Лексема <i>орел</i> Пускай орел за облаками // Встречает молнии полет // И неподвижными очами // В себя впивает солнце свет.
Семы: ‘воздушное пространство без границ’, ‘высота’, ‘движение по воздуху’	С поляны коршун поднялся, // Высоко к небу он взвился; Все выше , дале вьется он – // И вот ушел за небосклон.	Пускай орел за облаками // Встречает молнии полет // И неподвижными очами // В себя впивает солнце свет.
Смысловые оппозиции «я» / «человек» ↔ «птица», «царь земли / прирос к земли» ↔ «выше... небосклон» «земля» ↔ «небосклон»	А я здесь в поте и в пыли, // Я, царь земли, прирос к земли!..	<i>Лексически не выражается, представлено имплицитно через систему оценок</i>

Результаты анализа, приведенные в таблице, показывают, что в обоих контекстах явлена рефлексия автора о положении человека в мире. В первом случае она представлена на лексическом уровне через компоненты *в поте и в пыли, прирос к земле*, иллюстрирующие отрицательное отношение к жизни людей через семы ‘грязь’, ‘тяжелая работа’, ‘ограниченность’. Во втором контексте на

лексическом уровне информация о положении человека в мире не репрезентируется, но она раскрывается через символическую систему.

Три образа *лебедь*, *орел*, *коршун* представлены в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева как орнитологические символы. Символ – это вторичная семиотическая система, которую можно рассматривать как сложный знак – «знак в знаке»: символизирующее – это уже готовый знак со своим означаемым и означающим (сверхзначимая форма), а символизируемое – это содержание, являющееся воплощением концепта. Таким образом, описанные символы есть не что иное, как зооморфный код, заключенный в данных лексических обозначениях птиц. Концептуальная сущность символизируемого позволяет говорить о воплощении онтологической сущности ментальной единицы в смысловой константе, которая и определяет имплицитные приращения смысла в дискурсе.

Символ *лебедь*, как вторая семиологическая система, строится на противопоставлении двух знаков: *орел* и *лебедь*, которые в данном контексте приобретают символическое наполнение и используются как означающее для репрезентации более глубокого онтологического означаемого. Рядом с лексемой *орел* употреблен глагол *встречать*, содержащий сему ‘направление движения’, лексема *облака* и словосочетания *молнии полет*, *солнца свет* расширяют ее, уточняя, что в данном случае актуализирован компонент ‘движение вверх’. Лексема *очи* в импликационале своего значения содержит компонент ‘знание’, но в данном контексте она охарактеризована эпитетом *неподвижные*, который ведет к тому, что в лексеме *очи* актуализируется сема ‘слепота’ → ‘незнание’ (ср. с «Оно стеклянными очами // Чего-то ищет в облаках ...» в «Безумии»). Следовательно, несмотря на движение вверх, *орел* не достигает своей цели – приближения к истине, божеству. В христианстве *орел* символизирует Вознесение Христа и человека, ищущего Бога, также *орел* в христианстве – символ воскресения. Последний компонент свидетельствует о связи данной птицы со смертью, так как воскресение – это начало новой жизни после гибели. Данный факт свидетельствует о том, что лексема *орел* в большей степени оказывается связанной с бездной небытия.

Иная ситуация представлена во фрагменте, посвященном описанию лебедя. В контексте, раскрывающем его положение, появляется фраза: *нет завиднее удела*. Одно из значений лексики *завидный* содержит положительный оценочный компонент [Словарь русского языка XVIII века], который также присутствует и в лексеме *чистый*, повторяющейся дважды. *Лебедь* в данном контексте представлен как объект при предикатах *лелеать* и *одевать*, содержащих семы 'забота', 'нега' [Словарь русского языка XVIII века 1984-1991]. В качестве субъектов при этих предикатах выступают *божество* и *стихия*, получается движение сверху (от божественного) вниз (к лебедю), в результате связи с божественным и *чистой стихией* лебедю становится доступна истина, репрезентируется это через прилагательное *всезрящий*. Таким образом, *лебедь* в большей степени притягивается к бездне бесконечности (схема 4)

Схема 4. Взаимодействие символов в контексте «Лебедь»

Из приведенной схемы видно, что в данной системе человек («Я») занимает промежуточное положение между двумя безднами, не имея прямой связи с

божеством и стихией, которые могли бы дать ему опору. В контексте «Лебедь» это представлено имплицитно, в виде намека, но раскрывается подробнее в других контекстах.

Так, в тексте «Певучесть есть в морских волнах» есть следующий фрагмент: «Невозмутимый **строй** во всем, // **Созвучье** полное в природе, – // Лишь в нашей призрачной **свободе** // **Разлад** мы с нею сознаем». В приведенном контексте противопоставленные компоненты выделены тире. Лексемы *строй*, *созвучье*, содержащие семы ‘гармония’ и ‘порядок’, характеризуют природу. Лексема *разлад* с ядерными семами ‘беспорядок’ и ‘конфликт’, отражает оценку человека. Оценка подчеркивается прилагательным *призрачная* (семы ‘зыбкость’, ‘неясность’, ‘неосуществимость’) в сочетании с существительным *свобода*. В этом словосочетании и заключена причина разлада: *в нашей призрачной свободе*. Употребление в тексте данного словосочетания свидетельствует о том, что нечто, оцениваемое нами (людьми) как свобода, не является ею. Лексема *свобода* в данном контексте обогащается дополнительным семантическим компонентом, представленным имплицитно, – ‘отсутствие связи с другими’. Этот факт подтверждается синонимичными отношениями этой лексемы с лексемой *независимость*. Представленный выше имплицитный смысл благодаря тесноте стихового ряда ведет к появлению связи между лексемой *свобода* и лексемами *одиночество*, *сиротство*, у которых обозначенный семантический признак – ‘отсутствие связи с другими’ – входит в интенционал языкового значения [Большой толковый словарь русского языка 2000], т.е. определяется как архисема, выражающая онтологическую сущность слова. Таким образом, описанный семантический компонент является смысловой константой, которая при реализации в поэтическом дискурсе создает вокруг себя смысловое притяжение и организует «лексическое пространство» текста.

В стихотворении «Лебедь» лебедь-символ обнаруживает связь с вселенной, в приведенном контексте лексема *лебедь* выступает в качестве объекта, который оберегают: поэтому, несмотря на окружённость двойною бездной, лебедь не испытывает тревоги, так как находится «под опекой».

Совсем иная ситуация транслируется в контекстах, где с бездной сталкивается человек, в подобных фрагментах к лексеме *человек* и к местоимению *мы* притягиваются коллокаты с семами 'сиротство' (*сирота, немощный, бездомный, покинутый*): «И, как виденье, внешний мир ушел... // И человек, как **сирота бездомный**, // Стоит теперь, и **немошен** и **гол**, // Лицом к лицу **пред пропастию темной**. // На самого себя **покинут** он – // Упразднен ум, и мысль **осиротела** – // В душе своей, как в **бездне**, погружен, // И **нет** **извне опоры**, **ни предела...**»; «Нам мнится: мир **осиротелый** // Неотразимый Рок настиг // И мы, в борьбе, природой целой // **Покинуты** на нас самих; // И наша жизнь стоит пред нами, // Как призрак **на краю земли**, // И с нашим веком и друзьями // Бледнеет в сумрачной дали».

Присутствует в поэзии Ф.И. Тютчева и раскрытие фундаментальной причины этого сиротства и одиночества – потеря веры, раскрывается это в стихотворениях «Закралась в сердце грусть», «Нет веры вымыслам чудесным», «Наш век» и др. Так, в стихотворении «Закралась в сердце грусть» есть следующий фрагмент: «А нынче **мир** весь как **распался**: // **Все кверху дном**, все сбились с ног – // **Господь-Бог** на небе **скончался**, // И в аде **Сатана издох**». Здесь через предикат *скончаться*, употребленный с существительным *Бог*, и предикат *издох*, относящийся к подлежащему *Сатана*, вербализуется фрейм мысли (ментальный фрейм) 'потеря веры'. Глагол *распасться*, содержащий семы 'разрушение', 'раскол', 'потеря целостности', и фразеологизм *кверху дном* (все *кверху дном*), репрезентирующий концепт 'хаос', транслируют результат данной потери – разрушение мира.

Семантический компонент 'одиночество' подчеркивает уязвимое положение человеческого «Я»: ничтожность перед *бытием* (мирозданием) и смутную неопределенность перед *небытием*. 'Одиночество' в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева становится смысловой константой для выражения промежуточного положения между двумя безднами, в котором оказался человек.

В «Словаре русского языка XVIII века» статья, посвященная лексеме *одиночество* отсылает к прилагательному *одинокий*: «Состояние одинокого

человека». На основе значений прилагательного *одинокий* можно выделить семы, входящие в **интенционал полевой структуры значения лексемы *одиночество***: ‘состояние’, ‘отсутствие связи с другими’ [Словарь русского языка XVIII века 1984-1991].

Опираясь на выделенные семы, а также на примеры употребления слова *одиночество*, приведенные в толковой словаре, можно составить список сем, относящихся к **импликационалу значения лексемы *одиночество* (потенциосфере)**: ‘отчужденность’, ‘изолированность’, ‘отдельность’ → 1) ‘уединенность’ → ‘рефлексивность’; 2) ‘сиротство’ → ‘покинутость’, ‘бесприютность’, ‘забытость всеми’.

Лексема *бездна* определяется следующим образом: «1. Беспредельная глубина; морские или земные недра <...> || Перен. О том, что заключает в себе нечто гибельное, бедственное <...> || Безграничное пространство, беспредельность вселенной <...> 2. чего. Простореч. Очень много; неисчислимое множество чего-л.» [Словарь русского языка XVIII века 1984-1991].

Интенционал значения слова *бездна* включает в себя семы: ‘беспредельность’, ‘безграничность’. Семы, содержащиеся в интенционале значения, потенциально расширяют интенциональное ядро **импликационалом**. Семы ‘беспредельность’, ‘безграничность’ в сильном импликационале дополняются семами ‘вселенная’ и ‘глубина’. Употребление лексемы *бездна* для обозначения преисподней, а также устойчивое сочетание *Князь бездны* ведут к появлению в сильном импликационале лексемы *бездна* сем ‘ад’, ‘сатана’. Данные семы, способствуют появлению в слабом импликационале сем ‘темнота’, ‘гибель’, ‘беда’, которые в свою очередь способствуют формированию неимпликационала, представленного семами ‘боль’, ‘опасность’, ‘страх’.

В рамках поэтического дискурса Ф.И. Тютчева структуры значений лексем *бездна* и *одиночество* расширяются. Частично это расширение уже было проиллюстрировано выше, увидеть его можно и в контекстах «Смотри, как на речном просторе», «От жизни той, что бушевала здесь», «Тени сизые смесились» и др.

«От жизни той, что бушевала здесь» завершается следующим четверостишием: «Поочередно всех своих детей, // Сверхшающих свой подвиг бесполезный, // Она равно приветствует своей // **Всепоглощающей и миротворной бездной**», в последней строке которого раскрывается две характеристики бездны, перед которой стоит человек. Эпитет *всепоглощающий* в импликационале значения содержит семантический компонент ‘уничтожение’ [Толковый словарь живого великорусского языка], а интенционал прилагательного *миротворный* включает компоненты ‘согласие’, ‘гармония’ [Словарь русского языка XVIII века].

Две эти характеристики раскрываются и в стихотворении «Тени сизые сместились», в котором присутствуют фразы «Все во мне, и я во всем!..» и «С миром дремлющим смешай», вербализующие процесс слияния человека с вселенной, одновременно с этим в приведенном фрагменте появляются единицы, содержащие семы ‘успокоение’ (*утишишь*), ‘уничтожение’ (*самозабвенье, уничтоженье*): «Час тоски невыразимой!.. // **Всё во мне, и я во всем!..** // Сумрак тихий, сумрак сонный, // Лейся в глубь моей души, // Тихий, томный, благовонный, // Все залей и **утиши** – // Чувства мглой **самозабвенья** // Переполни через край!.. // Дай вкусить **уничтоженье**, // **С миром дремлющим смешай!**».

Фразы, указывающие на неизбежность слияния с бездной, а также единицы с семами ‘успокоение’ и ‘уничтожение’ представлены и в стихотворении «Смотри, как на речном просторе»: «Смотри, как на речном просторе, // По склону вновь оживших вод, // Во всеобъемлющее море // За льдиной льдина вслед плывет. // На солнце ль радужно блистая, // Иль ночью в поздней темноте, // Но все, неизбежимо **тая**, // Они плывут к одной мете. Все вместе – малые, большие, // **Утратив** прежний **образ свой**, // Все – **безразличны**, как стихия, – // **Сольются с бездной роковой!..** // О, нашей мысли обольщенье, Ты, человеческое Я, // Не таково ль твое значенье, // Не такова ль судьба твоя?»

Таким образом, столкновение с бездной ведет к слиянию человека со вселенной, делает его частью «всего», уничтожая изначальный «разлад» между

человеком и миром, но одновременно с этим данное слияние ведет к уничтожению самого человека, к превращению его в «ничто».

При этом в конце стихотворения «Смотри, как на речном просторе» представлена генерализованная ирреальная модальность и специфическая модальность сомнения, средством вербализации которых выступает вопросительное предложение с частицей *ли*. Что свидетельствует о неопределенности будущего человеческого «Я».

Данная неопределенность способствует появлению страха перед столкновением с бездной. В отдельных случаях он передается как эмоциональное состояние всех людей, на лексическом уровне это реализуется через местоимение *мы* с денотативной областью «все люди», на поэтическом – через такую форму выражения лирического субъекта как «лирическое “Я”»: «И бездна **нам** обнажена // С своими **страхами** и **мглами**, // И нет преград меж ей и нами – // Вот отчего **нам** ночь **страшна!**»

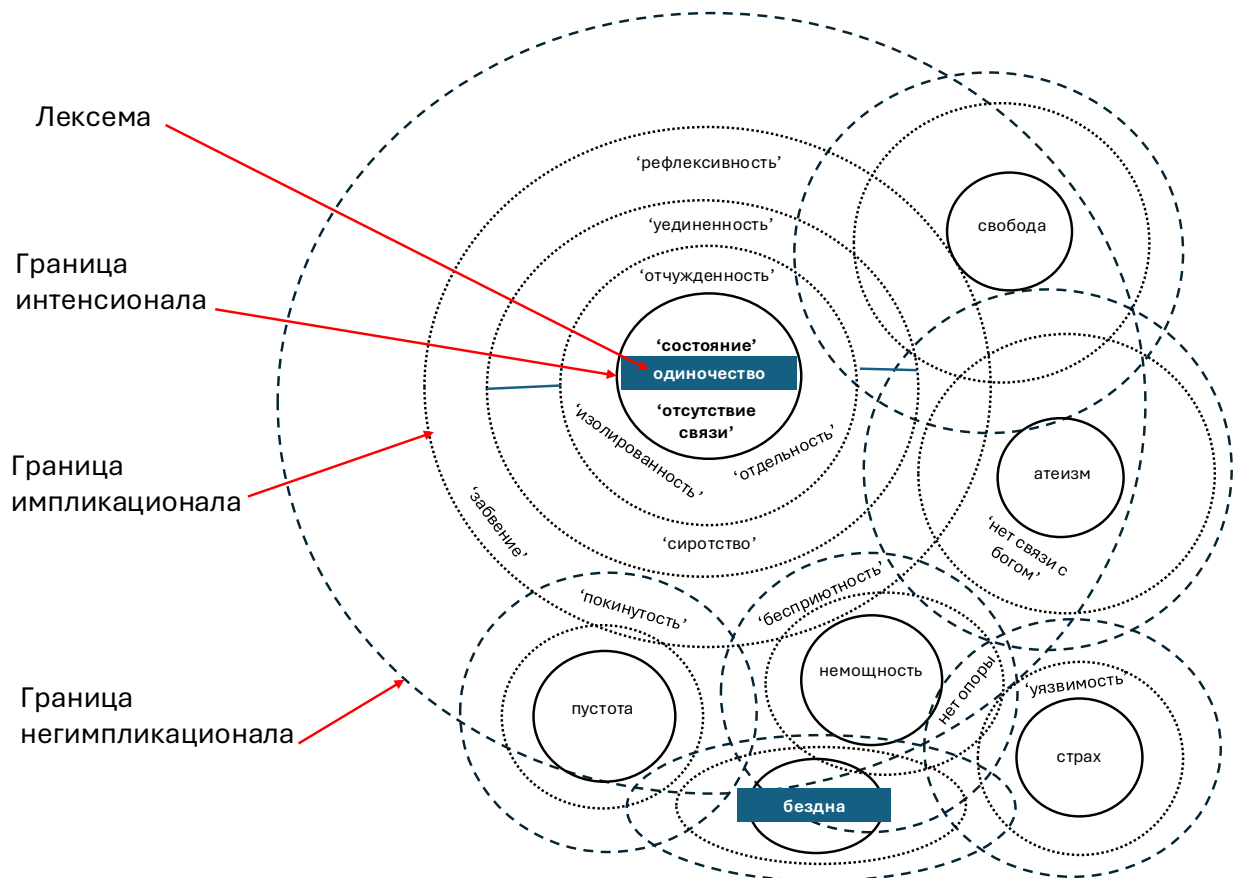
Но есть и контексты, где это неизбежное слияние с бездной ложится на личный опыт поэта, на лексическом уровне это выражается через местоимения «я» на поэтическом – через такую форму выражения лирического субъекта как «эксплицитный образ автора» (подробнее об этой форме будет сказано в разделе 2.2.), на экстралингвистическом – через отсылки к биографическим фактам из жизни Ф.И. Тютчева.

Так, стихотворение «Брат, столько лет сопутствовавший мне» посвящено смерти Н.И. Тютчева – брата поэта [Тютчев 2003а: 591]. При этом в данном произведении так же, как в «Смотри, как на речном просторе», «От жизни той, что бушевала здесь», «Тени сизые смесились» появляются единицы, содержащие сему ‘уничтожение’ («бесследно», «не быть»), и как в «Бессонница» 1829 и в «Святая ночь на небосклон взошла» – семы ‘темнота’ (*тьма, мрак*), ‘сиротство’ (*голый, один, пусто*): «Брат, столько лет сопутствовавший мне, // И ты ушел – куда мы все идем, // И я теперь – на **голой** вышине // Стою **один**, – и **пусто** все кругом – // И долго ли стоять тут **одному**? День, год-другой – и **пусто** будет там, // Где я теперь, смотря в ночную **тьму** // И – что со мной, не сознавая сам... //

Бесследно все – и так **легко не быть!** // При мне иль без меня – что нужды в том?
 // Все будет то ж – и вьюга так же выть // И тот же **мрак** – и та же степь кругом. //
 Дни сочтены – утрат не перечесть... // Живая жизнь давно уж позади – //
 Передового нет – и я, как есть, // На роковой стою очереди ...»

Анализ данных контекстов позволяет составить список сем, входящих в:
 1) негимпликационал лексемы **одиночество**: ‘пустота’, ‘немощность’, ‘отсутствие опоры’, ‘страх’, ‘уязвимость’, ‘свобода’, ‘потеря веры’;
 2) негимпликационал лексемы **бездна**: ‘пустота’, ‘источник жизни’, ‘все’, ‘успокоение’, ‘уничтожение’, ‘ничто’, ‘душа’. На речевом уровне обозначенные компоненты представлены последовательностью цепочек импликаций, на языковом – семантическим полем, включающим интенционал, импликационал и негимпликационал (схема 5).

Схема 5. Семантема лексемы *одиночество* в дискурсе Ф.И. Тютчева.
 Зоны смыслового пересечения

Из представленной схемы видно, что лексемы «одиночество» и «бездна» в поэзии Ф.И. Тютчева начинают сближаться за счет появления интегральных сем.

Так, семы 'страх', 'пустота', 'немощность', входящие в негиппликационал значения лексемы «бездна», содержатся также и в негиппликационале «одиночества».

2.1.2. Концептуально значимые лексемы-вербализаторы онтологического смысла в поэзии Ф.И. Тютчева

На базе онтологической сложной для осмысления и анализа оппозиции *бытие* ↔ *небытие* можно выделить семантический пласт так называемой «ночной поэтики». Сюда относятся **концептуально значимые лексемы-вербализаторы онтологического смысла: *ночь, бездна, смерть, одиночество, день, сон***. Сами лексемы оппозиционно представлены: *ночь* ↔ *день*, *сон* ↔ *смерть*, *бездна* ↔ *одиночество*.

Анализ оппозиции *день – ночь*. Лексема *день* в XVIII – XIX веке имела четыре значения: «1. Время между восходом и заходом солнца, светлая часть суток <...>; 2. Сутки, одна седьмая часть недели <...>; 3. Календарная дата, число месяца <...>; 4. обычно мн. Время, пора, период». В статье, посвященной лексеме «ночь», зафиксировано два значения: «1. Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра <...>; 2. ◇ Ночь и день, день и ночь. Бот. Ночь и день, или день и ночь. Трава» [Словарь русского языка XVIII века]. Очевидно, что в языковой системе данные единицы противопоставляются по своим первым значениям, так как в них обнаруживается интегральная сема – 'часть суток' и дифференциальные семы 'светлая' – 'темная'. При этом и *день*, и *ночь* как часть суток обладают зафиксированными атрибутами, характеризующими их как онтологические сущности (таблица 3).

Таблица 3. Атрибуты лексем-вербализаторов онтологического смысла (по Словарю русского языка XVIII века)

День	Ночь
светило (око) дня – <i>солнце</i>	светило ночи – <i>луна</i>
<i>свет, ясность, белизна</i>	<i>покров, кров, завеса</i>
	певец ночи – <i>соловей</i>

Результат анализа паремий с использованием лексем *день* и *ночь* позволяет проследить, как категории, вербализуемые данными лексемами, отражаются в русском языковом сознании. Поговорка «Ясно как белый день» и пословицы «Ночью все кошки серы», «Ночью все лошади вороные»; «Ночью не видно: холодно ли, тепло ли», «Ночью все дороги гладки» репрезентируют семантический признак лексемы *ночь*, связанный с гносеологическим аспектом когнитивной категории в восприятии субъекта, а именно 'ложность' / 'искажение реальной действительности'.

На основе данных словарей можно выделить семы, входящие в **интенционал значения лексемы *день***: 'время', 'дата', 'сутки', 'свет'; а анализ иллюстраций употребления данного слова в речи, позволяет реконструировать его **импликационал (потенциосферу)**: 'солнце', 'жизнь', 'белизна', 'ясность', 'ночь', 'деятельность человека'. **Интенционал значения лексемы *ночь*** включает в себя следующие компоненты: 'время', 'тьень', 'темнота'; **импликационал** расширяет данный список следующими семами: 'покров', 'покой', 'сон', 'бессонница', 'соловей', 'сова', 'день', 'невежество', 'заблуждение', 'луна'.

Анализ поэтических текстов Ф.И. Тютчева показывает трансформацию устоявшихся языковых связей в индивидуальном сознании, перераспределение атрибутов дня и ночи и расширение полевой структуры значения слов *день* и *ночь* за счет обогащения негемпликационала. Например, в стихотворении «Святая ночь» ассоциат *покров* притягивается не к номинанту «ночь», как это принято в поэтической традиции XVIII – XIX вв., а к номинанту «день»: «Святая ночь на небосклон взошла, // И **день** отраднй, день любезнй // **Как золотой покров** она свила, // Покров, накинутый над бездной». В приведенном контексте сравнение *как золотой покров* выступает характеристикой дня и раскрывает его свойства как онтологической категории в поэзии Ф.И. Тютчева, повторяется это и в стихотворении «День и ночь»: «На мир таинственнй духов, // Над этой бездной безымянной, // **Покров** наброшен златотканый // Высокой волею богов. // **День** –

сей блистательный покров // – День, земнородных оживленье, // Души болящей исцеленье, // Друг человеков и богов!»

В поэзии Ф.И. Тютчева важно рассмотреть функционирование лексем, обозначающих ночное светило. Лексема *луна* в соответствии с общеязыковой картиной мира выступает как атрибут ночи: «Глухая **полночь!** Все молчит! // Вдруг ... из-за туч **луна** блеснула // И над воротами Стамбула Олегов озарила щит», «В **Ночи** лазурной почивает Рим ...// Взошла **Луна** и – овладела им», «Все тихо и молчит; и вот **луна** взошла, // И вот при блеске **лунной** сизой **ночи**».

Месяц в отдельных контекстах тоже выступает как стандартный атрибут ночи: «На небе **месяц** – и **ночная** // Еще не тронулася тень, // Царит себе, не сознавая, // Что вот уж вострепнулся день», «Как сладко дремлет сад темнозеленый, // Объятый негой **ночи** голубой, // Сквозь яблони, цветами убеленной, // Как сладко светит **месяц** золотой!..»

Однако в стихотворениях «В толпе людей, в нескромном шуме дня», «Ты зрел его в кругу большого света» лексема *месяц* представлена как подвижный объект, существующий и днем, и ночью, но обладающий в эти периоды разными характеристиками: «Смотри, как днем туманисто-бело // Чуть брезжит в небе **месяц** светозарный, // Наступит **Ночь** – и в чистое стекло // Вольет елей душистый и янтарный!»; «На **месяц** взглянь: весь день, как **облак тощий**, // Он в небесах едва не **изнемог**, – Настала **Ночь** – и, светозарный Бог, Сияет он над усыпленной рощей!», Днем **месяц** проявляется как мало заметный образ, что выражается через обстоятельство *туманисто-бело*, предикаты *чуть брезжит*, *едва не изнемог*, сравнение *как **облак тощий***. Данное описание противопоставляется яркому проявлению ночью, выраженному через эпитет *светозарный* и предикат *сияет*. В обоих стихотворениях описание данной трансформации **месяца** носит символический характер и направлено на раскрытие других смысловых единиц – сущности поэтической души, в первом случае, и особенностей любви лирического героя, во втором случае. При этом в обоих произведениях проявляется нацеленность на другое сознание,

репрезентированная через повелительное наклонение двух синонимичных глаголов *взглянуть* и *смотреть*.

Кроме того, лексема *ночь* в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева выступает не только как пространственно-временной фон для развития неких событий, но и как значимый психо-гносеологический компонент (вероятностный, стохастический) когнитивной категории. Для подтверждения данного тезиса рассмотрим три стихотворения, объединенных общим семантическим компонентом: изображением ночи как особого часа: «Видение», «Бессонница» (1829) и «Бессонница» (1873). Сопоставление тематических групп лексем, употребленных в стихотворениях, указывает на внешнее сходство трех произведений.

Во всех из них появляются 1) лексема *ночь*, однокоренные с ней слова, либо атрибуты ночи (*луна, мгла*); 2) лексема тематической группы «*время*» (*час, время*); 3) лексема с семой 'отсутствие вербальной активности' (*молчание, молчит*). В стихотворениях «Видение» и «Бессонница» 1829 г. также присутствуют 1) лексема с семой 'утрата памяти' (*беспамятство, забвеньё*); 2) лексема с семой 'сообщение о будущем' (*пророческий, пророчески-прощальный*).

Глубинный смысловой анализ стихотворений иллюстрирует, что суть «особого часа в ночи» описывается в этих стихотворениях по-разному. Разница между тремя стихотворениями проявляется уже на уровне названий. В первом тексте в качестве наименования выступает лексема *видение*, согласно данным «Словаря русского языка XVIII в.» она в тот период имела несколько значений, среди которых представлены также следующие: «Чудесное явление», «Образы, картины, представляющиеся во сне, мечтах и т. п.» [Словарь русского языка XVIII века 1984-1991]. Строки «И в оный час **явлений и чудес**» и «Лишь Музы девственную душу // В пророческих тревожат Боги **снах!**» подтверждают, что в данном случае слово использовано именно для описания некоего трансцендентного образа, который стал доступен для восприятия человеку в результате особого состояния, в данном случае обозначенного как сон.

Анализ употребления лексемы *видение* в поэтическом подкорпусе первой половины XIX века показывает, что оно притягивает к себе коллокаты разной эмоциональной окраски:

1. Отрицательные:

«Во мгле печальных заблуждений, // В тяжелом сне душа была, // Полна **обманчивых видений** // Ее тоска сомненья жгла» [Жадовская Ю.В. Возрождение: «Во мгле печальных заблуждений...» (1847). Цит. по НКРЯ]. Эпитет *обманчивый* содержит отрицательную коннотацию, обусловленную экстралингвистическим компонентом – отрицательным отношением ко лжи в русской языковой картине мира.

«И в те часы, когда на город гордый мой // Ложится ночь без тьмы и тени, // Когда прозрачно всё мелькает предо мной // Рой **отвратительных видений**...» [Григорьев А.А. Город: «Да, я люблю его, громадный, гордый град...» (1845). Цит. по НКРЯ]. В данном контексте лексема *видение* характеризуется эпитетом *отвратительный*, обладающий яркой отрицательной коннотацией (ср. с эпитетом *плохой*).

2. Положительные: «Отблеск **светлых видений**. // На душе не угас; // Дни святых впечатлений, // Позабуду ли вас?» [Вяземский П.А. Палестина: «Свод безоблачно синий...» (1850). Цит. по НКРЯ]; «И реже **среди моих видений** // Являлся **светлый образ** ваш» [Огарев Н.П. «Уже давно я в книге этой...» [Buch der Liebe, 33] (1843). Цит. по НКРЯ]. В приведенных контекстах рядом с лексемой *видения* употребляется коллокат *светлый*, в первом случае он является непосредственной характеристикой видений, во втором относится к одному из элементов видений – «светлому образу» человека, значимого для лирического субъекта.

Данная амбивалентность как проявление диалектического единства положительных и отрицательных характеристик отображается и в стихотворении Ф.И. Тютчева «Видение», в котором наряду со словоформами *живая*, *святилище*, *чудеса*, несущими положительный коннотативный компонент, употребляется

лексема *тревожить*, содержащая сему 'нарушение состояния покоя': «Лишь Музы девственную душу // В пророческих **тревожат** Боги снах!»

В двух других стихотворениях Ф.И. Тютчева в качестве наименования выступает слово *бессонница*. «Словарь русского языка XVIII в.» предлагает для описания данной лексической единицы следующую словарную статью: «**БЕЗСОННИЦА** (бес-), ы, ж. С недѣлю времени мучилась она крайнею бессонницею. Хр. бес I 172. <От печного жара> происходит чрезвычайная боль в голове., иногда всегдашняя бессонницы. Врач, прав. 15. || *Состояние без сна, бодрствование*. Двудневная бессонница. Маркиз I 43. <Картежник> для игры лишил себя покоя; Бессонницы, труда, и голоду и слез, И брани и побои довольно перенес. Майк. Игрок».

Контексты употребления слова, приведенные в словаре, иллюстрируют появление рядом с данной лексемой эмоционально маркированных коллокатов с негативным оценочным компонентом: *мучиться, лишиться покоя, голод, слезы, брань, побои*, а также употребление данного слова как дополнения к предикатам *мучиться* и *перенести*, что позволяет интерпретировать бессонницу, как болезненное состояние, оцениваемое отрицательно.

Репрезентируется болезненность и в стихотворении Ф.И. Тютчева «Бессонница» 1829 г., в котором встречаются лексемы *тоска, стенанья, печальный, оплакивает*, связанные с репрезентацией такого психоэмоционального состояния человека как 'сильная грусть', и лексема *погребальный*, способствующая через отсылку к прецедентной ситуации погребения актуализации концепта 'смерть' в данном контексте.

«Бессонница» 1873 г. тоже содержит в себе актуализаторы специфической модальности, в данном случае эмоциональной. Выражение болезненного состояния на языковом уровне осуществляется через лексемы: *тоска, унылый, плачется* (два употребления), *изнывает*, словосочетания *отчаянно взывает, жалкий стон*, фразу *И сердце в нас подкидышем бывает*. Это позволяет заключить, что представленные произведения отличаются по своему модусу. Если в «Видении» реализована двойственная оценка, при этом положительных

характеристик оказывается больше, то в двух других произведениях явлен негативный эмоциональный фон.

Заметны различия и в точке зрения, с которой описываются ситуации, отраженные в стихотворениях. В «Видении» отсутствуют местоимения и глаголы первого лица, нет операторов специфической модальности, указывающих на субъективное восприятие, и транслируется реальная генерализованная модальность, репрезентированная через использование изъявительного наклонения – события передаются объективно, нет указаний на ирреальность (сослагательного наклонения, вопросов), при этом нет фрагментов, иллюстрирующих реакцию воспринимающего сознания на чудесные явления. Косвенно его ощущения передаются в глаголе *тревожить*, одно из значений данного глагола: «приводить в состояние тревоги» [Большой толковый словарь русского языка], а тревога – это «сильное душевное волнение, беспокойство, вызываемое какими-л. опасениями, страхом, неизвестностью» [Большой толковый словарь русского языка]. Значение лексемы *тревога* содержит в себе семы 'высокий уровень интенсивности', 'локализация в психике (душе)', 'беспокойство', 'страх', 'неопределенность'. Локализация в душе свидетельствует о том, что это психоэмоциональное состояние, переживаемое субъектом. Но подробно данное состояние не раскрывается, кроме того, в стихотворении нет однозначно толкуемого идентификатора, который бы подтвердил, что это состояние в данном случае испытывает человек. Даже если интерпретировать отсылку к прецедентному имени *Муза* в качестве символа творческого сознания, она выступает здесь как объект, а не как субъект, что реализуется через использование винительного падежа.

Совсем иная ситуация представлена в «Бессоннице» 1829 г. В стихотворении встречается 7 употреблений местоимения *мы*. Подтверждается данная субъективность восприятия ситуации и в результате смыслового анализа произведения. Начинается стихотворение с описания объективного фрагмента действительности: «Часов однообразный бой», далее этому объекту дается интерпретация: «Томительная ночи повесть! Язык для всех равно чужой // И

внятный каждому, как совесть!», содержащая оценочные прилагательные *томительный, чужой*. Лексемы *повесть* и *язык*, употребленные по отношению к существительному *ночь*, позволяют воспринимать их как результат преломления объективной действительности в сознании лирического субъекта, в данном случае как специфику восприятия звука, издаваемого часами, человеком, мучающимся бессонницей. Для него это повесть на знакомом, но малопонятном языке, которая может быть прочтена. Дальнейшая часть стихотворения посвящена реконструкции этой истории, описанию тех образов, которые возникают в сознании лирического субъекта.

Заканчивается произведение следующим четверостишием: «Лишь изредка, обряд печальный // Свершая в полуночный час, // **Металла голос погребальный** // Порой оплакивает нас!», в котором иллюстрируется трансформация данного в начале стихотворения звукового образа (боя часов) в сходный по звучанию, но иной по смысловому наполнению звук – бой колокола по умершему. Это сравнение, построенное на сходстве данных перцептивных образов и появляющееся в конце стихотворения, объясняет размышления лирического субъекта о конечности человеческой жизни, представленное в предшествующих частях произведения и явленное в противопоставлении *мы* (умирающее поколение) ↔ *они* (будущее поколение) в пятой строфе.

Изображение ситуации сквозь восприятие лирического субъекта, представлено и в «Бессоннице» 1873 г. Здесь форма местоимения *мы* встречается всего один раз, в большей части стихотворения описание событий идет от третьего лица. Но психологический компонент, транслирующий состояние лирического субъекта, здесь так же, как и в предыдущем стихотворении, представлен очень ярко. Интересно отметить, что между двумя «Бессонницами» есть явное сходство – в обоих произведениях чувства и мысли, испытываемые лирическим субъектом, – реакция на внешний образ. Но, если в «Бессоннице» 1829 г. триггером для размышлений стал звук, в произведении 1873 г. в качестве стимула выступает зрительный образ: «И вот при блеске лунной сизой ночи // Лишь нескольких церквей, потерянных вдали, // **Блеск золоченых глав, унылый,**

тусклый зев // **Пустынно бьет в недремлющие очи**». В приведенном контексте видна болезненная реакция субъекта на свет, выраженная через глагол *бить*, который свидетельствует о том, что свет не просто воспринимается лирическим субъектом, а ощущается, как удар, глагол *бить* в своем значении содержит сему 'боль', а эпитет *недремлющие* подчеркивает, что причина такого восприятия – не свойства раздражителя (блеска золоченых глав в данном случае), а особое состояние реципиента, его бессонница, ведущая к иному восприятию окружающего мира.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что, несмотря на то, что в трех произведениях речь идет о ночи как об особом времени, раскрывается его суть по-разному. Если в «Видении» *особый час в ночи* – это момент открытого проявления бытия, время, когда человеку по воле богов становится доступна скрытая истина, то в «Бессонницах» – это время, когда человек пребывает в особом состоянии, в котором он иначе начинает воспринимать окружающую действительность и видит или чувствует вещи, недоступные ему в обычное время.

Причины проявления *особого часа в ночи* тоже обозначены в стихотворениях по-разному. Если в «Видении» представлен независимый от человека фактор – «Живая колесница мирозданья // Открыто катится в святилище небес!», так как это *час явлений и чудес*, в который «Лишь Музы девственную душу // В пророческих тревожат **Боги** снах!» Словоформы *явления, чудеса, Боги* способствуют расширению описания физического мира мифологическим компонентом.

В «Бессонницах» тоже заметно расширение, но уже через иллюстрацию субъективных факторов, транслирующих психоэмоциональное состояние человека: реакцию на звуковой образ (бой часов) в «Бессоннице» 1829 года и реакцию на зрительный образ (ночной пейзаж) в «Бессоннице 1873 года. Интересно также отметить, что в «Видении» истинная сущность бытия открывается человеку богами во сне, а в двух других произведениях он приближается к сути вещей из-за отсутствия сна, то есть транслируются разные способы познания истинного бытия.

И в «Видении», и в «Бессоннице» 1829 г. одинаково определяется цель существования особого часа в ночи – это получение некоего пророчества. Однако между пророчеством в «Видении» и в «Бессоннице» 1829 г. есть отличия. Во-первых, строки «Лишь **Музы** девственную душу // В **пророческих** тревожат Боги снах» свидетельствуют о том, что данное пророчество доступно лишь творческому сознанию, которое в данном контексте репрезентировано через прецедентное имя *Муза* – в древнегреческой мифологии богиня – покровительница искусства и наук. Во втором стихотворении круг лиц, на который направлено предсказание, – люди, относящиеся к одному с Ф.И. Тютчевым поколению, что раскрывается через противопоставление с новым поколением в следующем контексте: «И **новое, младое племя** // Меж тем на солнце расцвело, // А **нас**, друзья, и **наше** время // Давно забвеньем занесло!», репрезентирующем оппозицию *мы* (вербализуется через словоформы *нас, наше*) ↔ *другое поколение* (выражено словосочетанием *младое племя*, с характеристиками *младое* и *новое*, подчеркивающими противопоставление). Во-вторых, в стихотворении «Бессонница» 1829 г. концепт ‘пророчество’ выражается через словосочетание *пророчески-прощальный глас*, в котором через компонент *прощальный* актуализирована сема ‘печаль’, отраженная также в лексемах *тоска* и *стенанье*, присутствующих в этой же строфе: «Кто без **тоски** внимал из нас, // Среди всемирного молчанья, // Глухие времена **стенанья**, // Пророчески-**прощальный** глас!» В последнем стихотворении результатом действия особого часа в ночи становится болезненное стремление человека к жизни и любви и мучительное осознание тщетности этих стремлений.

Таким образом, Ф.И. Тютчев, возвращаясь к одной и той же теме в описанных выше стихотворениях, рассматривает ее с разных ракурсов, расставляя новые смысловые акценты, выражает разное отношение к одному и тому же вопросу, что позволяет проследить эволюцию его картины мира и развитие его языковой личности.

Смысловая константа ‘особый час в ночи’, представленная в стихотворениях «Видение», «Бессонница» 1829 года, «Бессонница» 1873 года,

репрезентируется также и в стихотворении «О чем ты воешь, ветер ночной». При этом заметна явная переключка с «Бессонницей» 1829 года – в обоих стихотворениях звук, возникающий в ночи, становится смысловым стимулом для разворачивания той или иной психологической реакции. В «Бессоннице» акцент сделан на мысленных образах потенциального будущего, где старое поколение занесено забвением, а его место заняло молодое племя. В тексте «О чем ты воешь, ветер ночной» раскрываются размышления лирического субъекта о собственных ощущениях, возникающих в ответ на вой ветра: «О, **страшных** песен сих не пой // Про древний Хаос, про **родимый!** // Как **жадно** мир души ночной // Внимает повести **любимой!** // Из смертной рвется он груди, // Он с беспредельным **жаждет** слиться!..// О, бурь заснувших не буди, // Под ними Хаос шевелится!..» В приведенном контексте выражена эмоциональная модальность, однако эмоции, репрезентированные здесь, неоднозначны: эмотивы *родимый*, *любимый* несут положительный эмоциональный заряд, а словосочетания *жадно внимает* и *жаждет слиться* дают смысловые приращения о тяге ночной души к беспредельному, о котором поет ветер. Прилагательное *страшный*, просьба *О, бурь заснувших не буди* расширяют имплицитную сферу смысла через интерпретацию смысловой константы ‘страх’: лирический субъект испытывает душевное волнение перед неизвестностью – скрытой энергией приходящего в движение Хаоса.

Смысловая динамика разворачивающегося поэтического дискурса Ф.И. Тютчева позволяет говорить о концептуально значимой смысловой константе *ночь*, проявляющей себя как онтологическая категория, обладающая определенными универсальными признаками, и как гносеологическая категория, связанная со спецификой восприятия ночи лирическим субъектом.

Лексемы *день* и *ночь* в поэзии Ф.И. Тютчева служат вербализаторами и других концептуальных бинарных оппозиций, одна из них – *жизнь* ↔ *смерть*. На основе словарных дефиниций можно представить **интенционал значения лексемы *жизнь***: ‘состояние’, ‘существование’, ‘одушевленность’, ‘опыт’, ‘действительность’. На основе экстралингвистического фона можно

реконструировать потенциальные семы **сильного импликационала**: ‘организм’, ‘существо’, ‘способ’; **слабого импликационала**: ‘рождение’, ‘временность’, ‘хрупкость’, ‘ценность’, ‘наш мир’, ‘смерть’; **негемпликационала**: ‘загробный мир’, ‘бессмертие’, ‘воскресение’ [Словарь русского языка XVIII века].

Интенционал лексемы *смерть* включает в свой состав семы ‘состояние’, ‘конечная точка жизненного цикла’. **Импликационал** представлен следующими компонентами: ‘неизбежность’, ‘переход’, ‘разложение’, ‘слияние с источником’, ‘убийство’, ‘болезнь’, ‘старость’; **слабый импликационал** содержит семы ‘загробный мир’, ‘жизнь’, ‘воскресение’, ‘бессмертие’, ‘коса’, ‘скелет’, ‘страх’; **негемпликационал**: ‘духовная смерть’ [Толковый словарь живого великорусского языка].

В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева оппозиция *жизнь* ↔ *смерть* представлена в переводе стихотворения «Мотив Гейне»: «Если смерть есть ночь, если жизнь есть день – // Ах, умаял он, пестрый день, меня!.. // И сгущается надо мною тень, // Ко сну клонится голова моя...» В приведенном фрагменте лексема *ночь* выступает в качестве предиката для существительного *смерть*, а лексема *день* является сказуемым при подлежащем *жизнь*.

Остальной контекст стихотворения дает смысловое приращение данной оппозиции и объясняет его, в третьей строке *день* выступает в качестве субъекта, а роль предиката при нем играет глагол *умаять*, способствующий появлению семы ‘усталость’, концепт ‘смерть’ в четвертой строке репрезентирован через лексему *сон*. Данный факт объясняет, почему слова *день* и *ночь* выступают в качестве репрезентантов концептов ‘жизнь’ и ‘смерть’. Импликационал значения лексемы *день* содержит сему ‘деятельность человека’, которая присутствует и в интенционале лексемы *жизнь*, появление данного компонента у слова *день* обусловлено экстралингвистическим фактором: человек – дневное существо, зрительный аппарат которого не предназначен для ориентирования в темное время, поэтому основной период его деятельности приходится на светлую часть суток. Темный период используется для отдыха, в связи с этим в импликационале значения лексемы *ночь* появляются семы ‘покой’, ‘сон’, присутствующие также в

импликационале лексемы *смерть*, они существуют в словаре в виде потенциальной ауры и актуализируются в речи в лексеме *покойник*, и фразах *покойся с миром*, *упокой*, *Господи* и др.

Эти семы ведут к смысловому сближению слов *смерть* и *сон*, где семы 'покой' и 'отдых' включены в интенционал значения. Наличие интегральной семы у обозначенных лексем делает возможным репрезентацию концепта 'смерть' не только через лексемы его номинирующие, но и через слово *сон*. Наиболее явно сходство сна и смерти представлено в стихотворении «Близнецы»: «**Есть близнецы – для земнородных // Два божества, – то Смерть и Сон, // Как брат с сестрою дивно сходных – // Она угрюмой, кротче он...**», в приведенном контексте близость обозначенных состояний вербализуется через единицы, содержащие семы 'родство', 'сходство' (*близнец, брат, сестра, сходный*).

Концептуальная метафора *смерть – сон* не является индивидуально-авторской и проявляется в общеязыковой картине мира, вербализуясь, например, во фразеологизме *заснуть вечным сном*, обозначающим смерть. Но интересно, что в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева лексема *сон*, являясь вербализатором концепта 'смерть', одновременно с этим выступает и как репрезентант оппозиционного по отношению к нему концепта 'жизнь'.

Концептуальная метафора *жизнь – сон* тоже выходит за рамки индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева и является компонентом более широкого культурного пространства, актуализируясь в произведениях романтизма и барокко. Однако объяснить сближение данных концептов можно не только влиянием литературной традиции, но и семантическим содержанием лексем, вербализующих их.

Интенционал лексемы *сон* включает в свой состав следующие семы: 'состояние', 'отдых', 'забыть', а **импликационал** представлен семами 'покой', 'ирреальность', 'постель', 'ночь', 'положительная оценка', 'видение', 'пророчество', 'бодрость', 'бессонница', 'колыбельная', 'успокоение природы', 'зима', 'смерть'. В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева семантика *сна* подвергается смысловому расширению имплицитной сферы. Так, в следующем

фрагменте: «Не рассуждай, не хлопочи // – Безумство ищет – глупость судит; // **Дневные раны сном лечи**, // А завтра быть чему – то будет...» словосочетание *дневные раны* свидетельствует о том, что в индивидуально-авторской картине мира *день* – это период, связанный с болью и страданиями, в результате чего в импликационале лексемы *день* в тютчевском поэтическом дискурсе появляется сема ‘боль’. Она усиливается использованием глагола *жечь* в следующем контексте: «Младого, пламенного дня... // О, как **лучи** его багровы, // Как **жгут** они мои глаза!..». В противовес этому рядом с существительным *сон* появляется глагол *лечить*, характеризующий сон как период восстановления и исцеления.

Сема ‘пророчество’, присутствующая в импликационале значения лексемы *сон*, в дискурсе Ф.И. Тютчева приобретает смысловые приращения ‘беспокойство’ и ‘тревога’ через синтагматическую связь словосочетания *пророческий сон* с глаголом *тревожить*, а также смысловой компонент ‘движение вверх’, актуализированный в следующих контекстах (через предлог *над*, глагол *веять*, существительное *высь*): «Я в хаосе звуков лежал оглушен, // Но **над** хаосом звуков носился мой **сон**. // Болезненно-яркий, волшебнo-немой, // Он **веял** легко **над** гремящею тьмой ...», «По **высям** творенья, как бог, я шагал, // И мир **подо** мною недвижный сиял ... // Но все **грезы** насквозь, как волшебника вой, // Мне слышался грохот пучины морской».

Но одновременно с *пророческим, небесным сном*, позволяющим выйти за пределы земной реальности и постичь высшие истины, познать бытие, в поэзии Ф.И. Тютчева существует и другой сон. Так, в следующих контекстах через лексемы *несбыточный, призрак* актуализируются семы ‘иллюзорность’ и ‘призрачность’: «Высокого предчувствия // Порывы и томленье, // Души, господства жаждущей // Кипящее стремленье // И замыслов событие // **Несбыточных, как сон**»; «Нет, это **сон!** Нет, **ветерок** повеет // И дымный **призрак** унесет с собой... // И вот опять наш лес зазеленеет... // Все тот же лес, волшебный и родной».

Появляется в стихотворениях поэта и указание на кратковременность сна. Например, в следующем контексте: «И что ж теперь? И где все это? // И

долговечен ли был сон? // Увы, как северное лето, // Был **мимолетным гостем** он!» Для характеристики сна используется метафора *мимолетный гость*, лексема *гость*, выступая в качестве оппозиита к *постоянному жителю*, несет в себе смысловой компонент ‘временность’, который усиливается в данном случае через прилагательное *мимолетный*. В другом контексте актуализации семы ‘кратковременность’ способствует лексема *мгновение*: «Любовь есть сон, а **сон – одно мгновенье**, // И рано ль, поздно ль пробужденье – // А должен наконец проснуться человек...»

Смысловые компоненты ‘призрачность’, ‘иллюзорность’ и ‘кратковременность’ появляются при актуализации лексемы *жизнь*, что обусловлено интерпретацией коллокатов *призрак*, *дым*, *тень* в следующих контекстах: «И наша **жизнь** стоит пред нами, // Как **призрак** на краю земли, // И с нашим веком и друзьями Бледнеет в сумрачной дали»; «Так грустно тлится **жизнь** моя // И с каждым днем уходит **дымом**, // Так постепенно гасну я // В однообразье нестерпимом!...»; «Как **дымный** столп светлеет в вышине! // Как **тень** внизу скользит **неуловима!**.. // “Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – // Не светлый **дым**, блестящий при луне, // А эта **тень**, бегущая **от дыма!**..”». Особенно ярко неуловимость и призрачность человеческой жизни отражена в последнем контексте, построенном на смысловой интерпретации слова *дым* в дискурсе: это прозрачная, воздушная субстанция, которую может развеять ветер, но в приведенном фрагменте данные свойства усиливаются, так как жизнь сравнивается не просто с неустойчивым явлением, а с его отражением – тенью.

Еще одним средством репрезентации быстротечности человеческой жизни становится использование лексемы *гость* в качестве репрезентанта концепта ‘человек’: «Так **мимолетной** и **воздушной** // Явилась **гостьей** к нам она, // **В наш мир** и чопорный и душный, // И пробудила всех от сна»; «Когда дряхлеющие силы // Нам начинают изменять // И мы должны, как старожилы, // **Пришельцам новым** место дать, – // Спаси тогда нас, добрый гений, // От малодушных укоризн, // От клеветы, от озлоблений // На **изменяющую жизнь**; // От чувства

затаенной злости // На **обновляющийся мир**, // Где **новые** садятся **гости** // За уготованный им пир».

Лексема *сон* как репрезентант концепта ‘жизнь’ объясняет появление окказионального, с точки зрения языковой системы, словосочетания *утомительные сны*, в котором прилагательное *утомительный* вступает в смысловой конфликт с семами ‘отдых’ и ‘покой’, входящими в интенционал значения слова *сон*. Данное словосочетание появляется в последней строфе стихотворения «Проблеск»: «Едва усилием минутным // Прервем на час волшебный сон, // И взором трепетным и смутным, // Привстав, окинем небосклон, – И отягченную главою, // Одним лучом ослеплены, // Вновь упадаем не к покою, // Но в **утомительные сны**». Интерпретация смысла слова *сны*, функционирующего в данном контексте, при опоре только на информацию, заложенную в тексте, не представляется возможной. В 1840 году появляется стихотворение «Когда в кругу убийственных забот», содержащее компоненты автопрецедентности, являющиеся маркерами интертекстуальности, дающими отсылку к тексту «Проблеск», что приводит к смысловому расширению за счет интеракции двух тютчевских контекстов (см. таблицу 4).

Контекст 1 («Проблеск» 1825)

Слышал ли в сумраке глубоком
 Воздушной арфы легкий звон,
 Когда полуночь, ненароком,
 Дремавших струн встревожен сон?..

То потрясающие звуки,
 То замирающие вдруг ...
 Как бы последний ропот муки,
 В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
 Взрывает скорбь в ее струнах ...
 Ты скажешь: Ангельская лира
 Грустит, в пыли, на небесах!

О, как тогда с земного круга
 Душой к бессмертному летим!
 Минувшее, как призрак друга,
 Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живую,
 Как сердцу радостно, светло!
 Как бы эфирною струею
 По жилам небо протекло.

Но, ах, не нам его судили;
 Мы в небе скоро устаем, –
 И не дано ничтожной пыли
 Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
 Прервем на час волшебный сон,
 И взором трепетным и смутным,
 Привстав, окинем небосклон, –

И отягченною главою,
 Одним лучом ослеплены,
 Вновь упадаем не к покою,
 Но в утомительные сны.

Контекст 2 (1840)

Когда в кругу убийственных забот
 Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
 Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда,
 Нам на душу отрадное дохнет –
 Минувшим нас обвеет и обнимет
 И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
 Когда поля уж пусты, рощи голы,
 Бледнее небо, пасмурнее доли,
 Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
 Опавший лист погонит пред собою
 И душу нам обдаст как бы весною ...

Таблица 4. Смысловое расширение: когнитивно-смысловая матрица

Семантические компоненты	Смысловые приращения (контекст 1)	Смысловые приращения (контекст 2)
лексема <i>минувшее</i> с семантикой 'событие' ↓ 'время' ↓ 'прошлое'	<i>О, как тогда с земного круга // Душой к бессмертному летим! // Минувшее, как призрак друга, // Прижать к груди своей хотим...</i>	<i>Когда в кругу убийственных забот // Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда, // Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда, // Нам на душу отрадное дохнет – // Минувшим нас обвеет и обнимет // И страшный груз минутно приподнимет</i>
концепт 'объятие'	<i>Прижать к груди своей хотим</i>	<i>Минувшим нас обвеет и обнимет</i>
лексема, содержащая семантику 'движение вверх'	<i>Душой к бессмертному летим!</i>	<i>И страшный груз минутно приподнимет</i>
	→ 'смерть' ↓ 'память' ↓ 'бессмертие'	→ 'тяжесть' ↓ 'боль' ↓ 'память' ↓ 'радость'
	→ 'озарение'	→ 'облегчение'

В стихотворении «Когда в кругу убийственных забот» концепт 'жизнь' репрезентирован эксплицитно через лексему, номинирующую концепт. При этом жизнь оценивается негативно, выражается это благодаря тесноте стихового ряда через слова *убийственный, заботы, мерзит, страшный, груз*, притягивающиеся в данном контексте к номинанту «жизнь».

В стихотворении «Проблеск» лексема *жизнь* отсутствует, но есть словосочетание *земной круг*, и, так как в стихотворении «С поляны коршун поднялся» человек был определен как *царь земли*, можно сделать вывод, что через это словосочетание здесь репрезентируется и концепт 'жизнь'. Соответственно, в

четвертой строфе стихотворения интерпретируется процесс преодоления забот, связанных с земной человеческой жизнью, через изображение движения вверх, репрезентируемого глаголом *лететь* и существительным *небо*, тогда в последней строфе произведения через наречие *опять* и глагол *упадаем*, содержащие смысловой признак ‘движение вниз’ иллюстрируется обратный процесс – возвращение к земной жизни.

Лексема *сон* в данном контексте выступает как вербализатор концепта ‘жизнь’. Смысловое взаимодействие лексемы *сон* и прилагательного *утомительный* определяется наличием ассоциативно близких семантических признаков – родового ‘деятельность’ и видовых ‘работа’, ‘груз’, ‘тяжесть’ ‘усталость’ лексемы *жизнь*. Таким образом, в тютчевском поэтическом дискурсе через лексему *сон* (как вербализатора концепта ‘жизнь’) осуществляется ассоциативный смыслообмен с присутствующей лишь потенциально лексемой *жизнь*. Данный факт объясняет сближение семантически разнородных лексем в текстах поэта и появление окказиональных и парадоксальных на языковом уровне, но логичных и естественных на ментальном и речевом уровнях сочетаний.

2.1.3. Семантика «невыразимого» в поэтической картине мира как потенциал смыслового расширения

Рассмотрение когнитивной категории «невыразимое» в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева доказывает онтологическую сущность слова поэта, в качестве репрезентантов обозначенной категории в произведениях поэта выступают единицы разных языковых уровней, на лексическом уровне эту функцию выполняют лексемы *бездна*, *хаос* и *беспредельность* и словосочетания, являющиеся перифразами упомянутых ранее лексем: *наследье родовое*, *заснувшие бури*, *гремящая тьма*, *пропасть темная*, употребленные в определенном контексте (см. таблицу 5).

Таблица 5. Актуализаторы семантики «невыразимое» в поэзии Ф.И. Тютчева

Актуализаторы	Контексты
Указание на отсутствие имени: лексемы с семой 'загадочность'	«На мир таинственный духов, // Над этой бездной безымянной , // Покров наброшен златотканый // Высокой волею богов // День – сей блистательный покров»
Указание на бессознательное знание: лексемы с семой 'отсутствие вербальной активности'	«И море и буря качали наш челн; // Я, сонный, был предан всей прихоти волн – // Две беспредельности были во мне, // И мной своевольно играли оне <...> // Но над хаосом звуков носился мой сон // Болезненно-яркий, волшебномоем <...> // И сонмы кипели безмолвной толпы – // Я много узнал мне неведомых лиц »
Указание на бессознательное знание: лексемы с семой 'чужой', 'непонятность', 'загадочность'	«Святая ночь на небосклон взошла, // И день отрадней, день любезней // Как золотой покров она свила, // Покров, накинутый над бездной <...> // И в чуждом, неразгаданном , ночном // Он узнает наследье родовое» « Понятным сердцу языком // Твердишь о непонятной муке – // И роешь и взрываешь в нем // Порой неистовые звуки!.. // О, страшных песен сих не пой // Про древний Хаос , про родимый!"
Ряды вопросов, указывающие на стремление понять непостижимое	«Откуда он, сей гул непостижимый?.. // Иль смертных дум, освобожденных сном, // Мир бестелесный, слышный, но незримый, // Теперь роится в Хаосе ночном?..»

В «Словаре русского языка XVIII в.» даны следующие определения лексемы *бездна*: «1. Беспредельная глубина; морские или земные недра <...> | Ритор. О бурном, грозном море, морских просторах <...> | Об аде, преисподней <...> || Перен. О том, что заключает в себе нечто губительное, бедственное <...> || Безграничное пространство, беспредельность вселенной <...> 2. чего. Простореч. Очень много; неисчислимо множество чего-л.» [Словарь русского языка XVIII века]. В приведенных значениях можно выделить следующие семы: 'стихийность', 'ад', 'гибель', 'беспредельность', 'множественность'.

В «Словаре языка поэзии...» *бездна* обозначена как метафора для большого комплекса явлений: *ад, беды, буря, вечер, вечность, вода, водопад, воздух, волна, время, глаза, грудь, душа, жизнь, забвение, заблуждение, загробный мир* и т.д. [Иванова Н.Н. 2004], что свидетельствует о широком смысловом

потенциале данного слова в русской поэтической картине мира XVIII – XX веков.

Лексема *хаос* в «Словаре русского языка XVIII в.» не представлена, в толковом словаре В.И. Даля к ней даны следующие определения: «состоянье планеты нашей до мироздания. || *Неустройство, беспорядок, безразличное смешенье. Хаотическое состоянье, расстроенное, в высшей степени беспорядочное» [Толковый словарь живого великорусского языка], здесь можно выделить семы ‘отсутствие порядка’, ‘неясность’, ‘фундамент бытия’, ‘древность’.

Слово *беспредельность* в «Словаре русского языка XVIII в.» тоже отсутствует, в толковом словаре В.И. Даля дана следующая характеристика прилагательного *беспредельный*: «у чего нет пределов; нескончаемый, бесконечный, безмерный, неизмеримый, неограниченный, необъятный, безграничный. *Беспредельность* ж. состояние это» [Толковый словарь живого великорусского языка], в данном контексте можно выделить сему ‘отсутствие границ’.

Назвать – значит определить. Соответственно, тот факт, что Ф.И. Тютчев для вербализации категории «невыразимое» использует лексемы *бездна*, *хаос* и *беспредельность* уже свидетельствует о том, что для поэта невыразимое – это нечто безграничное, неизмеримое, пугающее, древнее и беспорядочное. Это подтверждает анализ контекстов, в которых рядом с данными лексемами появляются коллокации с семами ‘опасность’, ‘страх’, ‘древность’: «Но меркнет день – настала ночь; // Пришла, и с мира рокового // Ткань благодатную покровы // Сорвав, отбрасывает прочь ... // И **бездна** нам обнажена // С своими **страхами** и **мглами**, // И нет преград меж ей и нами – // Вот отчего нам ночь **страшна!**», «О, **страшных** песен сих не пой // Про **древний Хаос**, про родимый!»

Последний контекст особенно интересен, так как он объясняет, почему в поэтической картине мира Ф.И. Тютчева «невыразимое» может быть постигнуто человеком на эмоциональном уровне. Фраза «про древний Хаос, про родимый!», актуализирует миф о том, что хаос предшествовал появлению мироздания,

который также отражен и в значении лексемы *хаос*, представленной в словаре В.И. Даля. В таком случае, хаос – источник мирового порядка и фундамент человеческой души, который проявляется ночью через различные природные явления и поднимает в бессознательном воспоминания о нашем общем со всем мирозданием прошлом. Раскрывается этот процесс в стихотворении «Как океан объемлет шар земной». Приведенный анализ иллюстрирует, что денотативная область семантики невыразимого в поэзии Ф.И. Тютчева представлена двумя сферами (трансцендентный мир и внутренний мир человека).

На словообразовательном уровне инструмент выражения явлений, неподдающихся вербализации – префиксы, репрезентирующие отрицательное значение: *без-* / *бес-*, *не-*, что свидетельствует о применении Ф.И. Тютчевым апофатического метода при репрезентации семантики невыразимого: «Понятым сердцу языком // Твердишь о непонятной муке», «Час тоски невыразимой!.. // Всё во мне, и я во всем!..», «Откуда он, сей гул непостижимый?.. // Иль смертных дум, освобожденных сном, // Мир бестелесный, слышный, но незримый».

В последнем контексте когнитивная категория «невыразимое» явно связана с денотативной областью «внутренний мир человека», на что указывает словосочетание «смертных дум». В последней строфе стихотворения «*Silentium*» внутренний мир человека тоже репрезентирован, через метафору *мир дум*: «Лишь жить в себе самом умей – Есть **целый мир** в душе твоей // Таинственно-волшебных дум – // Их оглушит наружный шум, // Дневные разгонят лучи – // Внимай их пенью – и молчи!..» В данном контексте появляется эпитет *таинственно-волшебный*, который способствует смысловому расширению выявленных ранее признаков «невыразимого» в поэзии Ф.И. Тютчева таким семантическими признаками, как ‘непостижимое’ и ‘сверхъестественное’. Кроме того, в приведенном контексте через фразы *Их оглушит наружный шум* и *Дневные разгонят лучи* репрезентированы ‘непостоянство’, и ‘призрачность’ «невыразимого». Данный признак проявляется и в стихотворении «Волна и дума», где непостоянство и ускользание мысли, неподдающейся выражению, передается через сравнение с морем, лексему *призрак* и эпитет *тревожно-пустой*.

Среди синтаксических средств передачи того, что не подлежит словесному выражению, можно выделить вопросительные конструкции: «О чем ты воешь, ветер ночной? // О чем так сетуешь безумно?.. // Что значит странный голос твой, // То глухо жалобный, то шумный». В приведенном контексте актуализация семантики «невыразимого» определяется наличием нескольких вопросов, иллюстрирующих процесс понимания явления, которое не может быть познано на рациональном уровне.

Когнитивная категория «невыразимое» в лингвистике изучается в соотношении с концептом ‘молчание’. В поэзии Ф.И. Тютчева обозначенная связь приобретает смысловое расширение, раскрывающее причину призыва к молчанию – нежелание мириться с редукцией глубинных смыслов. Кроме того, в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева ‘молчание’ – это не абсолютная тишина, а время, когда можно услышать звуки бездны и хаоса, выражающиеся через *чудный еженощный гул*. Смысловая интерпретация *гула* связана со звучанием мировой бездны и пробуждением внутреннего мира человека.

Таким образом, в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева выявляются две константные сферы денотативной области семантики «невыразимого» (трансцендентный мир и внутренний мир человека), тесно связанные между собой – для поэзии Ф.И. Тютчева свойственна иллюстрация слияния внутреннего «Я» и мировой «бездны».

Когнитивная категория «невыразимое» в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева вербализуется через единицы словообразовательного, лексического и синтаксического уровней языковой системы, перечисленные уровни дополняются поэтическим уровнем художественного текста, характеризующимся особой эстетической функцией, функционально-эстетической организацией языковых средств, направленных на передачу эмоций, образов и идей.

Смысловой анализ контекстов позволил представить имплицитную сферу номинант категории «невыразимое» в поэзии Ф.И. Тютчева. «Невыразимое» в его картине мира определяется следующими смысловыми доминантами: ‘опасность’,

‘безмерность’, ‘беспорядочность’, ‘древность’, ‘призрачность’, ‘неуловимость’, ‘непостижимость на рациональном уровне’, ‘связь с бессознательным’.

В контексте исследования семантики «невыразимого» следует отметить важные наблюдения:

1) При обозначении некоего предмета знаком происходит семантическая редукция, так как языковой знак не может включить в себя всю область обозначаемого содержания, возможности означающего в знаке ограничены, а «невыразимое» – это сущность без границ.

2) Подбор слов-вербализаторов для обозначения описываемого явления связан с осознанием сущности этого явления, а «невыразимое» не может быть постигнуто на уровне сознания, оно дается нам через область бессознательных ощущений.

3) Чтобы дать название чему-либо, нужно «уловить» его основные признаки, которые будут отражены в выбранной лексеме, но из-за призрачности и неуловимости «невыразимого» сделать это тоже не представляется возможным.

2.2. Модель смыслового расширения в дискурсе Ф.И. Тютчева

2.2.1. Смысловая полифония тютчевского текста

Онтологическая сущность слова в поэзии Ф.И. Тютчева проявляется и на дискурсивном уровне. Произведения поэта не всегда отражают авторскую картину мира, так как в его произведениях проявляют себя и другие формы субъекта лирики. Поэтому для изучения интенционального образа автора в поэзии Ф.И. Тютчева необходимо «отделить» образ автора от других форм выражения лирического субъекта в текстах поэта.

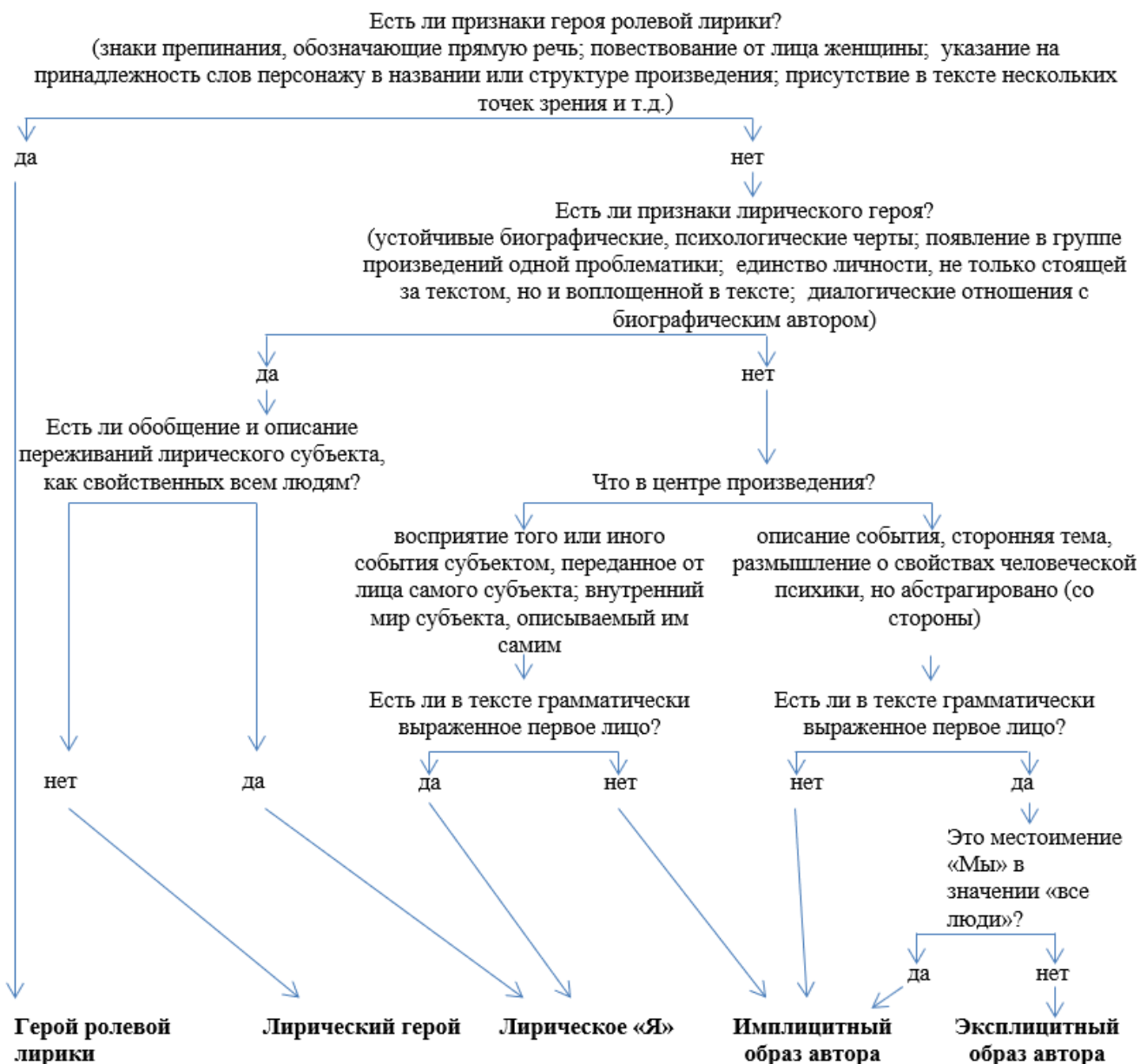
Материалом такой исследовательской процедуры выступили все оригинальные стихотворения Ф.И. Тютчева, в авторстве которых нет сомнений, написанные им на русском языке. Общее количество проанализированных текстов – 331.

Теоретический фундамент анализа – модель субъектной структуры лирики по С.Н. Бройтману [Бройтман 1999: 141-153]. В обозначенную модель были

внесены следующие изменения: 1) термин «автор-повествователь» заменен на «имплицитный образ автора» (данная форма в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева встречается не только в стихотворениях с сюжетом, но и в текстах с описаниями; основной признак данной формы – грамматическая и лексическая невыраженность); 2) термин «собственно автор» заменен на «эксплицитный образ автора» (противопоставляется имплицитному образу автора по степени явности проявления лирического субъекта в тексте).

Для сохранения единообразия процесса спецификации каждой из пяти форм в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева была сформулирована методика данного анализа, она представлена на схеме 6.

Схема 6. Алгоритм определения формы выражения лирического субъекта

В ходе проведенного анализа в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева были выявлены все пять форм выражения лирического субъекта. Например, в стихотворениях «В деревне», «Безумие», «Нет веры к вымыслам чудесным» представлен имплицитный образ автора, в них не употребляются формы первого лица, автор не представлен в них явно, из-за чего возникает ощущение объективного изображения событий, однако образ автора явлен в данных стихотворениях имплицитно через систему взглядов и оценок. Для примера рассмотрим текст стихотворения «В деревне». Поводом для создания произведения стал бытовой эпизод, связанный с поведением собаки Тютчевых *Ромпа* в Овстуге, что подтверждает надпись «Ромп в Остужанке» под текстом в одном из списков стихотворения [Тютчев 2003а: 568]. Первые две строфы и первая половина третьей посвящены описанию собаки, разгоняющей своим лаем стаю гусей и уток. Во второй половине третьей строфы лирический субъект задает ряд вопросов, пытаясь понять, есть ли в этом происшествии смысл. И в четвертой строфе он этот смысл находит в воле высшего провидения. В пятой строфе сюжетная схема, репрезентированная в четвертой строфе, накладывается на характеристику человеческих отношений (таблица 6).

Таблица 6. Взаимодействие последней строфы с предтекстом «В деревне»

Факторы сопоставления	Вторая половина 3 строфы и 4 строфа	5 строфа
<i>Указание на бессмысленность действий и намек на наличие скрытого смысла</i>	Бесмысленные действия – лай собаки: «Какой же смысл в движеньи этом? // Зачем вся эта трата сил? // Зачем испуг таким полетом // Гусей и уток окрылил // Да, тут есть цель!»	Бесмысленные действия – поступки людей: «Так современных проявлений // Смысл иногда и бестолков, – // Но тот же современный гений // Всегда их выяснить готов»
<i>Причина событий – высшее провидение</i>	«И вот благое провиденье // С цепи спустило сорванца»	«Иной – ты скажешь – просто лает, // А он свершает высший долг»
<i>Цель – развитие, выход из стагнации</i>	«В ленивом стаде // Замечен страшный был застой, // И нужен стал, прогресса ради, // Внезапный натиск роковой»	«Он, осмысляя, развивает Утиный и гусиный толк!»

Аллегория – обычный прием для поэтического произведения. Но интересно, как Ф.И. Тютчев употребляет лексему *лаять* в пятой строфе. Данное слово, в XVIII – XIX веке имело два значения – прямое («звук, издаваемый собакой») и переносное («врать, бранить, ругать») [Словарь русского языка XVIII]. Так как в последней строфе глагол выражает действие, совершаемое человеком, очевидно, что в данном контексте актуализируется второе значение, содержащее отрицательные коннотации. Ф.И. Тютчев ломает сложившийся речевой стереотип и, сделав причиной «лая» высшее предназначение, а его целью – прогресс, иллюстрирует ситуацию, в которой «лай» (и в прямом, и в переносном смысле) описывается как важная часть развития социума. Поэт репрезентирует свое заключение не в форме монологического рассуждения, а через диалог, включающий характерную для поэта формулу «Ты скажешь». Выражение противоположной точки зрения дает через введение контраргумента, начинающегося с противительного союза *а*. Данные факты можно интерпретировать как диалогичность его поэзии и нацеленность его языковой личности на другое сознание, с которым поэт вступает в дискуссию.

Форма имплицитного образа автора в поэзии Ф.И. Тютчева неоднородна. В некоторых стихотворениях поэт изображает мир с позиции мифологического сознания («Весенняя гроза», «Странник», «Два голоса» и др.), в других – сквозь призму христианского восприятия («Наш век», «12-ое апреля 1865», «Чертог Твой, Спаситель, я вижу украшен...» и др.). При этом среди его произведений можно найти стихотворения, где одна и та же тема транслируется через разные «мировоззренческие линзы».

Так, в переводе Ф.И. Тютчева четверостишия из произведения Микеланджело «*Grato m'e'l sonno, e piu l'esser di sasso...*» и в стихотворении «Наш век» представлена негативная характеристика современного века, но транслируется она через разные фигуры интертекста, репрезентируя при этом отличные друг от друга картины мира. Тютчевский перевод стихотворения Микеланджело оказывается не просто вторичным текстом по отношению к тексту-источнику, но и становится частью более масштабного интертекстуального

дискурса – смысловой ретроспективой. Произведение Микеланджело – это ответ на четверостишие Джована Баттиста Строщи, в котором он в свою очередь выразил реакцию на изваяние Ночи на саркофаге Юлиана Медичи (во Флоренции) [Тютчев 2003а: 428]. При этом в переводе русского поэта заметно расширение исходного смыслового потенциала, для описания которого необходимо реконструировать весь интертекстуальный «диалог», фрагментом которого стал перевод Ф.И. Тютчева.

Часть скульптурно-архитектурного комплекса работы Микеланджело Буонарроти Саркофаг Юлиана Медичи включает три фигуры, в центре изображен сам флорентийский дворянин, ниже слева и справа даны аллегорические изображения дня и ночи. День представлен в виде мужской фигуры, ночь – в виде женской. При этом ночь изображена спящей, у ее ног сидит сова, а под одной из рук лежит трагическая маска. Джована Баттиста Строщи под впечатлением от изображения ночи в работе Микеланджело написал следующее четверостишие: “La notte, che tu vedi in sì dolci atti // Dormir, fu da un Angelo scolpita // In questo sasso, e perchè dorme, ha vita. // Destala, se non credi, e parleratti” (*Ночь, которую ты видишь спящей в такой сладкой позе, была высечена из камня ангелом, и раз она спит, значит она жива. Разбуди ее, если не веришь, и поговори с ней*) [Vasari Giorgio 1568: 34]. Микеланджело отозвался на это стихотворение своим произведением, в котором изобразил ответ своей ночи на попытки ее разбудить: “Caro m'è sonno e più l'esser di sasso, // **Mentre che** 'l danno e la vergogna dura. // Non veder, non sentir m'è gran ventura; Però non mi desta, deh! parla basso” (*Мне дорог сон, но еще лучше быть из камня, пока длятся разрушение (урон, вред, порча, ущерб) и позор (стыд, срам). // Не видеть, не слышать – это большое счастье, только не буди меня. О, говори тише*) [Там же]. В своем ответе Микеланджело проиллюстрировал ночь, как отказывающуюся просыпаться и обозначил в своем стихотворении в качестве причины такого решения нежелание видеть разрушения и позор, царящие в мире.

В переводе Ф.И. Тютчева репрезентирован этот же сюжет, но обобщенное “**Mentre**” (пока, в то время как) из оригинала трансформировалось в переводе в

более конкретное «в этот век»: «Молчи, прошу – не смей меня будить – // О, в этот век – преступный и постыдный // Не жить, не чувствовать – удел завидный – // Отраднo спать, отрадней – камнем быть». Если в исходном произведении период, в который ночь не хотела просыпаться, может пониматься не как конкретный исторический промежуток, а как абстрактное время существования негативных явлений, то указательное местоимение *этот* в переводе четко ограничивает временной диапазон и переводит размышление из общефилософского пласта в социальный.

О том, что стихотворение Микеланджело произвело на Ф.И. Тютчева большое впечатление, свидетельствует тот факт, что поэт создал несколько вариантов его перевода, первый из них был на французском языке [Тютчев 2003а: 426]. При этом во всех вариантах на русском языке присутствует указательное местоимение *этот* либо его аналог *сей*. Таким образом, в своем произведении русский поэт изобразил **современный ему век**, как *преступный и постыдный* в глазах каменной ночи. Данному переводу предшествовало оригинальное стихотворение Ф.И. Тютчева «Наш век», в котором также представлена критика XIX века, но уже сквозь призму христианского мироощущения. Актуализации христианского восприятия способствуют лексемы *плоть, дух, роищет, скорбит* и прецедентные отсылки к библейским текстам: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучитесь, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащемуся отворяют» (Мф 7:7–11); «И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: “верую, Господи! помоги моему неверию”» (Мк 9:24). В библейских текстах иллюстрируется возможность диалога между человеком и Богом, способность человека просить и получение отклика на эти просьбы. В тексте же стихотворения Ф.И. Тютчев смысловой посыл иной: потеря веры и неспособность обратиться с молитвой, которая эту веру поможет вернуть, вместо того, чтобы постучать в запертую дверь и получить ответ, человек продолжает стоять перед закрытой дверью: **«Безверием палим и иссушен, // Невыносимое он днесь выносит ... // И сознает свою погибель он, // И жаждет веры – но о ней не просит ... // Не скажет ввек, с молитвой и слезой, // Как ни скорбит перед**

замкнутой дверью: // “Впусти меня! – Я верю, Боже мой! // Приди на помощь моему неверью!..”» Смысловое расширение порождается на базе интеракции горизонтального тютчевского контекста и вертикального пре-текста – сакрального прототекста.

Объемность и полипарадигмальность эксплицитного образа автора обусловлена раскрытием разных его черт в каждом отдельном произведении (их выделение определяется темой стихотворения): восприятие природных картин («Весенняя гроза», «Давно ль, давно ль, о Юг блаженный», «Нет, моего к тебе пристрастья»); отношение к историческим событиям («Британский леопард», «12 апреля 1865», «14 февраля 1869»); переживания о событиях личной жизни («Брат, столько лет сопутствовавший мне»). Несмотря на то, что образ автора выражен в этих произведениях явно, далеко не всегда можно однозначно интерпретировать его отношение к изображаемым в стихотворении объектам действительности.

Одним из таких сложно интерпретируемых произведений стало стихотворение «Я лютеран люблю богослуженье». В первой строке выражается положительное отношение к протестантству, однако в последующих строфах выявляется негативная оценка, связанная с иллюстрацией потери веры, репрезентированной через изображение последней молитвы: «**В последний раз** вам вера предстоит», «**В последний раз** вы молитесь теперь». Негативная оценка представлена актуализацией концепта ‘пустота’ через описание протестантского храма без икон: «Не видите ль? Собравшись в дорогу, // В последний раз вам вера предстоит: // Еще она не перешла порогу, // Но дом ее уж **пуст** и **гол** стоит»). Таким образом, между первой строфой и остальной частью стихотворения возникает смысловой конфликт, который сложно разрешить однозначно.

Во второй и третьей строфах Ф.И. Тютчев использует местоимение *вы*, при этом невозможно точно определить, кто к кому здесь обращается, что ведет к появлению двух потенциальных субъектных перспектив в стихотворении, а, следовательно, и двух интерпретаций. С одной стороны, это может быть обращение поэта к лютеранам. В таком случае данные строфы можно интерпретировать как явную критику протестантства, соответственно, глагол

люблю в начале стихотворения – это пейоративный намек. Такое восприятие стихотворения соответствует тому отношению к протестантизму, которое отражено в письмах и публицистических произведениях Ф.И. Тютчева. «Протестантизм с его многочисленными разветвлениям едва протянул три века и умирает от немощи во всех странах, где он господствовал до сих пор, кроме разве что Англии; там же, где он еще проявляет какие-то признаки жизни, проявления эти стремятся к воссоединению с Римом» [Тютчев 2003б: 159].

Для Ф.И. Тютчева свойственна смена точек зрения в рамках одного произведения (подробнее это будет показано ниже), поэтому содержание второй и третьей строф анализируемого стихотворного текста может быть интерпретировано иначе. Первую строфу завершают строки, указывающие на осознание лирическим субъектом сути протестантской мысли: «Сих голых стен, сей храмины пустой // **Понятно мне высокое ученье**», которые заставляют предположить, что последующий текст стихотворения – это разъяснение данной сути. В таком случае, *вы* – это обращение протестантской церкви к прихожанам, которых она призывает молиться как в последний раз. Тогда глагол *любить* в начале стихотворения репрезентирует истинное отношение поэта к конкретному аспекту лютеранства. Одной из проблем XIX века Ф.И. Тютчев считал утрату веры, что было выявлено в процессе анализа стихотворения «Наш век» и проявляется в других произведениях поэта: «В наш век отчаянных сомнений, // В наш век, **неверием больной**, // Когда все гуще сходят тени // На одичалый мир земной». А обряд лютеран *строгий, важный и простой* и голые стены пустого храма открыто и честно это иллюстрируют и выступают в качестве призыва: «Но час настал, пробил ... Молитесь Богу, // В последний раз вы молитесь теперь», который заставляет человека XIX века, стоящего перед замкнутой дверью в произведении «Наш век», постучать и обратиться с молитвой и слезой к Богу.

Герой ролевой лирики представлен в 23 стихотворениях Ф.И. Тютчева. В качестве субъектов речи и восприятия в таких текстах выступают исторические личности («Цицерон», «Наполеон» и др.), вымышленные и абстрактные персонажи («Наш век», «Два голоса» и др.), знакомые Ф.И. Тютчева («Не говори:

меня он, как и прежде любит», «Когда-то я была майором»), животные («С Новым Годом, с новым счастьем...»), явления природы («Весенние воды», «Листья»).

Данная форма предполагает наличие указаний на принадлежность тех или иных слов другому сознанию, к ним относятся: 1) информация о действующих героях в названии; 2) оформление стихотворения в виде набора реплик с метатекстовым компонентом, указывающим, кому реплика принадлежит; 3) изменение системы рифмы; 4) смена модальности (перечисленные средства представлены в стихотворениях «Харон и Каченовский», «Два голоса», Гектор и Андромаха»); 5) грамматические формы (например, использование женского рода в стихотворении «Когда-то я была майором»).

Кроме того, в отдельных случаях для верного определения формы выражения лирического субъекта в стихотворении необходимо учитывать ситуационный контекст, в рамках которого стихотворение было репрезентировано. Так, Ф.Ф. Вигель, получив в один из своих дней рождения поздравление со стихотворением Ф.И. Тютчева, решил, что автором присланных строк является П.Я. Чаадаев, так как произведение было написано на пакете, в который был упакован портрет П.Я. Чаадаева [Тютчев 2002: 503]. Причины такой интерпретации связаны с тем, что стихотворение содержало притяжательное местоимение *мой*, при этом в произведении отсутствовало имя отправителя, что привело к нарушению максимы количества П. Грайса: «Прими как дар любви **мое изображение**, // Конечно, ты его оценишь и поймешь, // – Припомни лишь при сем простое изречение: // “Не по хорошу мил, а по милу хорош”». Стихотворение сопровождало литографию П.Я. Чаадаева, вербальный и визуальный компоненты вступили во взаимодействие, образовав единый креолизованный текст, где изображение дополняло вербальный текст. В результате этого фраза *мое изображение* была воспринята Ф.Ф. Вигелем как отсылка к литографии и, так как на ней был изображен П.Я. Чаадаев, дейктический компонент *мое* был соотнесен с личностью литератора, и он был определен в сознании Ф.Ф. Вигеля как автор стихотворения. Если данная интерпретация – не результат случайной ошибки, а следствие замысла самого Ф.И. Тютчева, лирический субъект в данном случае

представлен в форме героя ролевой лирики, хотя внутри самого текста никаких указаний на это нет.

Лирический герой в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева представлен в несобранном цикле о Е.А. Денисьевой, стихотворения которого объединены общей проблемой – трагическая любовь. Лирический субъект в цикле обладает рядом повторяющихся черт, свидетельствующих о единстве сознания, воплощенного в тексте (таблица 7), и является автобиографичным (основа для формирования черт лирического героя – особенности биографического автора, но представленные в идеализированном виде).

Таблица 7. Черты лирического героя в «Денисьевском цикле»

Черта	Иллюстрация	Источник
<i>Осознание того, что он не достоин чувств своей возлюбленной</i>	«Не раз ты слышала признание: “ Не стою я любви твоей ”. // Пускай мое она создание – // Но как я беден перед ней ... // Перед любовью твоею // Мне больно вспомнить о себе – // Стою, молчу, благоговею // И поклоняюсь тебе...»	«Не раз ты слышала признание...»
	«Поверь, из нас из двух завидней часть твоя: // Ты любишь искренно и пламенно, а я – // Я на тебя гляжу с досадою ревнивой. // И, жалкий чародей, перед волшебным миром, // Мной созданным самим, без веры я стою – // И самого себя, краснея, сознаю // Живой души твоей безжизненным кумиром»	«О, не тревожь меня укорой справедливой...»
<i>Абсолютное слияние с возлюбленной</i>	«Сумрак тут, там жар и крики // – Я брожу как бы во сне, – // Лишь одно я живо чую – // Ты со мной и вся во мне »	«Пламя рдеет, пламя пышет»
	«Как душу всю свою она вдохнула, // Как всю себя перелила в меня»	«15 июля 1865»
	«Любила ты, и так, как ты, любить – // Нет, никому еще не удавалось – // О Господи!.. и это пережить ... // И сердце на клочки не разорвалось ...»	«Весь день она лежала в забытьи»
<i>Слияние блаженства и трагедии</i>	«Пускай скудеет в жилах кровь, // Но в сердце не скудеет нежность... О ты, последняя любовь! // Ты и блаженство и безнадежность »	«Последняя любовь»

	«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло // С того блаженно-рокового дня, // Как душу всю свою она вдохнула, // Как всю себя перелила в меня»	«15 июля 1865»
	«О, как убийственно мы любим, // Как в буйной слепоте страстей // Мы то всего вернее губим , // Что сердцу нашему милей! »	«О, как убийственно мы любим»

Лирическое «я» отличается от других форм *над-* и *внесубъектностью*, которая репрезентируется в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева через 1) местоимение *мы* (денотат – все люди или люди, живущие в XIX веке): «Нам мнится: мир осиротелый», «И мы, в борьбе, природой целой»; 2) местоимение *все*: «Язык для всех равно чужой»; 3) местоимение *каждый*: «И внятнй каждому, как совесть!» и т.д.

Названные формы существуют не изолированно друг от друга в поэзии Ф.И. Тютчева. Например, стихотворения «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» и «О, не тревожь меня укорой справедливой» связаны автопрецедентными отсылками. В обоих текстах дана одна смысловая константа ‘любовь’, освещающаяся с двух ракурсов: 1) героини ролевой лирики (в первом контексте); 2) лирического героя (во втором). На принадлежность слов другому сознанию в стихотворении «Не говори...» указывает использование форм женского рода: «Увлечена, в душе уязвлена, // Я стражду, не живу...». Сопоставительный анализ двух контекстов показал, что они близки диктумом, который связан с иллюстрацией взаимоотношений в паре, но отличаются модусом. Одно из языковых средств репрезентации эмоционального состояния – знаки препинания. В первом произведении неоднократно используется многоточие, в отдельных случаях присутствующее в середине предложения, в восьмой строке – два восклицательных знака, один из которых сочетается с многоточием и тоже стоит в середине строки: «Но эта жизнь!.. о, как горька она!». Все это свидетельствует об эмоциональности и сбивчивости речи.

Знаки препинания во втором контексте иллюстрируют более спокойную интонацию: восклицательный знак появляется только в первой строке, иллюстрируя раздражение главного героя из-за слов своей возлюбленной: «О, **не тревожь** меня укорой справедливой!», два других предложения завершаются точкой. Также в данном контексте присутствуют знаки препинания, указывающие на способность лирического героя сохранять критическое мышление: двоеточие, выражающее причинно-следственные отношения, и тире, подчеркивающее сопоставление: «Поверь, из нас из двух завидней часть твоя: // Ты любишь искренно и пламенно, а я – // Я на тебя гляжу с досадою ревнивой».

Анализ эмотивов подтверждает обозначенную разницу. В первом контексте представлено сильное непоследовательное колебание эмоций героини ролевой лирики между увлечением («Увлечена, в душе уязвлена»), сильной печалью и гневом («То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя», «Я страдаю, не живу...»).

К эмоциям, репрезентированным во втором контексте относятся зависть («Поверь, из нас из двух **завидней** часть твоя: // Ты любишь искренно и пламенно, а я — // Я на тебя гляжу с **досадою ревнивой**»), жалось к себе («И, **жалкий** чародей, перед волшебным миром, // Мною созданным самим, без веры я стою»), стыд («И самого себя, **краснея**, сознаю // Живой души твоей безжизненным кумиром»). В первой строке стихотворения: «О, **не тревожь** меня укорой **справедливой!**» через глагол *тревожить* выражено негативное отношение лирического героя к замечаниям возлюбленной, но одновременно с этим укора названа *справедливой*, что свидетельствует о более низком эмоциональном возбуждении и способности давать объективные оценки независимо от своего отношения.

Таким образом, в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева отражаются все пять форм выражения лирического субъекта, что способствует отражению ценностно-смысловой рефлексии языковой личности поэта в его произведениях, делает образ автора, представленный четырьмя формами (эксплицитный образ автора, имплицитный образ автора, лирическое «я» и лирический герой), объемным. Образ автора – *структуро- и смыслообразующий стержень* тютчевского

текстового пространства, смысловые константы которого как центростремительные и центробежные векторы создают *сложную в смысловом отношении полифоническую композицию тютчевского дискурса*.

2.2.2. Модальность как средство отражения категорий субъектности и субъективности в смысловом поле поэтической мысли Ф.И. Тютчева

Основное средство переключения между формами выражения лирического субъекта – модальность, которая в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева способствует формированию двух категорий: 1) субъектности, под которой понимается «системное качество субъекта, наличие которого и делает субъект тем, чем он является» [Радченко 2012: 75] и 2) субъективности – иллюстрации зависимости определенного восприятия действительности от индивидуальных особенностей восприятия конкретного субъекта [Там же].

Материал исследования в данном параграфе – 363 стихотворения Ф.И. Тютчева на русском языке, включая переводы, и их варианты (стихотворения, приписываемые Ф.И. Тютчеву, и произведения, в авторстве которых есть сомнения, в исследовании не рассматривались).

В поэзии Ф.И. Тютчева основным средством репрезентации категории субъективности являются модусные рамки, в качестве их операторов в произведениях поэта выступают существительные, обозначающие ментальную, перцептивную, речевую деятельность человека; модусные рамочные предикаты и описательные конструкции (некоторые из контекстов, содержащих данные репрезентации, представлены в таблице 8).

Таблица 8. Операторы модусных рамок, репрезентирующих категорию субъективности в поэзии Ф.И. Тютчева

Источник	Иллюстрация	Указание на субъект восприятия	Оценка автором данного восприятия
«Там, где горы, убегая»	«Там-то, бают , в стары годы, // По лазуревым ночам, // Фей вилися хороводы // Под водой и по водам»	<i>баять</i>	положительная оценка (явно не выражена, реконструкция через связь с контекстом «Нет веры к вымыслам чудесным»)
«Цицерон»	«Оратор римский говорил //	<i>говорить</i>	выражение несогласия:

	Средь бурь гражданских и тревоги: // “Я поздно встал – и на дороге // Застигнут ночью Рима был!” // Так!.. но, прощаясь с римской славой, // С Капитолийской высоты // Во всем величье видел ты Закат звезды ее кровавой!..»		через контраргумент, присоединенный противительным союзом <i>но</i>
«14-ое декабря 1825»	«О жертвы мысли безрассудной // Вы уповали , может быть, // Что станет вашей крови скудной, // Чтоб вечный полнос растопить!».	<i>мысль, уповать</i>	<u>отрицательная оценка:</u> через прилагательные <i>безрассудный, скудный</i> , существительное <i>жертвы</i> , через риторический прием «доведение до абсурда»
«Безумие»	«Там, где с Землею обгорелой // Слилсь, как дым, небесный свод, // – Там в беззаботности веселой// Безумье жалкое живет ... <...> // И мнит , что слышит струй кипенье, // Что слышит ток подземных Вод, // И колыбельное их пенье, // И шумный из Земли исход!..»	<i>мнить</i>	<u>отрицательная оценка:</u> словосочетание <i>безумье жалкое</i> , <i>мнит</i> (в значении «заблуждается»)
«Противниками вина»	«О, суд людей неправый, // Что пьянствовать грешно! // Велит рассудок здравый // Любить и пить вино»	<i>суд людей</i>	<u>отрицательная оценка:</u> через прилагательное <i>неправый</i> , <u>положительная оценка:</u> противоположной позиции через фразу «Велит рассудок здравый»
«Чему молилась ты с любовью»	«Чему молилась ты с любовью, // Что, как святыню, берегла, Судьба людскому суесловью // На поруганье предала. // Толпа вошла, толпа вломилась // В святилище души твоей, // И ты невольно постыдилась // И тайн и жертв, доступных ей»	<i>людское суесловье</i>	<u>отрицательная оценка:</u> мнения толпы через лексемы <i>суесловье, поруганье, вломиться</i>

В приведенных контекстах Ф.И. Тютчев, используя операторы специфической модальности, транслирует мысль о том, что описываемые ситуации – это не характеристика реальной действительности, а фрагменты картины мира отдельных субъектов. Интересно отметить, что приведенные иллюстрации осложнены также диалогической модальностью и содержат информацию об отношении автора к репрезентируемой точке зрения.

Например, в произведении «14-ое декабря 1825» Ф.И. Тютчев называет декабристов «жертвой» своих идей, данная характеристика уже иллюстрирует, что поэт оценивает эти идеи отрицательно, определяя их как источник негативных последствий, подтверждается негативное отношение и прилагательным *безрассудный* употребленным в качестве характеристики идей участников восстания 1825 года. В этом стихотворении операторы модусной рамки, содержащей информацию об источнике передаваемых сведений, представлены нейтральными лексемами *мысль* и *уповать*, негативное отношение поэта к транслируемой точке зрения выражается через контекст.

Однако в отдельных случаях сам оператор речевой или ментальной модусной рамки уже содержит в себе негативные коннотации. В качестве примера можно привести фрагмент из стихотворения «Чему молилась ты с любовью», где, давая характеристику мнению толпы, поэт описывает его через словосочетание *людское суесловье*. Лексема *суесловье* в словаре В.И. Даля определяется как «пустословие, вздорные, пустые речи, слова на ветер, без пользы и толку; беседа безнравственная» [Толковый словарь живого великорусского языка]. Негативная характеристика, содержащаяся в данной лексеме, подтверждается и дальнейшим контекстом стихотворения, где для описания действий людей используется глагол *вломиться*, иллюстрирующий незаконность и насильственность этих действий.

Репрезентация категории субъектности в поэзии Ф.И. Тютчева связана, прежде всего, с формированием такой формы лирического субъекта, как герой ролевой лирики, а также с переключением между разными формами выражения лирического субъекта. В стихотворении «Гектор и Андромаха» имена действующих лиц представлены уже в названии, а само стихотворение написано в форме драматического диалога, где каждая строфа выступает в качестве реплики одного из героев. Модальность в данном произведении выступает в качестве дополнительного компонента, позволяющего репрезентировать две противоположные картины мира. Например, сопоставление реплик Андромахи и Гектора позволяет увидеть разницу в их картинах мира, которая передается через аксиологическую модальность.

Начинается стихотворение со слов Андромахи: «Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани, // Где с булатом в неприступной длани // Мстительный свирепствует Пелид?.. // Кто же призрит Гекторова сына, // Кто научит долгу властелина, // Страх к богам в младенце поселит?..» В данной строфе Гектору присвоены две социальные роли – роль воина, сражающегося за свою страну, и роль отца. В контексте передается беспокойство Андромахи за то, что Гектор, выполняя первую роль, не может выполнить вторую, достигается это через череду вопросов, адресованных Гектору. При этом последние два вопроса «Кто же призрит...?», «Кто научит...?» предполагают логичный ответ – никто, кроме Гектора, этого сделать не сможет. В приведенном фрагменте отцовство оценивается как более значимая роль, чем роль воина.

Противоположную оценку можно увидеть в ответной реплике Гектора: «Мне ль томиться в тягостном покое?.. // Сердце жаждет прохладенья в бое, // Мести жаждет за Пергам!.. // Древняя отцов моих обитель! // Я паду!.. но, родины спаситель, // Снизу весел к Стиксовым брегам!..» В данном контексте передается негативное отношение к покою через глагол *томиться* и прилагательное *тягостный*, в то время как боевые действия оцениваются положительно, о чем свидетельствует фраза *сердце жаждет*. Смерть за родину, репрезентированная в приведенном фрагменте через фразы *я паду*, *родины спаситель* и прецедентный феномен *Стиксовые брега*, также оценивается Гектором положительно, о чем свидетельствует краткое прилагательное *весел*.

Не во всех произведениях Ф.И. Тютчева несколько субъективных перспектив явно отделены друг от друга. Например, в стихотворении «О чем ты воешь, ветер ночной?» две субъективные перспективы переплетены между собой. Через перцептивную модусную рамку в произведении репрезентируется субъективная перспектива, в которой субъектом действия становится человек, определенным образом воспринимающий шум ветра и узнающий в нем речь, она выражается через глагол *внимать*, а также имплицитно транслируется через оценочную характеристику издаваемых ветром звуков: «О чем ты воешь, ветер ночной? // О чем так сетуешь безумно?.. // Что значит странный голос твой, // То глухо-

жалобный, то шумный?»), в приведенном фрагменте вой ветра репрезентируется через глагол «сетовать», связанный с выражением негативных эмоций, и дополняется коннотативом *безумно*, также содержащем эмоциональную характеристику. Передается субъективное восприятие шума ветра и через прилагательные *странный* и *глухо-жалобный*. В данной субъектной перспективе ветер выступает в качестве объекта восприятия.

С речевой модусной рамкой связана субъектная перспектива, в которой в качестве актора выступает ветер. Операторы обозначенной рамки – лексемы *выть, сетовать, голос, песня*. Представленная модусная рамка репрезентируется и на фоносемантическом уровне стихотворения. Так, в первой строфе ударные гласные в рифмующихся словах выстраиваются в следующую последовательность: *ночной – безумно // твой – шумный // языком – муке // в нём – звуки* («О чём ты воешь, ветер ночной? // О чём так сетуешь безумно? // Что значит странный голос твой, // То глухо жалобный, то шумный? // Понятным сердцу языком // Твердишь о непонятной муке // И роешь, и взрываешь в нём // Порой неистовые звуки!»). Как видно, ударные гласные в рифменной вертикали складываются в нечто, действительно, напоминающее печальное завывание ветра. В качестве ударных в рифмующихся словах выступают звуки [о] и [у], что характеризует перекрестную рифму в строфе: обозначенные звуки чередуются и выстраиваются в следующую последовательность – *о-у-о-у-о-у-о-у*. Эта вертикальная ось, поддерживается горизонтальным фоносемантическим контекстом – среди ударных гласных в приведенных строках превалирует [о]. Ассонанс позволяет создать имитацию завывания ветра, которая поддерживается и согласными щелевыми звуками, аффрикатами и даже сонорными [ч], [ш], [з], [с], [х], [р].

В стихотворении «О чем ты воешь, ветер ночной?» поэт не только описывает какое-то явление как объект, воспринимаемый человеком, но и наделяет данное явление субъектностью, транслирует восприятие ситуации изнутри (с точки зрения этого явления). В качестве похожих контекстов можно привести стихотворения «Листья» и «Весенние воды». Так, в стихотворении

«Листья» Ф.И. Тютчев не просто говорит от их лица, а формирует целостный субъект, с определенной картиной мира и ценностными ориентирами. В начале произведения выражено негативное отношение листьев к образу жизни хвойных деревьев, что транслируется через характеристики *тощая зелень* и *не свежа* в следующем контексте: «Пусть сосны и ели Всю зиму торчат, // В снега и метели Закутавшись, спят // – Их **тощая** зелень, // Как иглы ежа, // Хоть век не желтеет, // Но век **не свежа**». В последних двух строках сравнение устойчивого, неизменного во времени образа жизни и жизни в движении проявляется особенно ярко. При этом первый тип бытования коррелирует с семантическим компонентом ‘бесполезность’, выраженным через наречие *даром*, и семой ‘скука’, репрезентированной через прилагательное *докучный*. А второй получает положительную окраску, данная оценка связана с волеизъявительной модальной рамкой, операторами которой в данном контексте выступают повелительное наклонение и модальный глагол *хотеть*: «Так что же нам **даром** // Висеть и желтеть? // Не **лучше** ль за ними // И нам **улететь!** // О буйные ветры, // Скорее, скорей! // Скорей нас **сорвите** // С **докучных** ветвей, // **Сорвите, умчите**, // Мы **ждать не хотим**, // Летите, летите! Мы с вами летим!..»

Таким образом, модальность как средство выражения субъектности, в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева – смысловая доминанта образа автора (его представлений о мире, ценностных ориентирах) и основа для создания нескольких субъектных перспектив в пределах одного текста. Модальность как средство репрезентации категории субъективности – инструмент выражения оценки чужих слов, способ иллюстрации недостоверности позиции оппонента, а также средство создания эффекта смыслового многоголосия, при котором каждое сознание наделяется индивидуальным, свойственным именно ему, восприятием ситуации.

2.2.3. Смысловая «оплотненность» калейдоскопической поэтической картины мира Ф.И. Тютчева

Использование полного спектра форм субъекта лирики – это характеристика языковой личности Ф.И. Тютчева, иллюстрирующая его стремление к перевоплощению, а также компонент метода постижения действительности, связанный с осознанием ограниченности восприятия действительности в пределах отдельной индивидуальной картины мира (см. «Silentium», «Нам не дано предугадать...») и стремлением преодолеть это ограничение через освещение одной и той же ситуации с разных сторон.

Так, в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева можно найти элементы следующих картин мира: 1) античной мифологической («Два голоса», «Странник», «Цицерон»), 2) христианской («Пошли, Господь, свою отраду...», «Святые горы», «Эти бедные селенья»), 3) исламской («Олегов щит», «Запад, Норд и Юг в крушенье»), 4) пантеистической («Не то, что мните вы, природа...», «Нет, своего к тебе пристрастья...»), 5) древнескандинавской («Арфа скальда») и т.д. Обозначенные парадигмы дополняются критическим («Там, где горы, убегая...», «Probleme»), а иногда и атеистическим («И чувства нет в твоих очах...», «Ночной порой в пустыне городской») восприятием действительности. Все перечисленные фрагменты существуют в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева в единстве и выстраиваются в целостную полипарадигмальную систему, для описания которой в диссертации используется принцип методологической онтологии Г.П. Щедровицкого. Данная система представлена сетью значимых для Ф.И. Тютчева смысловых констант, которые выступают в качестве узлов этой сети. Наряду с проблемными вопросами, каждый узел сети включает в себя совокупность проекций (ракурсов), с которых этот вопрос рассматривается. Рассмотрение одного и того же объекта с разных позиций способствует более полному и объективному описанию данного объекта. Спектр рассматриваемых таким образом вопросов в поэзии Ф.И. Тютчева очень широк и охватывает как вопросы, связанные с его личной жизнью, так и общефилософские проблемы (таблица 9).

Таблица 9. Примеры онтологически значимых в языковой картине мира Ф.И. Тютчева смысловых констант и ракурсы их репрезентации

Смысловая константа	Стихотворение	Субъектная форма лирического субъекта	Ракурс рассмотрения проблемы
'любовь'	«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	Героиня ролевой лирики	Эмоциональное восприятие женщины
	«О, не тревожь меня укорой справедливой»	Лирический герой	Эмоциональное восприятие мужчины
	«Предопределение»	Имплицитный образ автора	Мифологическая картина мира
	«Когда на то нет Божьего согласия»	Имплицитный образ автора	Христианская картина мира
'утрата веры'	«Наш век»	Имплицитный образ автора	Христианская картина мира
	«А.Н. Муравьеву»	Имплицитный образ автора	Критическое восприятие мифологической картины мира
	«Запад, Норд и Юг в крушенье»	Эксплицитный образ автора	Критическое восприятие исламской картины мира
'человек в его диалогической раздвоенности'	«Два голоса»	Герои ролевой лирики	Мифологическая картина мира
	«Урания»	Имплицитный образ автора	Мифологическая картина мира
	«Бывают роковые дни»	Лирическое «я»	Христианская картина мира

Так, в контекстах «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» и «О, не тревожь меня укорой справедливой» одна и та же смысловая константа представлена с двух ракурсов: с позиции героини ролевой лирики и с точки зрения лирического героя, бинарность становится смыслопорождающим источником.

Появляются в дискурсе Ф.И. Тютчева и более масштабные картины. Так, стихотворение «Олегов щит» состоит из трех строф, в первых двух представлены две молитвы (христианская и исламская), каждая из которых отражает соответствующую картину мира, ее актуализации способствуют прецедентные феномены: 1) прецедентные имена *Аллах* и *Магомет* – при актуализации исламской картины мира; 2) прецедентная ситуация *выведение еврейского народа*

из пустыни Моисеем – для репрезентации христианского взгляда. Завершает стихотворение следующая строка: «Олегов озарила щит», которая отсылает к прецедентной ситуации из истории восточных славян и позволяет интерпретировать строфу с молитвой христиан, как преломление христианской культуры в славянском сознании.

Репрезентируемые картины мира и их фрагменты в поэзии Ф.И. Тютчева представлены как 1) средство формирования символов; 2) объект описания; 3) способ восприятия мира. Так, мифонимы используются как символы устоявшейся семиотической системы в рамках традиции, существовавшей в XVIII – XIX вв., например, имя древнегреческого бога времени *Крона* используется как символизирующее для репрезентации символизируемого – концепта ‘время’ в контексте «На новый 1816 год».

Большая часть стихотворения «Там, где горы убегают» – репрезентация мифологической картины мира, предполагающей веру в фей и одухотворенную природу, однако перед данной репрезентацией идут слова: «Там-то, **баят**, в стары годы». Во-первых, глагол *баять* употреблен здесь в форме третьего лица множественного числа, это вводное слово, указывает на то, что говорящий опирается на информацию, не принадлежащую автору, степень ее достоверности может быть незначительной, сомнительной.

Во-вторых, прагматика глагола *баять* отличается от нейтральных *рассказывать* или *говорить*. Так, в этимологическом словаре М. Фасмера есть следующая информация об этом слове: «баю баять, баить “говорить”, укр. баяти “рассказывать”, русск.-цслав. баю, баяти “рассказывать, заговаривать, лечить”, болг. бая “колдую”, сербохорв. баяти “колдовать”, словен. bajati “болтать, говорить, заклинать”, чеш. bájiti “говорить, болтать”, польск. bajać “болтать”, в.-луж. bać - то же, н.-луж. bajaś» [Фасмер]. Из приведенного фрагмента видно, что наряду со значением «рассказывать» в русском, церковнославянском, сербском и словенском языках также фигурировали значения, указывающие на употребление этого слова для описания магических практик. Этим объясняется тот факт, что именно данный глагол используется, когда речь идет о передаче определенного

типа информации (мифы, былины, байки и т.д.) либо информации, вызывающей сомнения в ее достоверности.

Данное дистанцирование свидетельствует о том, что мифологическая картина мира оценивается здесь через призму критического восприятия. Завершается стихотворение сообщением о прекращении существования мифологического видения мира: «Все прошло, все взяли годы – // Поддался и ты судьбе, // О Дунай, и **пароходы** // Нынче **рыщут** по тебе». В приведенном контексте волшебный мир, описанный в предшествующей части стихотворения, противопоставляется современности с ее научно-техническим прогрессом, символом которого в стихотворении выступает лексема *пароход*. В автографе отдельность заключения от остального контекста была явлена графически: «Последняя строфа (“Все прошло, все взяли годы ...”) отделена чертой от предыдущих, получилось в автографе выделение заключения» [Тютчев 2002: 442].

В стихотворении «Не то, что мните вы, природа» пантеистическая картина мира – способ восприятия действительности. Обозначенная картина мира раскрывается через 1) иллюстрацию веры в одухотворенность природы в категорических утверждениях «Не то, что мните вы, природа: // Не слепок, не бездушный лик – // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык...», представленных в первой строфе; 2) негативную оценку восприятия мира, лишаящую природу души и свободы (выражается в иронических замечаниях: «Вы зрите лист и цвет на древе: Иль их садовник приклеил?» и в иллюстрации слепоты и глухоты тех, кто не видит одухотворенности природы: «Они не видят и не слышат, // **Живут в сем мире, как впотьмах**», «Не их вина: пойми, коль может, // **Органа жизнь глухонемой!**»).

Христианская картина мира в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева неоднородна и включает православное, католическое и лютеранское преломление общехристианской картины мира. Однако в качестве призмы, через которую субъект воспринимает мир, обычно выступает православие, а католичество и лютеранство становятся объектом оценки лирического субъекта.

Например, один из аспектов, по которому противопоставляются православие и католичество – отношение к причастию. С XVI века и до II Ватиканского собора в католической церкви документально была закреплена традиция причащения мирян под видом одного хлеба [Шарапов 2011].

Ф.И. Тютчев в стихотворении «Чехам от Московских славян» для репрезентации обряда причащения вином и хлебом использует обозначение одного из артефактов – смысловой константы, которая вербализуется в лексеме *чаша*: «Примите **Чашу!** Всем звездой // В ночи судеб она светила // И вашу немощь возносила // Над человеческой средой. // О, вспомните, каким она // Была вам знаменьем любимым». В приведенном контексте лексема *чаша* выступает как символ: символизирующее (*чаша*), символизируемое – концептуально значимый сгусток смысла, заключенный в концепте, – ‘жертва’ / ‘искупление’ / ‘единение’, восходящие к архетипу Христа – ‘чаша вечной жизни’. В данной ситуации разворачивается триипостасная модель смысла: Идея (ментально восходящая к протообразу) → языковой вербализатор этой идеи → речевые смыслы, обогащающие имплицитную сферу дискурса. Этому способствует актуализация представлений о прецедентной ситуации в сознании реципиента при условии, что он обладает знаниями, необходимыми для декодирования данного сообщения. Горизонтальный и вертикальный контексты вступают в смысловое взаимодействие: в анализируемом фрагменте *чаша* определяется как путеводная звезда и знаменье для чехов. Прилагательное *любимый*, характеризующее роль причащения в двух смысловых векторах, свидетельствуют о положительной оценке данного события. Описанию значения «Чаша» для чешского народа посвящены первые шесть строф произведения.

В седьмой и восьмой строфах сообщается об отказе чехов от символа «Чаша»: «И этой-то великой мзды, // Отцов великих достоянья, // За все их тяжкие труды, // За все их жертвы и страданья, // Себя лишать даете вы // **Иноплеменной дерзкой ложью,** // Даете ей **срамить**, увы, // И честь отцов и правду Божью. // И долго ль, долго ль этот **плен,** // Из всех **тягчайший, плен** духовный, // Еще **сносить ты осужден,** // О чешский люд **единокровный?»**. Так

как запрет на причащение мирян вином и хлебом связан с католичеством, очевидно, что под *иноплеменной дерзкой ложью*, лишившей чехов *чаши* имеется в виду католичество. В приведенном контексте явно репрезентирована смысловая оппозиция *свой – чужой*. Идеи Рима характеризуются прилагательным *иноплеменный*, указывающим на их чужеродность, чешский люд же назван *единокровным*, что подчеркивает родство славянских народов. Это противопоставление, а также пейоративы *дерзкий, ложь, срамить, тягчайший, плен* свидетельствуют о негативной оценке католичества в данном контексте.

Православие как неискаженное христианское вероучение и его значение для славянских стран коррелирует с идеями славянофилов, которые тоже оценивали православие как неповрежденное христианство [Хомяков 1878: 373]. Рим в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева приобретает амбивалентную оценку: как столица католического мира он оценивается негативно: «Свершится казнь в **отступническом Риме**», «И, цепь порвав с **юродствующим Римом**», «**И римской лжи** суровый обличитель», но одновременно с этим в произведениях поэта отражаются преклонение перед былой славой древнего города: «И спящий град, **безлюдно-величавый**, // Наполнила своей безмолвной **славой**...» и положительное описание природы Италии: «Благоуханна и светла, // Уж с февраля весна в сады вошла». Таким образом, один и тот же объект изображения в поэтическом дискурсе характеризуется с двух смысловых ракурсов с опорой на онтологию слова в его бинарной многосмысленности (онтологической и гносеологической), что делает изображение более объемным.

Иногда Ф.И. Тютчев формирует две мировоззренческие парадигмы в рамках одной картины мира. Например, в стихотворении «Два голоса» репрезентирована античная мифологическая картина мира, предполагающая веру в олимпийских богов, отличающихся от людей бессмертием и свободой от труда и тревоги. На базе данного восприятия мира поэт выстраивает две мировоззренческие парадигмы. В рамках первой делается вывод о бесполезности человеческой жизни: «Хоть бой и неравен, борьба **безнадежна!**», «Тревога и труд лишь для смертных сердец... // Для них **нет победы**, для них **есть конец**». Во второй

иллюстрируется развитие событий, при котором борьба людей с роком не только приобретает смысл, но и становится предметом зависти для олимпийских богов: «Пускай олимпийцы завистливым оком // Глядят на борьбу непреклонных сердец. // Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком, // Тот вырвал из рук их победный венец».

Одна из значимых для поэзии Ф.И. Тютчева смысловых констант составляет зерно концепта 'вера', что подтверждает частота употребления лексемы-вербализатора этого концепта. Лексический коррелят *вера* представлен у Ф.И. Тютчева в 26 употреблениях, в некоторых из них сообщается об утере веры.

В стихотворении «А.Н. Муравьеву» представлена бинарная оппозиция *утраченная мифологическая картина мира – научная картина мира*, при этом первый элемент оппозиции связан с положительной оценкой (репрезентируется через ассоциаты *чудесный, жизнь, волшебный, добрый*, притягивающиеся к номинанту *вера*), а второй – с отрицательной (через ассоциаты *опустошить, тесный, пленники, иссушить, раб, суета, скованный, скука*, притягивающиеся к номинантам *рассудок, закон, ученый, наука*).

Смысловая константа 'утрача веры', реализованная через смысловую оппозицию *мысль ↔ вера*, выражается и в переводе Ф.И. Тютчева стихотворения Гете "Neger" («Запад, Норд и Юг в крушенье»): «Мысль – тесна, пространна вера». Здесь «сталкиваются» параллельные в смысловом отношении оппозиции *мысль (рациональное) ↔ вера (иррациональное)* и *теснота ↔ пространность*. Прецедентное имя *Гафиц* (Хавиз – персидский поэт XIV в) и упоминание верблюдов способствуют репрезентации исламской культуры: «Песни **Гафица** святы // Усладят стези крутые: // Их вожатый голосистый, // Распевая в тверди чистой, // В позднем небе звезды будит // И шаги **верблюдов** нудит». Завершается перевод фрагментом: «И сие высокомерье // Не вменяйте в суеверье; // Знайте: все слова поэта // Легким роем, жадным света, // У дверей стучатся рая, // Дар бессмертья вымоляя!..», в котором можно выделить нарратив: «Человек стоит перед вратами в рай, но не может войти», реализующийся и в стихотворении «Наш век», но уже в рамках христианской картины мира.

Свернутый смысл в концепте ‘любовь’, характеризующийся родовым признаком – ‘чувство’, дополняется видовыми, выстроенными в дискурсе поэта по шкале усиления степени проявления страсти, – ‘болезненность’ → ‘страдание’ → ‘самоубийство’ (в стихотворении «Близнецы»). В стихотворении «Предопределение» авторскую смысловую стратегию определяет семантический вектор названия, через которое актуализируется мифологическая картина мира, предполагающая веру в неподвластную человеку судьбу, в значении лексемы *предопределение* выделяются семантические компоненты – ‘рок’, ‘судьба’ [Словарь русского языка XVIII века]. Градация имплицитных приращений строится на синонимии предметных состояний, потом на антонимии: *душа* → *союз / соединенье / сочетанье* → *слиянье* ↔ *поединок*; предметность сменяется признаками: *роковой* (в повторе) – *нежнее* ↔ *неизбежней / вернее* (степени сравнения прилагательного) → (предметность) *борьбе неравной* → *любя* → *страдая* → *млея* (образ действия) → (результат) *изноет* (сердце). Смысловое поле концепта ‘любовь’ в его бинарной противопоставленности (‘любовь’ как высокое души стремление ↔ ‘любовь’ как страдание). Это и есть сценарий несчастной любви, оцениваемый как единственно возможный и прописанный заранее, который можно определить в оппозиции концепт ↔ антиконцепт.

Сценарий несчастной любви репрезентируется и в стихотворении «Когда нет Божьего согласия», однако в данном контексте он обогащается новыми смысловыми расширениями. Так, в качестве причины несчастной любви в данном контексте обозначена Божья воля: «Когда на то **нет Божьего согласия**, // Как ни страдай она, любя, — // Душа, увы, не выстрадает счастья, // Но может выстрадать себя...», союз *когда* подчеркивает ситуативный характер такого развития событий, а фраза *Но может выстрадать себя* указывает на возможность спасения страдающей души.

Таким образом, целостное описание поэзии Ф.И. Тютчева позволяет прийти к выводу, что синтез разных картин мира и мировоззренческих парадигм в произведениях поэта – следствие когнитивно-семантической объемности его поэтического дискурса. Осознавая ограниченность человеческого познания,

Ф.И. Тютчева стремится преодолеть ее, описывая одну и ту же смысловую константу с разных ракурсов и выстраивая на интуитивном уровне сложную полипарадигмальную онтологию, предполагающую учет психогносеологического компонента (преломления онтологической сущности в познающем сознании) и схожую по своему устройству с конструктом, который в XX веке Г.П. Щедровицкий обозначит термином «Методологическая онтология».

2.2.4. Холистический стиль мышления Ф.И. Тютчева и его роль в интерпретационной стратегии автора

Предпосылкой к возникновению полипарадигмальности в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева выступает холистический стиль мышления, признаки которого можно найти во многих произведениях поэта. Представления об отражении в творчестве Ф.И. Тютчева данной стратегии позволяют объяснить и другие черты его поэзии, например, опору на противоречащие друг другу утверждения.

В рамках исследования, результаты которого представлены в данной диссертации, в стихотворениях Ф.И. Тютчева были выявлены признаки холистического стиля мышления по четырём параметрам модели Р.Е. Нисбетта.

1) **Фокус внимания.** В поэзии Ф.И. Тютчева можно найти целый ряд стихотворений, в которых проявляется слияние фона и объекта. Например, в четвертом стихотворении в переводах Ф.И. Тютчева «Из “Фауста” Гёте» происходит трансформация картины мира, отраженной в оригинальном тексте. И.В. Гете изображает мир, освещенный вечерним лучом, мир выступает как объект, а луч как его окружение – объект и фон явно отделены друг от друга: “Ich sah im ewigen Abendstrahl // Die stille Welt zu meinen Füßen” (Я вижу **в вечном вечернем луче** // **Безмолвный мир** у моих ног) [Goethe 1877: 27]. В переводе Ф.И. Тютчева они сливаются в одно целое, и сам объект уже наделяется характеристиками фона: «У ног моих лежит прекрасный **мир** // И, **вечно вечеряющий**, смеется... // **Все выси в зареве**, во всех долинах мир, // **Сребристый ключ в золотые реки** льется. // Над цепью диких гор, лесистых стран

// Полет богоподобный веет, // И уж вдали открылся и светлеет // С заливами своими океан».

Похожая ситуация обнаруживается и в переводе стихотворения Г. Гейне “Wie der Mond sich leuchtend drängt”. В данном произведении есть следующие строки: “Und die sommergrünen Ufer // Glühn im **Abendsonnenschein**. // Sinnend saß ich zu den Füßen // Einer Dame, schön und hold; // In ihr liebes, bleiches Antlitz // Spielt’ **das rothe Sonnengold**” (И летние зеленые берега сияли **в лучах вечернего солнца**. // Задумавшись, я сидел у ног // Леди, красивой и сдержанной; // На ее милом бледном лице // Играло **красное солнечное золото**) [Heine 1827: 217], которые в переводе Ф.И. Тютчева выглядят следующим образом: «Как порою светлый месяц // Выплывает из-за туч, – // Так, **один**, в ночи былого **Светит мне отрадный луч**. <...> Зеленеющие бреги // Перед нами раздались. // И у ног прелестной дамы // Я в раздумии сидел, // И на милом, бледном лике // **Тихий вечер пламенел**».

В оригинале видно отделение вечера от его характеристики – заходящего солнца, освещающего окружающий мир красным цветом (целого от части). Здесь стоит отметить, что образ, выраженный в дословном русском переводе через словосочетание *лучи вечернего солнца*, в немецком оригинале все же выглядит более целостно, так как выражен одним словом “Abendsonnenschein”. Однако в представленной лексеме прослеживаются границы между элементами данного образа, так как анализируемое слово является композитом и образовано соединением трех слов: “abend” (вечер); “sonne” (солнце) и “schein” (сияние). В переводе Ф.И. Тютчева появляется метонимический перенос, у него пламенеет уже сам вечер, а не вечернее солнце: происходит слияние целого и части.

В оригинальных произведениях поэта тоже встречаются подобные взаимопроникновения. Для поэзии в целом характерно сравнение эмоциональной жизни с природными явлениями, однако у Ф.И. Тютчева в отдельных стихотворениях происходит слияние исходного домена метафоры с целевым: «Блестят и тают глыбы снега, // Блестит лазурь, играет кровь... // Или весенняя то

нега?.. // Или то женская любовь?..», «Сквозь ресницы шелковые // Проступили две слезы ... // Иль то капли дождевые // Зачинающей грозы?..»

Встречается в произведениях Ф.И. Тютчева и синкретизм, свойственный мифологическому сознанию. По мнению К.Г. Юнга, миф – это психический феномен, для которого были характерны отсутствие четких границ между внутренним и внешним миром и проекция душевных переживаний на окружающую действительность [Юнг 1991: 66]. Проявление мифологизированного восприятия действительности особенно ярко выражено в таких стихотворениях Ф.И. Тютчева, как «О чем ты воешь, ветр ночной?», «Святая ночь», «День и ночь» и т.п.

2) **Каузальная атрибуция.** В ряде стихотворений Ф.И. Тютчева транслируется мысль о том, что один и тот же объект может быть оценен по-разному, в зависимости от внешнего контекста. В качестве примера можно привести следующее стихотворение: «Душа хотела б быть звездой, // Но не тогда, как с неба полночи // Сии светила, как живые очи, // Глядят на сонный мир земной, – // Но днем, когда, сокрытые как дымом // Палящих солнечных лучей, // Они, как божества, горят светлей // В эфире чистом и незримом». В данном произведении видно, что лирический субъект привлекают не атрибутивные свойства звезды, присущие ей на постоянной основе, а ситуативные характеристики, которые проявляются днем и отсутствуют ночью. Подобная идея проявляется и в других стихотворениях, но там место звезды занимает месяц: «Чуть брезжит в небе месяц светозарный... // Наступит ночь – и в чистое стекло // Вольет елей душистый и янтарный!», «На месяц взглянь: весь день, как облак тощий, // Он в небесах едва не изнемог, – // Настала Ночь – и, светозарный Бог, // Сияет он над усыпленной рощей!», «Там, где нет теперь уж нас, // Тот же месяц, но живой».

3) **Терпимость к противоречиям.** Для поэзии Ф.И. Тютчева свойственна диалогичность, в некоторых своих стихотворениях он вступает в полемику с мыслителями, политиками, другими поэтами и т.д. Но очень интересно пронаблюдать, как он это делает. Например, в стихотворении

«Цицерон» есть следующие строки: «Оратор римский говорил // Среди бурь гражданских и тревоги: // “Я поздно встал – и на дороге // Застигнут ночью Рима был!” // **Так!.. Но**, прощаясь с римской славой, // С Капитолийской высоты // Во всем величье видел ты // Закат звезды ее кровавый!..». Приведенный фрагмент состоит из двух частей: информации о словах Цицерона и мыслей самого Ф.И. Тютчева. Поэт выражает свое несогласие с мнением римского деятеля, что подчеркивает противительный союз «но», однако перед ним идет частица «так», указывающая на то, что фраза Цицерона все же воспринимается поэтом, как справедливая.

В отдельных произведениях Ф.И. Тютчева появляется соединение признаков противоположных сущностей в рамках одной ситуации, как в следующих примерах: «**Вечер** мгlistый и ненастный... // Чу, не **жаворонка** ль глас?.. // Ты ли, **утра** гость прекрасный, // В этот **поздний**, мертвый **час?**»; «Впросонках слышу я — и не могу // Вообразить такое сочетанье, // А слышу **свист полозьев на снегу** // И **ласточки весенней щебетанье**».

Одной из отличительных черт поэзии Ф.И. Тютчева является обилие сложных прилагательных, при этом иногда в одной лексеме объединяются изначально противоположные семантические компоненты: *блаженно-роковой*, *мучительно-отраднй*, *мирно-боевой*, *гордо-боязливый*, *лукаво-смирный* и т.д.

Разберем подробнее употребление последнего прилагательного, оно встречается в тютчевском переводе стихотворения Г. Гейне “Liebste, sollst mir heute sagen”. В данном стихотворении есть следующая строка: “Und die falschen frommen Blicke” (И этот фальшивый, благочестивый взгляд) [Heine 1827: 124], которая в переводе Ф.И. Тютчева выглядит следующим образом: «Этот взор лукаво-смирный». Интересно сравнить эту строку Ф.И. Тютчева с другими переводами. Так, у И. Теремова пропадает противоречивость описания взора героини, присутствующая в оригинале, в его переводе читаем: «Взгляда тайное лукавство» [Теремов 2012]. П.В. Быков сохраняет данное противоречие и, как в оригинале, передает его через два отдельных прилагательных, соединяя их двойным союзом «и», который указывает на одновременность проявления двух

признаков: «Взор и скромный, и коварный» [Книга песен...1897: 78]. Ф.И. Тютчев идет дальше, используя для выражения противоречивых характеристик сложное прилагательное, поэтому в его интерпретации можно увидеть уже не два противоположных одновременно проявляющихся признака, а один парадоксальный.

4) **Восприятие изменения.** Интерес к динамичности и изменчивости жизни выражен в эксплицитной форме в переводе Ф.И. Тютчева «Из “Фауста” Гёте»: «Смерть и Рождение, Воля и Рок, // Волны в боренье, // Стихии во пренье, // Жизнь в измененье – // Вечный, единый поток!..» Этим интересом можно объяснить и частое появление образа воды в поэзии Ф.И. Тютчева, которая выступает в качестве метафоры и для человеческого «Я», и для человеческой мысли, ведь вода очень непостоянная субстанция, способная менять свою форму и находящаяся в постоянном движении.

Появляется в произведениях поэта и указание на невозможность увидеть будущее: «Нам не дано предугадать, // Как слово наше отзовется», «Не знаю я и не ищу предвидеть, // Что мне готовит Муза!», «Увы, что нашего незнанья // И беспомощней и грустней? // Кто смеет молвить: до свиданья // Чрез бездну двух или трех дней?» и т.д.

Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что в поэзии Ф.И. Тютчева отражен холистический стиль мышления, для которого свойственно 1) слияние фона и объекта; 2) учет ситуативных характеристик объекта; 3) примирение противоречий; 4) изучение объекта в динамике через собственный опыт, а не через абстрактный анализ; и 5) осознание невозможности построения абсолютного (идеального) прогноза. Все это ведет к появлению тех специфических черт в творчестве Ф.И. Тютчева, о которых писали многие исследователи: синтез элементов из нескольких национальных картин мира и компонентов из разных литературных стилей и направлений, объемное и реалистичное описание действительности, появление противоречащих друг другу утверждений.

2.3. Слово как орудие познания бытия в поэзии Ф.И. Тютчева

2.3.1. Влияние структуры концепта 'память' на валентность его вербализаторов в динамическом дискурсе Ф.И. Тютчева

Холистический стиль мышления, отраженный в поэзии Ф.И. Тютчева, становится предпосылкой к построению поэтом в его творчестве полипарадигмальной онтологической системы, которая включает в себя несколько мировоззренческих парадигм и позволяет представить мир объемно с учетом разных точек зрения. Онтологическая наполненность слов обусловлена связью лексемы с репрезентируемым через нее концептом. Так, реконструкция и описание структуры концепта 'память' в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева позволяют объяснить расширение валентности лексемы *тень* и появление в дискурсе поэта окказионального сочетания *озарилась тень*.

Для анализа обозначенного концепта из всех стихотворений Ф.И. Тютчева на русском языке, включая переводы, (всего 363 единицы) методом сплошной выборки были выделены контексты, содержащие репрезентацию концепта 'память'. Ядро системы вербализаторов концепта представлено номинирующей его лексемой и ее дериватами: *память* (17 словоупотреблений), *вспомнить* (9), *помнить* (8), *воспоминанье* (5), *вспомнать* (3), *вспоминанье* (3), *поминки* (2), *помянуть* (1), *припомнить* (1), *помянуть* (1), *напомнить* (1), *воспомнать* (1), *памятник* (1). Приведенный список дополняется латинской лексемой "memento". Ее включение в список репрезентантов анализируемого концепта обусловлено тем, что она выступает в качестве названия для стихотворения на русском языке, в результате чего иноязычный компонент вступает во взаимодействие с единицами русского языка и в рамках данного произведения становится компонентом чужой для себя семиотической системы.

Концепт 'память' находится в диалектическом единстве с антиконцептом 'забвение', связь обозначенных концептов подтверждается тем фактом, что лексемы, номинирующие концепт 'забвение' и употребленные с приставкой / частицей *не* (*не забыть* (1), *не позабытый* (1), *незабвенный* (1)) становятся вербализаторами концепта 'память'.

В качестве средства репрезентации концепта ‘память’ в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева выступают не только отдельные лексемы, но и контексты, содержащие актуализаторы данного концепта (таблица 10).

Таблица 10. Актуализаторы концепта ‘память’ в контекстах

Актуализатор	Иллюстрация
лексемы тематической группы слов «прошлое»	К протекшему душою улетал // И Радость пел – пока о вас мечтал»; « Минувшее повеяло мне в душу»; «Приязни давней выраженья // Их для меня он уловил – // И в музыкальные виденья // Знакомый голос воплотил...»
лексемы, передающие процесс узнавания	«Как этого посмертного альбома // Мне дороги заветные листы, // Как все на них так родственно-знакомо , // Как полно все душевной теплоты!»; «И в чуждом, неразгаданном ночном // Он узнает наследье родовое »
сообщение о завершении какого-то события с указанием на сохранение его последствий в настоящем	«Давно ль умолк Перун его побед, // И гул от них стоит доселе в мире... // И ум людей великой тенью полон»; «Сея земля, клейменная Судьбою, // Под чуткою стопою // Дрожит еще невольно и поныне... »
Фразеологизмы	«Небывалое доселе // Понял вещей наш народ, // И Дагмарина неделя // Перейдет из рода в род »

К образным средствам репрезентации концепта ‘память’ в произведениях поэта относятся лексемы *тень* и *призрак*. Например, в следующем контексте: «Душа моя, Элизиум **теней**, // Что общего меж жизнью и тобою! // Меж вами, **призраки** минувших лучших дней, // И сей бесчувственной толпою?..» слова *тени* и *призраки* употребляются как контекстуальные синонимы, при этом синтагматические связи, в которые вступает каждая из лексем, позволяет выявить характеристики той ментальной единицы, которую они репрезентируют. Рядом со словом *призраки* использовано несогласованное определение *минувших, лучших дней*, прилагательное *минувших* свидетельствует о том, что речь идет о неких отголосках прошлого. Метафора *Элизиум теней* выступает в качестве характеристики души. Элизиум – это место обитания душ после смерти в древнегреческой мифологии, соответственно душа здесь определена как место пребывания теней, а так как тени и призраки в данном фрагменте являются синонимами, а призраки здесь – это информация о прошлом, получается, что в

приведенном контексте речь идет о хранящейся в человеческой душе информации о прошедших событиях – о воспоминаниях.

Расширение смыслового потенциала лексемы *день* в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева (данная лексема используется поэтом для обозначения человеческой жизни в некоторых контекстах: «Если смерть есть ночь, если **жизнь есть день**»; «Сей день, я помню, для меня // Был **утром жизненного дня**») ведет к обогащению новыми смыслами лексемы *заря*, которая, обозначая окончание «жизненного дня», выступает в качестве репрезентанта концепта ‘память’: «Прекрасный **день его** на Западе **исчез**, // Полнеба обхватив **бессмертную зарю**»). Актуализации данного концепта способствует прилагательное *бессмертный*, характеризующее существительное *заря* и указывающее на продолжение жизни В.А. Жуковского в памяти потомков даже после его физической смерти.

Из приведенного анализа видно, что в качестве репрезентантов концепта ‘память’ в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева используются лексемы *тень* и *заря*, которые в языковой системе являются антонимичными, однако в дискурсе их смысловой потенциал увеличивается, что ведет к расширению их валентности и делает возможным употребление лексемы *тень* рядом с глаголом *озариться*: «И вспомнил он годину обновленья, // Великий день, новозаветный день – // И на лице его от умиленья // Предсмертная вдруг **озарилась тень**».

К образным репрезентантам концепта ‘память’ относятся также лексемы *видение*, *сон*: «Минувшее повеяло мне в душу – Былые **сны**, потухшие **виденья**, Мучительно-отрадные встают!» и глагол *сгрустнуться* «И не Руси одной **по нем сгрустнется** – // Он дорог был и там, в земле чужой, – // И там, где кровь так безотрадно льется, // **Почтут его** признательной слезой». Есть в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева символические репрезентации концептов (через сверхзначимую форму). Так, в следующем контексте: «Отсель – отверзшимся таинственным вратам – // Благоволением судьбины // Текут к нам дочери **Мнемозины**, // Честь, радость и краса народам и векам!..» концепт память репрезентируется через прецедентное имя *Мнемозина*.

Связь концепта ‘память’ с антиконцептом ‘забвение’ обуславливает необходимость рассмотрения системы вербализаторов концепта ‘забвение’ в данном исследовании для полноты анализа. Основным средством репрезентации данного концепта тоже становятся лексема-номинант и ее дериваты: *забыть* (16), *забвенье* (5), *забытье* (4), *забывать* (2), *самозабвенье* (2), *забвенный* (1); лексемы, называющие антиконцепт, употребленные с частицей *не* или приставкой *без*: *не вспоминать* (1), *не помнящий* (1), *беспамятство* (1).

Основной метафорический репрезентант концепта ‘забвенье’ – водные образы: «Как тот, кто жгучею тоскою // Томился по краю родном // И вдруг узнал бы, что волною // **Он схоронен на дне морском;** А теперь?.. // **В волнах забвенья** // Сколько брошенных колец!..», данную связь можно объяснить тем фактом, что в качестве одного из вербализаторов концепта ‘забвение’ в поэзии Ф.И. Тютчева используется прецедентное имя *Лета*.

Реконструировать зерно первосмысла в концепте ‘память’ позволяет выявление **мотивирующего признака** лексемы *память*, в качестве которого выступают ‘мысль’, ‘мнение’: и.-е. **mētis* → «мнить» (*думать*) [Фасмер 2000-2026]. В дискурсе Ф.И. Тютчева прослеживается развитие данной смысловой константы, связанное с разделением человеческой психики на интеллектуальную и эмоциональную сферы: «Давно ль умолк Перун его побед, // И гул от них стоит доселе в мире... // И ум людей великой тенью полон», «Тебя ж, как первую любовь, // России **сердце** не забудет!..»).

К **понятийным признакам** концепта ‘память’ в поэзии Ф.И. Тютчева относятся: 1) память как информация, хранимая в сознании; 2) способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления; 3) память как вместилище информации; 4) способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание.

Чаще всего в поэзии Ф.И. Тютчева актуализируется первый признак, для вербализации памяти как запаса воспоминаний поэт использует большое количество единиц: «Он страшен им, как **память** детских лет», «Следить, как

вымирают в ней // Все лучшие **воспоминанья...**», «**Былые сны, потухшие виденья**, // Мучительно-отрадны встают!»

Второй понятийный признак актуализируется в произведениях Ф.И. Тютчева через глаголы *помнить, вспомнить, напомнить*: «Я вспомнил о былом печальной сей земли»; «Руки знакомой начертанье!.. // Чрез много, много лет оно // Напомнит им о прежнем друге» и через описательные конструкции, в которых сообщается о движении воспоминаний: «Минувшим нас обвеет и обнимет», «Минувшее не веет легкой тенью. // А под землей, как труп, лежит оно».

Актуализация третьего признака была обнаружена лишь в одном контексте: «Блаженство стольких, стольких дней // Себе **на память** приведи...» Репрезентация последнего понятийного признака присутствует в поэзии Ф.И. Тютчева опосредованно – лексема *самозабвенье*, а также описание слияние человеческого «я» с бездной способствуют иллюстрации потери осознания мира и себя: «Чувства мглой **самозабвенья** // Переполни через край!.. // Дай вкусить уничтоженья, // С миром дремлющим смешай»; «Все вместе — малые, большие, // Утратив прежний образ свой, // Все – безразличны, как стихия, – // **Сольются с бездной роковой!..** // О, нашей мысли обольщенье, // Ты, **человеческое Я**, // **Не таково ль твое значенье, // Не такова ль судьба твоя?**»

Контекстуальный анализ употребления лексем-вербализаторов концепта ‘память’ в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева позволил реконструировать **образную часть структуры** анализируемого концепта. Употребление рядом с существительным *воспоминание* глагола *вымирать* свидетельствует о том, что память в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева наделяется признаками живой природы: «Но для души еще страшней // Следить, как **вымирают** в ней // Все лучшие **воспоминанья**». Данный образный признак концепта ведет к появлению у него **символического признака** ‘воскресение’: «Я встретил вас – и все былое // В отжившем сердце **ожило**», который репрезентирует представление о возможности жизни после смерти, характерное как для языческой, так и для христианской картин мира.

С репрезентацией **символических признаков** связаны такие репрезентанты концептов ‘память’ и ‘забвение’, как прецедентные имена *Мнемозина* и *Лета*, данные маркеры интертекста способствуют не просто называнию какого-то объекта действительности, а ведут к актуализации в сознании определенного претекста, в данном случае древнегреческих мифов. В результате чего концепт ‘память’ обогащается дополнительными характеристиками. Согласно древнегреческой мифологии, Мнемозина – мать девяти муз, поэтому память начинает восприниматься как источник творческого вдохновения. А упоминание Леты в древнегреческих мифах в качестве одной из рек в царстве Аида подчеркивает связь между забвением и смертью.

Концепт ‘память’ в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева наделяется также признаками ‘сон’, ‘видение’, это проявляется в использовании существительных *сон* и *видение* как лексем-вербализаторов данного концепта и в употреблении прилагательного *заснувший* и глагола *будить* для описания процессов забывания и вспоминания: «О, **бурь заснувших не буди** – Под ними хаос шевелится!..»

К признакам концепта ‘память’ в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева также относятся ‘световые образы’. Обозначенный признак представлен в использовании существительного *заря* как репрезентанта концепта память, глагола *озариться* для обозначения актуализации вспоминания и прилагательного *потухший* при описании потери воспоминаний: «Былые сны, **потухшие** виденья, // Мучительно-отрадны встают». Употребление глаголов *лететь* и *веять* для описания жизни воспоминаний в сознании человека свидетельствует о том, что воспоминания в индивидуально-авторской картине мира поэта представлены как воздушные субстанции или летающие сущности: «**Минувшее повеяло** мне в душу»; «**Минувшее не веет** легкой тенью»; «И ко мне **летят** // С утеса гор, с увлажненного бора, // Сребристые **веков минувших тени**»; «Какой он жизнью на тебя **дохнул?** // Иль старину тебе он вспомянул».

К **категориальным пространственным признакам** концепта ‘память’ относится обозначение места хранения воспоминаний. В поэзии Ф.И. Тютчева

выделяются три группы локусов: 1) природные явления, 2) артефакты человеческой культуры и 3) локусы, относящиеся к самому человеку.

Однако вопрос о способности природы хранить воспоминания остается в поэзии Ф.И. Тютчева открытым. Так, в ряде стихотворений природные явления выступают в качестве мест памяти, в качестве актуализаторов в человеческом сознании воспоминаний о событиях, свидетелями которых эти природные явления стали: «Ты помнишь ли былое, Неман? // Тот день години роковой, // Когда стоял он над тобой, // Он сам, могучий, южный демон – // И ты, как ныне, протекал, // Шумя под вражьими мостами, // И он струю твою ласкал // Своими чудными очами?..»; «Равнину ту обходит он с тоскою, // Где жребий мира выпал славным боем, // Где был судим сей Страшный Суд железный!.. // Сия земля, клейменная Судьбою, // Под чуткою стопою // Дрожит еще невольню и поныне»; «Через ливонские я проезжал поля <...> // Я вспомнил о былом печальной сей земли – // Кровавую и мрачную ту пору, // Когда сыны ее, простерты в пыли, // Лобзали рыцарскую шпору...» Одновременно с этим природа изображается равнодушной к значимым для человека воспоминаниям: «Да два-три дуба выросли на них, // Раскинувшись и широко и смело. // Красуются, шумят, – и нет им дела, // Чей прах, чью память роют корни их. // Природа знать не знает о былом, // Ей чужды наши призрачные годы, // И перед ней мы смутно сознаем // Себя самих – лишь грезю природы».

Во второй группе основными хранителями памяти выступают архитектурные памятники. Данный локус дополняется двумя контекстами, где в качестве инструмента хранения памяти становится письменное слово: 1) стихотворение «В альбом друзьям» (стремление поэта остаться в памяти других через свое слово), 2) «Как этого посмертного альбома...» (актуализация воспоминаний в сознании самого поэта).

Группа мест хранения памяти, связанных непосредственно с самим человеком, представлена тремя локусами: *ум, сердце и душа* (таблица 11).

Таблица 11. Ум, сердце и душа как места хранения памяти в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева

Локус	Количество контекстов	Иллюстрация
ум	2	«Потупив молнии очей, // Крестом сложивши руки, // Стоял он – и минувшее // Овладевало им! .. // Он зрел в уме подвижные // Шатры, равнины боев», «Давно ль умолк Перун его побед, // И гул от них стоит доселе в мире... // И ум людей великой тенью полон »
сердце	7	«Я встретил вас – и всё былое // В отжившем сердце ожило ; // Я вспомнил время золотое – // И сердцу стало так тепло...»; «Здесь сердце так бы всё забыло »; «Тебя ж, как первую любовь, // России сердце не забудет! ...»
душа	21	« К протекшему душою улетал»; « Воспоминая их мне душу ододело! »; « Минувшее повеяло мне в душу »; «О Господи, дай жгучего страданья // И мертвенность души моей рассей – // Ты взял ее, но муку вспоминая , // Живую муку мне оставь по ней »

Такое распределение локусов соответствовало русской языковой картине мира XIX века, что подтверждается данными из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля: «ПАМЯТЬ ж. (*мнить, мнети*) способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом» [Толковый словарь живого великорусского языка] и отражается в творчестве русских поэтов XIX – нач. XX вв. А.С. Пушкина, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, В.П. Зубова, М.И. Цветаевой [Кубрякова 2008; Радомская 2019; Фаритов 2016].

Оценочные признаки концепта ‘память’ в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева представлены амбивалентной оценкой, обусловленной холистическим стилем мышления. Положительная оценка связана с тем, что 1) память для поэта – форма внутренней жизни, следовательно, потеря воспоминаний приравнивается к смерти: «Такой же мир **бездушный** и **бесстрастный**, // Не знающий, **не помнящий** о ней»; «В ее душевной глубине // Ей оставались **вспоминая** ... // Но **изменили и оне**. // **И на земле ей дико стало**»), 2) память – способ сохранения жизни после физической смерти: «**Святую память** мы почтим»; «**Вечной памяти** достоин; Великий Карл, прости! – // Великий, **незабвенный**, // Не сим бы голосом тревожить эти стены – // И твой **бессмертный прах** смущать, о исполин». Отрицательная оценка определяется

болезненностью некоторых воспоминаний: «О, Господи, дай жгучего **страданья** // И мертвенность души моей рассей – // Ты взял ее, но **муку вспоминанья**, // **Живую муку** мне оставь по ней», «**Былые сны**, потухшие виденья, // **Мучительно-отрадные** встают»; «Не время выкликать теней: // И так уж этот мрачен час. // **Усопших образ тем страшней**, // **Чем в жизни был милей для нас**».

Опираясь на все выше сказанное, можно представить фрагмент структуры концепта ‘память’ в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева в виде следующей таблицы (таблица 12):

Таблица 12. Фрагмент структуры концепта ‘память’ в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева

Понятийные признаки	Образные признаки	Категориальные (пространственные) признаки	Оценочные признаки	Символические знаки
«воспоминание», «деятельность сознания по хранению информации», «осознание себя» (косвенно, через описание потери данного осознания)	«тень» «видение» «сон» «призрак» «зеркало» «свет» «эмоции» «воздушная субстанция» «летающая сущность» «живое существо»	душа сердце ум памятники архитектуры написанный текст	мелиоративная оценка: <i>живая,</i> <i>святая,</i> <i>бессмертная,</i> <i>вечная;</i> пейоративная оценка: <i>мука,</i> <i>тяжесть,</i> <i>боль</i>	воскресение Мнемозина Лета

Таким образом, в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева концепт ‘память’ представлен широким спектром признаков, что делает возможным использование большого комплекса единиц для репрезентации этого концепта. Это приводит к созданию окказиональных на языковом уровне выражений, однако их парадоксальность исчезает, если смотреть не на прямое значение слова, а на тот глубинный онтологический смысл, который стоит за этим словом.

2.3.2. Номинанты «мгла» и «полдень» в ассоциативно-семантической сети Ф.И. Тютчева

К окказиональным сочетаниям слов в поэзии Ф.И. Тютчева относятся и словосочетания *мглистый полдень* и *полуденная мгла*. Контекстуальный анализ употребления лексемы *полдень*, ее дериватов, а также контекстов, описывающих это время суток, в поэзии Ф.И. Тютчева показал, что *мгла* и однокоренные с ней слова выступают как ассоциаты к номинанту «полдень» минимум в четырех стихотворениях поэта («Послание Горация к Меценату...», «Снежные горы», «Полдень», «Как ни дышит полдень знойный»). Неоднократное повторение данной коллокации свидетельствует о том, что сочетание *мглистый полдень* – это не результат случайного оксюморона, а репрезентация устойчивой связи в поэтическом языке Ф.И. Тютчева, объяснить которую посредством традиционной семантики не представляется возможным. Однако ситуация проясняется при рассмотрении слова не как единицы замкнутой в себе языковой системы, а как дискурсивного феномена, отражающего фрагменты языковой картины мира поэта.

Объяснить притяжение между единицами ассоциативно-семантического поля «полдень» и ассоциативно-семантического поля «мгла» можно тремя потенциальными причинами: 1) особенностями строения ассоциативного узла «полдень»; 2) особенностями строения ассоциативного узла «мгла»; 3) сходством ассоциатов этих узлов в ассоциативно-семантической сети языковой личности Ф.И. Тютчева.

Анализ коллокаций, характерных для лексем, выступающих в качестве репрезентантов номинанта «полдень», показал, что данный центр смыслового притяжения вовлекает в свое ассоциативное пространство большой комплекс единиц, которые могут быть условно разделены на несколько тематических групп: 1) сон – *полусонье, полусонный, спать* (2 употребления), *дремать, задремать, почить, дремота*; 2) свет – *сиянье, луч* (3 употребления), *блещущий, лазурь пламенная и чистая*; 3) жара – *знойный* (2 употребления), *зной, жаркий, палить*; 4) темнота / сумрак – *темно, сумрачная тень, сумрак* (2 употребления);

5) *мгла – мгла* (3 употребления), *мглистый*; 6) **закрытое от солнца место** – *храмина, роща, пещера*; 7) *лень – лениво* (3 употребления); 8) *покой – спокойно, покойно*; 9) *благовонье – живые благовонья, нега благовонная*, 10) *мерцанье света – мерцанье полусвета, дрожащий, тихий свет*; 11) *прохлада – прохлада* (2 употребления).

Приведенный список позволяет выдвинуть одну из возможных интерпретаций словосочетания «мглистый полдень» в стихотворении «Полдень»: среди ассоциатов номинанта «полдень» есть группа единиц, связанных с репрезентацией закрытого от солнца места. И в стихотворениях «Послание Горация к Меценату...» и «Как ни дышит полдень знойный» мгла становится характеристикой закрытого пространства, противопоставленного своими сумраком и прохладой жаркому миру с «отвесными лучами». В стихотворении «Полдень» эпитет «мглистый» становится непосредственной характеристикой для самого полдня, но произведение заканчивается описанием Пана, который «в пещере нимф покойно дремлет». Соответственно можно предположить, что в данном случае Ф.И. Тютчев описывает полдень таким, каким он видится из этой пещеры, сквозь ее сумрак.

Анализ ассоциативного поля номинанта «мгла» также позволил выявить большое количество ассоциатов, которые тоже объединяются в несколько групп: 1) *сон – дремать* (2 употребления), *почить* (2 употребления), *спать* (2 употребления), *заснуть, сон, сонный, дремлющий, полусонье, полусонный*; 2) *темнота – сумрак* (3 употребления), *сумрачная тень, темный, темно, мрачный*; 3) *загробный мир (стигийский, полумогильный, мертвенный покой, тень)* – в значении «дух умершего», (2 употребления); 4) *мир грез – очарованный, очаровавший, волшебный, таинственный, мечта*; 5) *темное время суток – ночь, ночной, луна, вечер*; 5) *благовонья – благовонный* (2 употребления), *живые благовонья*; 6) *мерцание света – мерцанье полусвета, дрожащий, тихий свет, мглисто-лилейно* (о свете); 7) *туман – туман* (2 употребления); *туманный*; 8) *полдень – полдень* (2 употребления); *полуденный*; 9) *север / холод – морозный, унистый, север*; 10) *тишина – тихий* (2 употребления).

В обоих ассоциативных узлах в качестве наиболее частотных ассоциатов выступают единицы ассоциативно-семантического поля «сон». Такое пересечение также может объяснять притяжение номинантов «полдень» и «мгла» друг к другу в ассоциативно-семантической сети языковой личности Ф.И. Тютчева. В таком случае, ассоциат *мгла* притягивается к номинанту «полдень» не напрямую, а посредством другого ассоциата – *сон*.

Для поэзии Ф.И. Тютчева характерен высокий уровень целостности, обусловленный наличием тесных связей между его стихотворениями. Этот факт делает необходимым применение холистического подхода к его творчеству, согласно которому элемент системы не может быть описан изолированно от этой системы, так как для понимания свойств и функций компонентов, необходимо обладать информацией о целом, частью которого эти компоненты являются.

Так, интерпретировать словосочетание *полуденная мгла*, использованное поэтом в стихотворении «Снежные горы», руководствуясь исключительно контекстом самого стихотворения, проблематично, однако ситуация проясняется при обращении к стихотворению «Утро в горах». В обоих произведениях описан горный пейзаж. В стихотворении «Снежные горы» встречаем следующее описание: «И между тем как полусонный // Наш **дольний мир**, лишенный сил, // Проникнут негой благовонной, // Во **мгле полуденной почил**, // – Горе, как божества родные, // Над издыхающей землей // Играют выси ледяные // С лазурью неба огневой». В произведении «Утро в горах» полуденная мгла, в которой уснул дольний мир, репрезентирована через лексему *туман*: «Лишь высших гор **до половины** // **Туманы покрывают скат**, // Как бы воздушные руины // Волшебством созданных палат». Объединяет два стихотворения противопоставление горного и дольного, а также «зигзагообразное движение» взгляда лирического субъекта. В стихотворении «Снежные горы» представлена траектория движения взгляда и фиксация точек описания: горный мир (первая строфа) – пейзаж долины (вторая и третья строфы) – возвращение к вершинам гор (четвертая строфа). В произведении «Утро в горах» выделен другой порядок точек описания: вершины (первые две строки) – характеристика долины (вторая

часть первой строфы и первая строка второй строфы) – возвращение к вершинам (первая строка второй строфы) – повторный спуск (оставшаяся часть второй строфы).

Противопоставление земного, погруженного в туман или во мглу мира, ясному горному миру позволяет установить связь между этими стихотворениями с более ранним произведением Ф.И. Тютчева «Урания», в котором есть следующие строки: «Открылось! – Не мечта ль? Свет новый! Нова сила // Мой дух восторженный, как пламень, облекла! // Кто, отроку, мне дал парение орла! – // Се муз бесценный дар! – се вдохновенья крыла! // Несусь, – и **дольный мир исчез передо мной**, – // **Сей мир, туманною и тесной // Волнений и сует обвитый пеленой**, – // Исчез! – Как солнца луч золотой, // Коснулся везд эфир небесный ... // И свеял прах земной ... // Я зрю превыспренных селения чудесны...» В приведенном контексте также присутствует описание дольного мира, покрытого «туманною и тесной пеленой». В стихотворениях «Снежные горы» и «Утро в горах» можно было характеризовать мглу и туман как физические явления, в «Урании» речь идет об особом состоянии человека как земного существа, который погружен в пелену (туман, мглу) своих иллюзий, переживаний и мирских дел («волнений и сует»), который может на время вырваться из этой мглы в горный мир под воздействием творческого вдохновения. Однако после такого взлета неминуемо следует возвращение на землю «Но, ах, не нам его судили; // Мы в небе скоро устаем, – // И не дано ничтожной пыли // Дышать божественным огнем. // Едва усилием минутным // Прервем на час **волшебный сон**, // И **взором** трепетным и **смутным**, // Привстав, окинем небосклон, – // И отягченную главою, // **Одним лучом ослеплены**, // Вновь упадаем не к покою, // Но в **утомительные сны**» (стихотворение «Проблеск»). В данном контексте отсутствуют лексемы *мгла*, *туман*, *пелена*, но косвенно ассоциативный узел «мгла» представлен в словосочетании *взор смутный*, указывающем на неясность зрительных образов. Присутствует в приведенном фрагменте и причина плохой видимости – «одним лучом ослеплены»: луч выступает в данном случае не как источник света, проясняющий тьму, а как причина нашей слепоты, что объясняет

появление в ассоциативном поле «полдень» единиц двух противоположных ассоциативно-семантических полей «свет» и «тьма».

Иллюстрация человеческой слепоты, невозможность постичь будущее представлена и в «Послание Горация к Мecenату...», где данная недостижимость так же описана через изображение некоего божественного покрывала: «И счастье сограждан – благий, достойный плод // Твоих стараний неусыпных! – // Для них желал бы ты познать судьбы предел; // **Но строгий властелин земли, небес и ада** // **Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.** // Благоговейте, персти чада! – // Как! прах земной объять небесное посмеет!» Интересна связь номинанта «мгла» с ассоциатами, репрезентирующими мир грез: «Очарованную мглу... // И в мерцанье полусвета, // **Тайной** страстью занята, // Здесь влюбленного поэта // Веет легкая **мечта** ...», «Мелькает замок, и поднесь обвеян // **Волшебной** былью, **мглисто-золотою!**...», «В священной рощице Сильвана, // Где **мгла таинственна** с прохладой слиянна». Представленное изображение «волшебного сна» противопоставлен состоянию, когда человек может постичь духовную истину. «Волшебный сон» – это метафора, репрезентирующая пребывание человека в мире своих иллюзий о реальном мире (ср. с мифом о пещере, представленном в одном из диалогов Платона). «Мглистый полдень» – характеристика состояния, в котором вынужден пребывать человек. Ему не доступна истинная суть вещей, в короткие минуты просветления можно к ней приблизиться, но большую часть своей жизни человек пребывает во мгле, в волшебном утомительном сне, под покровом дня, который был накинута «На мир таинственных духов» «Высокой волею богов».

Выводы по ГЛАВЕ 2

1. Смысловые константы – это онтологически сущностные семантические компоненты, через которые определяются концепты, в дискурсе смысловые константы становятся отправной точкой для дальнейших смысловых расширений. Смысловая константа при реализации в поэтическом дискурсе

создает вокруг себя смысловое притяжение и организует «лексическое пространство» текста.

2. Бинарность определяет мировоззренческую базу Ф.И. Тютчева: это вектор смыслового развития, первопричина динамического толчка, где онтологическое и психо-гносеологическое в слове – полюса, существование которых невозможно друг без друга. Данные оппозиции выступают в качестве смысловых констант – векторов движения по смысловой карте.

3. В качестве средств вербализации категории «невыразимое» в поэзии Ф.И. Тютчева выступают единицы разных языковых уровней, анализ которых позволяет прийти к выводу, что «невыразимое» в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева обладает следующими смысловыми доминантами ‘опасность’, ‘безмерность’, ‘беспорядочность’, ‘древность’, ‘призрачность’, ‘неуловимость’, ‘непостижимость на рациональном уровне’, ‘связь с бессознательным’.

4. Символ – это вторичная семиотическая система, которую можно рассматривать как сложный знак – «знак в знаке»: символизирующее – это уже готовый знак со своим означаемым и означающим (сверхзначимая форма), а символизируемое – это содержание, являющееся воплощением концепта. В поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева представлены орнитологические символы *лебедь, орел, коршун*, являющиеся зооморфным кодом, в котором заключена смысловая константа символизируемого.

5. В процессе дискурсивного анализа были выявлены способы смыслового расширения: 1) благодаря «тесноте смыслового ряда» происходит взаимодействие семантических объемов слов; 2) смысловая интеракция между горизонтальным контекстом поэта и интертекстом / прототекстом (вертикальным контекстом); 3) автопрецедентность выступает как маркер интертекстуальности (смыслообмен между текстами Ф.И. Тютчева).

6 Средством создания полипарадигмальной картины мира в дискурсе Ф.И. Тютчева на дискурсивном уровне становятся формы выражения лирического субъекта: имплицитный образ автора, эксплицитный образ автора, лирическое «я», лирический герой, герой ролевой лирики. Это свидетельствует о том, что

образ автора выступает как *структуро- и смыслообразующий стержень* тютчевского текстового пространства, смысловые константы которого как центростремительные и центробежные векторы создают *сложную в смысловом отношении полифоническую композицию тютчевского дискурса*.

7. Модальность в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева также становится средством репрезентации категорий «субъектность» (формирование интенционального образа автора, построение нескольких субъектных перспектив в рамках одного текста) и «субъективность» (иллюстрация оценки чужих слов, выражение согласия или не согласия с ними, создание эффекта смысловой полифонии в его произведениях).

8. Холистический стиль мышления, свойственный языковой личности Ф.И. Тютчева следует рассматривать как итерпретационную стратегию автора. В поэтическом дискурсе проявляются такие признаки холистического стиля мышления, как слияние фона и объекта, приоритет ситуативных признаков над атрибутивными, терпимость к противоречиям, интерес к изучению объектов в движении и развитии, невозможность спрогнозировать будущее.

9. Вербализаторы концепта 'память', номинанты «мгла» и «полдень» характеризуют устройство индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева.

ГЛАВА 3

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС Ф.И. ТЮТЧЕВА:

АВТОР – ТЕКСТ – ЧИТАТЕЛЬ

3.1. Отражение субъекта в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева

3.1.1. Поэзия Ф.И. Тютчева как динамический феномен

Отражение холистического стиля мышления в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева ведет к повышению связи его текстов с экстралингвистическим контекстом, что выражается уже на уровне названий. Среди 331 оригинального стихотворения Ф.И. Тютчева на русском языке 145 имеют названия, в их числе 93 стихотворения (64% от стихотворений, имеющих наименование), содержащих в названии информацию о ситуационном или культурно-историческом контексте произведения (таблица 13).

Таблица 13. Названия, репрезентирующие экстралингвистический контекст произведения

Группа	Пример
с адресатом стихотворения	«А.Ф. Гильфердингу», «Другу моему Я. П. Полонскому», «Его светлости князю А.А. Суворову»
с описанием обстоятельств написания произведения или его предоставления другому человеку	«При посылке Нового Завета», «По прочтении депеш Императорского Кабинета...», «Ответ на адрес»
с указанием места времени событий и картин, описываемых в произведении	«В Риме», «Декабрьское утро», «Рим ночью», «Итальянская весна»;
с прецедентным названием	«К оде Пушкина на Вольность»
с прецедентным именем	«Колумб», «Олегов щит», «Цицерон»
с датой	«29-ое января 1837», «14-ое декабря 1825», «Накануне годовщины 4 августа 1864», «17-ое апреля 1818»

Произведения из приведенных групп могут быть объединены в три более глобальные группы: 1) репрезентирующие культурно-исторический контекст, 2) отражающие биографический контекст, 3) способствующие реконструкции ситуативного контекста.

Так, среди стихотворений, в названии которых указан адресат, можно выделить те, где раскрываются дружеские отношения между Ф.И. Тютчевым и адресатом стихотворения, вербализуя биографический контекст, в котором создавалось то или иное произведение. Например, одним из частых адресатов в произведениях поэта был П.А. Вяземский: в каких-то стихотворениях его имя фигурирует непосредственно в названии, в каких-то он просто выступает в качестве установленного получателя: «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», «Князю П.А. Вяземскому (Теперь не то, что за полгода)», «Князю Вяземскому (Есть телеграф за неимением ног)», «Бедный Лазарь, Ир убогий», «Когда дряхлеющие силы». В приведенных стихотворениях проявляются высокий уровень диалогичности и повышенная автопрецедентность, свойственная поэтическому дискурсу Ф.И. Тютчева.

Например, в стихотворении «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», посвященного 50-летию литературной деятельности П.А. Вяземского [Тютчев 2003а: 462], Ф.И. Тютчев пишет о таланте князя не как об индивидуальном явлении, а как о важной части отечественного литературного процесса. Делает он это через концепт 'память', репрезентированный в стихотворении лексемой *поминки*, компонентом *незабвенно* в прилагательном *незабвенно-дорогой* и через прецедентные имена *Жуковский, Пушкин, Карамзин*, представляя умерших поэтов незримыми гостями праздника: «Потом мы все, в молитвенном молчанье Священные **поминки** сотворим, // Мы сотворим тройное возлиянье // Трем **незабвенно-дорогим**. // Нет отклика на голос, их зовущий, // Но в светлый праздник ваших именин // Кому ж они не близки, не присущи // **Жуковский, Пушкин, Карамзин!**.. // Так верим мы, незримыми гостями // Теперь они, покинув горный мир, // Сочувственно витают между нами // И освящают этот пир».

Стихотворение «Князю П.А. Вяземскому», посвященное уже биографическому дню рождению князя [Тютчев 2003а: 468], начинается со слов «Теперь не то, что за полгода», отсылающих читателей к произведению «На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского», далее идет сравнение двух дней и

еще более глобальное расширение контекста, жизнь П.А. Вяземского погружается уже не в культурное, а в природное окружение: «Теперь не то, что за полгода, // Теперь не тесный круг друзей – Сама великая природа // Ваш торжествует юбилей...»

В отдельных произведениях Ф.И. Тютчева, где в названии в качестве адресата обозначены известные деятели, раскрываются не дружеские связи поэта, а его отношение к поступкам этих личностей или к историческим процессам, участниками которых они стали: «Александру Второму», «Императору Александру II», «А.Ф. Гильфердингу» и др. Например, стихотворение «А.Ф. Гильфердингу» – это реакция на непринятие известного слависта, этнографа, собирателя онежских былин на открывшуюся вакансию академика. Событие вызвало большой резонанс и недовольство среди славянофилов, которые считали, что немцы-академики, не выбрали А.Ф. Гильфердинга, потому что он отстаивал интересы славян [Тютчев 2003а: 573]. Но интересно, как Ф.И. Тютчев проинтерпретировал и оценил это событие в своем стихотворении, которое начинается со следующих строк: «Спешу поздравить. Мы охотно // Приветствуем ваш неуспех, // Для вас и лестный, и почетный, // И назидательный для всех», транслирующих двойное послание. Начинается контекст с фразы, содержащей перформативный глагол *поздравить*, и конструкции *мы охотно приветствуем*, которые предполагают реакцию на положительное событие. Однако в данном случае в качестве такого события выступает *неуспех*, оцениваемый в русской культуре отрицательно, но притягивающий в данном контексте к себе мелиоративы *лестный* и *почетный*.

Дальнейший контекст стихотворения объясняет данное противоречие. Анализируя ситуацию с отказом А.Ф. Гильфердингу, поэт сначала предполагает, что события могли иметь такой исход из-за того, что немцы недооценили А.Ф. Гильфердинга, так как не знали об огромном количестве его заслуг: «Что русским словом столько лет // Вы славно служите России, // Про это знает целый свет, // **Не знают немцы лишь родные**», но затем приходит к выводу о невозможности принятия такой точки зрения, так как немцы часто сами были

свидетелями великих дел А.Ф. Гильфердинга. И тогда Ф.И. Тютчев предлагает другую причину отказа – страх перед сильным деятелем. Эксплицируется эта мысль через эпитет *непобедимый*, использованный для характеристики А.Ф. Гильфердинга, и через прилагательное *храбрый*, употребленное здесь в ироническом смысле и характеризующее немцев: «И как же мог бы без измены, // Высокодоблестный досель, // В академические стены, // В заветную их цитадель, // Казною русской содержимый // Для этих славных оборон, // Вас, вас впустить – **непобедимый** // Немецкий **храбрый** гарнизон?» Последние два четверостишия полностью переворачивают всю ситуацию и меняют заданный вначале фрейм, отказ в данном случае – это не признак неуспеха, связанный с тем, что человека недооценили, а знак признания огромной силы личности, то есть похвала, с которой можно поздравить.

В отдельных случаях названия, содержащие отсылки к экстралингвистическому контексту, становятся ключом для реконструкции транслируемого в стихотворении смысла. Так, стихотворение «12-ое апреля 1865» не содержит имен собственных, а действующие лица в произведении обозначены местоимениями *он*, *она* и *та*, так как местоимения относятся к дейктическим единицам, проинтерпретировать текст без учета внешнего культурного контекста не представляется возможным. Но уже само название содержит весомую подсказку, позволяющую восстановить экстралингвистический контекст, так как 12-ое апреля 1865 – это прецедентная дата, в этот день в Ницце умер Цесаревич Николай Александрович – сын императора Александра II [Тютчев 2003а: 506].

Данная информация делает очевидным, что *он* в стихотворении – это погибший Цесаревич, который должен был стать наследником своего отца и принять царский венец, но умер так как: «Все решено, и он спокоен, // Он, претерпевший до конца, // – Знать, он **пред Богом был достоин** // **Другого, лучшего венца** // – **Другого, лучшего наследства, // Наследства Бога своего,** // – Он, наша радость с малолетства, // Он был не наш, он был Его...» Смысл местоимения *она* в следующем фрагменте: «Но между ним и между нами // Есть связи естества сильней: // Со всеми русскими сердцами // Теперь **он молится о**

ней» раскрывается через обращение к прецедентному тексту в последнем четверостишии: «О ней, чью горечь испытанья // Поймет, измерит только **та**, // **Кто, освятив собой страданья, // Стояла, плача, у креста...**», последние строки, через лексему *крест*, репрезентирующую символ христианства, концепт ‘святость’, вербализованный деепричастием *освятив*, а также через описание плачущей женщины отсылают нас к образу Богородицы. Плач Богоматери по распятому сыну и в католичестве, и в православии включен в богослужение Великой Пятницы. Так, во время литургии на повечерии в Великую Пятницу в Православной церкви исполняется «Канон на Плач Пресвятой Богородицы» Симеона Метафраста, в котором есть следующие строки: «Обе́шена я́ко ви́де на Кресте́, Сы́на и Го́спода, / Дéвая Чй́стая, терза́ющися, вопия́ше го́рце, / со други́ми жена́ми, стня́щи, глаго́лаше. Ви́жу Тя ны́не, / возлю́бленное Моё́ Чадо и любя́емое, на Кресте́ ви́сяща, / и уязвля́юся го́рце се́рдцем, рече́ Чй́стая, / но даждь сло́во, Благо́й, Рабе́ Твое́й» [Симеон Логофет Метафраст 2005-2026], отражен образ плачущей Девы Марии у распятия и на иконах.

Отсылка к значимому в христианстве событию способствует формированию вертикального контекста произведения и позволяет понять, к кому отсылает местоимение *она* в стихотворении и о ком будет молиться умерший наследник. *Она* в данном контексте – Мария Александровна, мать цесаревича, состояние которой сравнивается в произведении с трагедией Богородицы, вынужденной наблюдать смерть своего сына, поэтому только Богоматерь и может понять всю *горечь испытанья*, которую переживает Мария Александровна.

Подобную связь между текстом и его названием в поэзии Ф.И. Тютчева можно увидеть и в произведениях, связанных с событиями из личной жизни поэта. Например, название стихотворения «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», подсказывает, что роковой день молитвы и печали в следующем фрагменте: «Завтра **день молитвы и печали**, // Завтра память **рокового дня** ... **Ангел мой**, где б души ни витали, // **Ангел мой**, ты видишь ли меня?» – это день смерти Е.А. Денисьевой, образ которой репрезентирован в данном контексте через конструкцию *Ангел мой*, то же соотношение текста и названия представлено

в стихотворении «15 июля 1865», но здесь сам текст раскрывает суть названия, первые две строки объясняют, что дата, указанная в названии, – день, когда начались отношения между Ф.И. Тютчевым и Е.А. Денисьевой: «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло // С того блаженно-рокового дня, // Как душу всю свою она вдохнула, // Как всю себя перелила в меня».

Таким образом, Ф.И. Тютчев уже в названии дает читателям подсказки для восстановления экстралингвистического контекста, позволяя тем самым реципиенту приблизить свое видение мира к видению мира автора, что способствует формированию такой категории дискурса, как дискурсивная идентичность.

Однако текст отражает экстралингвистический контекст, в котором он был создан, лишь частично. Поэтому для восстановления данного контекста, без знания которого произведение не может быть проинтерпретировано верно: необходимо обращаться к исторической информации, раскрывающей не только условия создания стихотворения, но и ситуацию его представления публике, так как условия воспроизведения текста оказывают значимое влияние на трансформацию его смысла. Примером может служить стихотворение-поздравление, адресованное Эрнестине Тютчевой: «С Новым Годом, с новым счастьем, // С постоянною удачей; // Вот привет **любви собачьей**, // Ты прими его с участием». Словосочетание «любовь собачья» при попытке интерпретации с опорой только на внутритекстовый контекст выглядит неоднозначно. С одной стороны, собака в русской культуре – это символ верности, что подтверждается следующими контекстами: «И просвети ты в том народы, // Что верности и дружбы нет // На свете более собачьей» [Державин Г.Р. Милорду, моему пуделю: «Тебя, Милорд! воспеть хочу...» (1807). Цит. по: НКРЯ]; «И у ворот, как ночи дух, // Завыл мой верный пёс» [Мей Л.А. Отрывок из «Чайльд Гарольда»: «Прости, прости, мой край родной...» (1862). Цит. по: НКРЯ].

Но, с другой стороны, прилагательное «собачий» используется и как репрезентант отрицательных качеств: «Пытают и мучат гонца палачи, // Друг к другу приходят на смену; // «Товарищей Курбского ты уличи, // Открой их

собачью измену!» [Толстой А.К. Василий Шибанов: «Князь Курбский от царского гнева бежал...» (1840–1849). Цит. по: НКРЯ]; «Бросаются рабы у нас на растерзанье – // Рабам смерть рабская! Собачья смерть рабам! // Что толку в жизни их — привыкнувших к цепям?» [Майков А.Н. Игры: «Кипел народом цирк. Дрожащие рабы...» (1846). Цит. по: НКРЯ].

Однако информация об условиях представления анализируемого стихотворения Эрнестине Тютчевой позволяет увидеть в данном словосочетании более прямой смысл: «Первый издатель текста ссылается на устное свидетельство К.В. Пигарева о том, что поздравительное четверостишие было выгравировано на серебряном салфеточном кольце в виде собачьего ошейника и преподнесено Эрн. Федоровне ее собакой Ромпом» [Тютчев 2003а: 594], такой контекст предполагает, что «любовь собачья» – это не символ, содержащий положительные или отрицательные коннотации, а любовь собаки Эрн. Тютчевой Ромпа к своей хозяйке. А все стихотворение – это шуточное поздравление, написанное Ф.И. Тютчевым от лица питомца своей жены.

Языковая личность Ф.И. Тютчева отличается высоким уровнем диалогичности. Для его произведений характерно эксплицитное представление адресата (встречается в 182 оригинальных стихотворениях – 55% от всех оригинальных произведений поэта), выражающееся через местоимения и глаголы второго лица. Одной из любимых формул поэта является конструкция «Смотри...» / «Смотри, как...», согласно данным НКРЯ, в произведениях Ф.И. Тютчева отмечено 9 употреблений конструкции, данная формула встречается при описании пейзажей. При изображении картин природы поэт в данном случае вместо монологичных форм, например, вместо конструкции *я вижу* отдает предпочтение вводу эксплицитного образа адресата, к которому он обращается и которого он приглашает созерцать описываемые панорамы: «Смотри, как на речном просторе, // По склону вновь оживших вод, // Во всеобъемлющее море // За льдиной льдина вслед плывет». Диалогичность языковой личности Ф.И. Тютчева отражается и на уровне названий. Самая большая среди групп названий, содержащих информацию об

экстралингвистическом контексте, – группа с указанием адресата, она включает 48 произведений (51% от текстов с отсылками к реальной действительности в названии). В качестве реципиентов в произведениях поэта выступают его родные и знакомые, исторические деятели разных эпох, явления природы, абстрактный адресат (таблица 14).

Таблица 14. Реципиенты в поэзии Ф.И. Тютчева

Реципиент	Примеры	Источник
Родные, знакомые, друзья	«Друг истинный добра и бедных покровитель, // Да в мире протекут драгие дни твои! // Детей и подданных любовью окруженный, // На лицах вокруг себя радость узришь ты » (к И. Н. Тютчеву, отцу поэта)	«Любезному папеньке»
	«И ты рассек с отважностью и славой // Моря обширные своим рулем, – // И днесь, о Друг, спокойно, величаво // Влетаешь в пристань с верным торжеством» (к С. Е. Раичу)	«Неверные преодолев пучины»
	«Насилу добрый гений твой // Мой брат по крови и по лени, // Увел тебя под кров родной // От всех маневров и учений, // Казарм, тревог и заточений, // От жизни мирно-боевой» (к А.В. Шереметьеву)	«Послание к А.В. Шереметьеву»
	«Вот свежие тебе цветы // В честь именин твоих » (к Д.Ф. Тютчевой, дочери поэта)	«Вот свежие тебе цветы»
Исторические деятели	«Так!.. но, прощаясь с римской славой, // С Капитолийской высоты // Во всем величье видел ты // Закат звезды ее кровавой!..» (к Цицерону)	«Цицерон»
	«Все было ложь в тебе , все призраки пустые: // Ты был не царь, а лицедей» (к Николаю I)	«Не Богу ты служил и не России»
	«Спешу поздравить // Мы охотно // Приветствуем ваш неуспех, // Для вас и лестный, и почетный, // И назидательный для всех» (к А.Ф. Гильфердингу)	«А.Ф. Гильфердингу»
Явления природы	«О чем ты воешь, ветр ночной? // О чем так сетуешь безумно?.. // Что значит странный голос твой , // То глухо-жалобный, то шумный?»	О чем ты воешь, ветр ночной?
	«О рьяный Конь, о Конь морской, // С бледно-зеленой гривой, // То смиренный, ласково-ручной, // То бешено-игривый! // Ты буйным вихрем вскормлен был // В широком божьем поле – // Тебя он прядать научил, // Играть, скакать по воле!»	Конь морской
	«О ночь, ночь, где твои покровы, // Твой	«Как птичка, раннею

	тихий сумрак и роса! ..» «Чу, не жаворонка ль глас?.. // Ты ли, утра гость прекрасный, // В этот поздний, мертвый час?»	зарей» «Вечер мглистый и ненастный»
Артефакты	«О арфа скальда! Долго ты спала // В тени, в пыли забытого угла»	«Арфа скальда»
Абстрактный адресат	«Дыханье каждое Зефира // Взрывает скорбь в ее струнах... // Ты скажешь: Ангельская лира // Грустит, в пыли, по небесах!»	«Проблеск»
	« Ты скажешь: ветренная Геба, // Кормя Зевесова орла, // Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила!»	«Весенняя гроза»
	«Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя ? Поймет ли он, чем ты живешь?»	«Silentium»
Абстрактные явления	О смертной мысли водомет, // О водомет неистошимый! // Какой закон непостижимый // Тебя стремится, тебя мятет?»	«Фонтан»
	«Душа, душа, спала и ты ... // Но что же вдруг тебя волнует, // Твой сон ласкает и целует // И золотит твои мечты?»	«Еще земли печален вид»

Диалогичность поэтического дискурса Ф.И. Тютчева выражается не только в содержании, но и в форме его произведений. Среди жанров, используемых поэтом, есть послания, поздравления или посвящения. Часть стихотворений Ф.И. Тютчева представлены в виде диалога двух субъектов («Два голоса», «Гектор и Андромаха», «Харон и Каченовский»). Обращенность к другому «я» в поэзии Ф.И. Тютчева выражается также через интеракцию между вертикальным и горизонтальным контекстом в стихотворениях, содержащих прецедентные феномены как маркеры интертекстуальности.

Пример такого взаимодействия можно найти в стихотворении «Цицерон», содержащим следующую фразу: «Я поздно встал — и на дороге / Застигнут ночью Рима был!», данная цитата, а также название стихотворения отсылают к трактату М.Т. Цицерона «Брут, или О знаменитых ораторах», в котором Цицерон пишет о себе следующее: «Что же касается меня, то мне **горько**, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и **что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь**» [Марк Туллий Цицерон 1972: ХСVI]. Понятнее смысл этих строк становится при рассмотрении их в сравнении с

предшествующим текстом трактата, где М.Т. Цицерон рассуждает о смерти Квинта Гортензия Гортала: «Поистине, **смерть Гортензия была счастливой: он не дожид до того, что так ясно предвидел заранее.** Ибо мы с ним часто оплакивали между собой грозящие беды, наблюдая, как честолюбие частных лиц увлекает нас к гражданской войне и как надежда на мир ускользает от общественного мнения» [Там же]. Описание смерти Гортензия как счастливого для него самого события и характеристика *мне горько* о продолжении своей жизни свидетельствуют о глубоком разочаровании М.Т. Цицероном происходящими событиями и о нежелании быть их свидетелем.

Приведя в своем стихотворении цитату М.Т. Цицерона о его восприятии тех катаклизмов, вынужденным зрителем которых стал римский оратор, Ф.И. Тютчев дает свою оценку ситуации: «**Так!.. но**, прощаясь с римской славой, / **С Капитолийской высоты / Во всем величье видел ты /** Закат звезды ее кровавой!..» Приведенный контекст начинается с частицы *так* в значении *да*, репрезентирующей модальность согласия, однако за ней идет противительный союз *но*, после которого следуют аргументы, дающие возможность рассмотреть описываемое положение дел иначе. В приведенном контексте присутствует отсылка к исторически значимому месту в Древнем Риме – Капитолийскому холму, на котором располагался храм Юпитера [Тютчев 2002: 379]. Во второй строфе произведения, изображается пир богов, на который был приглашен смертный: «Счастлив, кто посетил сей мир // В его минуты роковые – // Его призвали всеблагие // Как собеседника на пир. // Он их высоких зрелищ зритель, // Он в их совет допущен был – // И заживо, как небожитель, // Из чаши их бессмертье пил!» Данная строфа вступает во взаимодействие с первой строфой, где М.Т. Цицерон был изображен как зритель гибели римской славы, за которой он наблюдал с места поклонения римским богам. Что позволяет говорить о том, что сам М.Т. Цицерон, в восприятии Ф.И. Тютчева, – смертный, ставший гостем на пире «небожителей», допущенным в их совет. Таким образом, поэт, взяв за основу рассуждения римского оратора и сначала согласившись с ним,

поворачивает ситуацию так, чтобы высветить в ней положительные аспекты, меняет структуру заданного изначально фрейма.

Подобный диалог присутствует и в стихотворении Ф.И. Тютчева «К оде Пушкина на вольность». Произведение состоит из трех строф. В первой строфе Ф.И. Тютчев в сжатой форме передает мысли, отраженные в стихотворении А.С. Пушкина, через противопоставление концептов ‘свобода’ и ‘рабство’, значимых для произведения А.С. Пушкина, и через изображение кары, предписанной тиранам (таблица 15).

Таблица 15. Интертекстуальная связь между стихотворениями А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева

Признак для сопоставления	А.С. Пушкин «Вольность»	Ф.И. Тютчев «К оде Пушкина на Вольность»
Противопоставление концептов ‘свобода’ и ‘рабство’	«Где ты, где ты, гроза царей, Свободы гордая певица? // Приди, сорви с меня венки, // Разбей изнеженную лиру... // Хочу воспеть Свободу миру, // На тронах поразить порок»; «Тираны мира! трепещите! // А вы, мужайтесь и внемлите, // Восстаньте, падшие рабы! » «Увы! куда ни брошу взор – // Везде бичи, везде железы, // Законов гибельный позор, // Неволи немощные слезы»	«Огнем свободы пламеня // И заглушая звук цепей, // Проснулся в лире дух Алцея – // И рабства пыль слетела с ней»
Изображение наказания царей	«Самовластительный злодей! // Тебя, твой трон я ненавижу, // Твою гибель, смерть детей // С жестокой радостью вижу. // Читают на твоём челе // Печать проклятия народы, // Ты ужас мира, стыд природы, // Упрек ты богу на земле»	«От лиры искры побежали // И вседробящую струей, // Как пламень Божий, ниспадали // На чела бедные царей»

Вторая строфа стихотворения Ф.И. Тютчева репрезентирует оценочную модальность, объектом оценки становится способность поэтов открыто указывать правителям на их преступления: «**Счастлив**, кто гласом **твердым, смелым,** // Забыв их сан, забыв их трон, // Вещать тиранам закоснелым // Святы истины рожден! // И ты **великим** сим уделом, // О муз питомец, **награжден!**» Лексемы с положительной коннотацией *счастливый, твердый, смелый, великий* транслируют положительную оценку данной способности, а форма глагола *награжден* свидетельствует о ее характеристике как о даре. Две последние строки в

приведенном фрагменте свидетельствуют о том, что Ф.И. Тютчев признает, что А.С. Пушкин этой способностью наделен.

Последняя строфа представлена фразами с побудительным наклоном и являет собой призыв Ф.И. Тютчева к А.С. Пушкину направить свой талант на созидание, а не на разрушение: «Воспой и силой сладкогласья // Разнежь, растрогай, преврати // Друзей холодных самовластья // В друзей добра и красоты! // Но граждан не смущай покою // И блеска не мрачи венца, // Певец! Под царскою парчою // **Своей волшебною струною // Смягчай, а не тревожь сердца!**», выражая тем самым мягкое несогласие с А.С. Пушкиным в понимании истинного назначения гения.

Таким образом, холистический стиль мышления, отраженный в поэзии Ф.И. Тютчева ведет к:

1. высокому уровню связи между текстом и внешним контекстом (экстралингвистической ситуацией, которой посвящено стихотворение; претекстом – для стихотворений поэта, осложненных интертекстуальным компонентом);

2. высокому уровню диалогичности (проявляющемуся в эксплицитном выражении адресата, выстраивании диалогических пар между стихотворениями, а также в размышлении над мыслями или произведениями других авторов не в формате абстрактного монологического рассуждения, а в форме диалога);

3. разрушению существующих фреймов и способности рассмотреть ситуацию под другим ракурсом, при этом выявляется положительный компонент в ситуации, оцениваемой отрицательно.

3.1.2. Реконструкция рефлексивной языковой личности Ф.И. Тютчева через анализ его переводов

Переводы Ф.И. Тютчева отличаются: 1) высокой степенью сходства с оригиналом по форме; 2) высокой близостью по общему содержанию; 3) трансформацией: конкретные детали оригинала → абстрактные и обобщенные

образы перевода; 3) повышением стилистического регистра оригинала [Тютчев 2002: 269-513; Тютчев 2003а: 333-625].

В переводе одновременно отражается и монологическая языковая личность, связанная со способностью создавать тексты, и диалогическая языковая личность, отражающая процесс восприятия чужого текста. Рефлексивность сознания Ф.И. Тютчева проявляется уже при реконструкции вербально-семантического уровня монологической языковой личности поэта через анализ его переводов. Проследить данную рефлексивность можно через изучение черновых автографов Ф.И. Тютчева. Например, в черновом варианте перевода стихотворения И.В. Гете «Geistesgruß» («Приветствие духа» – нем.) видно, что при поиске наилучшего варианта для передачи словосочетания «Des Helden edler Geist» («Героя благородный Призрак») на русском языке Ф.И. Тютчев выбирал между следующими: *Тень богатырская, богатырский Дух, тень рыцаря*. В приведенных вариантах представлено две лексемы, выступающие в качестве эквивалента для немецкого *Geist*, – *тень* и *дух*, выбирая между ними, поэт отдает предпочтение последней. Обозначенные лексемы близки друг к другу онтологической сущностью, так как обе обозначают форму существования после смерти, однако психо-гносеологические слои смысла данных слов наполнены разными компонентами. Анализ употребления лексемы *тень* в поэзии Ф.И. Тютчева показал, что в произведениях русского поэта к номинанту *тень* (в значении «душа», «бестелесная сущность») притягивается ассоциат *безмолвный*: «Душа моя – Элизиум теней, // Теней **безмолвных**, светлых и прекрасных»; «Своих отцов покинул он обитель, // Где тени их скитаются **безмолвны**». Данный факт может служить одной из причин, по которой Ф.И. Тютчев остановился на слове *дух* в стихотворении «Приветствие духа»: в анализируемом контексте описывается разговаривающая сущность, соответственно для ее обозначения не подходит лексема *тень*, в негемпликационале которой присутствует компонент 'отсутствие вербальной активности'.

В оригинале стихотворения И.В. Гете «Geistesgruß» в качестве синонимов употребляются слова *held* и *ritter*. Одно из значений слова *Held* в немецком –

легендарный эпический персонаж [Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache 2015], это объясняет появление в переводе Ф.И. Тютчева прилагательного *богатырский*, так как легендарным героем русского эпоса является богатырь. Но прибегая в данном случае к русификации, поэт в своем переводе одновременно с этим употребляет и лексему *рыцарь*, репрезентирующую реалию западной культуры, в результате чего в переводе отражается синтез двух культур.

Реконструкция вербально-семантического уровня монологической языковой личности переводчика по модели Ю.Н. Караулова позволяет сформировать представление и об уровне поверхностного понимания и интерпретационном уровне диалогической языковой личности в модели Е.Н. Скубиевой и Н.Н. Шпильной, так как выбор тех или иных языковых единиц в переводе иллюстрирует, какие семантические компоненты оказались для переводчика наиболее значимыми при поиске подходящего эквивалента. Например, использование Ф.И. Тютчевым в переводе стихотворения И.В. Гете «Приветствие духа» в качестве эквивалента для немецкого *Geist* лексемы *дух*, а не лексемы *тень* в завершенных редакциях позволяют заключить, что для русского поэта было важно подчеркнуть такие свойства призрака, как ‘способность к коммуникации с людьми’ и ‘противопоставление материальному, обладающему плотью существу’.

Более подробно реконструировать интерпретационный уровень диалогической языковой личности переводчика позволяет анализ переводческих стратегий. В переводах Ф.И. Тютчева наблюдается соблюдение позитивистского тождества (точная передача логико-онтологического компонента) и нарушение феноменологического тождества (трансформация психо-гносеологического компонента). Например, в переводе Ф.И. Тютчева стихотворения Г. Гейне «In welche soll' ich mich verlieben» («В которую из них влюбиться»), поэт сохраняет мелодику немецкого подлинника, и его содержание, но освобождает его от контекста, в котором находился оригинал [Тютчев 2002: 430], в результате чего шутливо-иронический оригинал трансформируется в лирическое стихотворение.

Подобные трансформации способствуют активизации коммуникативной языковой личности в переводах Ф.И. Тютчева. Хотя обычно в переводах явно

проявляется дискурсивная языковая личность, а коммуникативная уходит на второй план, так как основными коммуникантами в интерлингвальном общении являются отправитель сообщения на исходном языке (автор оригинала) и его получатель на языке перевода (читатель), а переводчик выступает как посредник. В переводах Ф.И. Тютчева заметна активизация коммуникативной ипостаси его языковой личности, он не просто посредник, а активный участник коммуникации.

Проявляется данная активация в том, что в переводах Ф.И. Тютчева отражается его индивидуально-авторская картина мира. Например, в отдельных контекстах появляются концепты, значимые для Ф.И. Тютчева и отсутствующие в оригиналах. Так, в переводе Ф.И. Тютчева стихотворения Г. Гейне «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich...» («Мое сердце угнетено и тоскует...») строки «Und ruhig lebten hin die Leut'» («И жили люди спокойно») трансформируются в «И люди жили как во сне», концепт 'спокойствие' заменяется концептом 'сон'.

Активное отражение индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева в его переводах способствует тому, что переводы становятся органичной частью его поэтического дискурса, наряду с оригинальными стихотворениями. Часто компоненты переведенного Ф.И. Тютчевым произведения развиваются в отдельное оригинальное стихотворение в творчестве поэта (таблица 16).

Таблица 16. Интертекстуальные связи между переводами Ф.И. Тютчева и его оригинальными стихотворениями

Перевод	Оригинал	Пересечение
«Послание Горация к меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду» (по мотивам поэзии Горация). Фрагмент с 44 строки до конца произведения	«Два голоса»	Репрезентация двух противоположных точек зрения на судьбу человека и на соотношение жизни человека с жизнью олимпийских богов
«Байрон (отрывок)» (вольный перевод поэмы Цедлица "Totenkriinze"). Фрагмент с 42 строки по 52 строку	«Лебедь»	Сопоставление двух образов жизни (мышления): 1) лебедя, любящегося своим отражением и окруженного двойной зарей (бездной); 2) орла, парящего среди бури и метели
«Одиночество (из Ламартина)» (перевод стихотворения Ламартина "Lisolement"). Фрагмент с 45 строки по 48	«Листья», «На древе человечества высоком»,	Лист, сорванный с дерева – как символ человеческой жизни / особого стиля мышления (образа жизни)

Таким образом, анализ черновых автографов Ф.И. Тютчева при изучении его переводов, а также их сопоставление с иноязычными оригиналами позволяют реконструировать процесс рефлексии творческого сознания при поиске подходящих языковых средств для передачи тех или иных компонентов исходного текста и зафиксировать процесс трансформации исходного смысла в переводе.

3.2. Перцептивный образ автора в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева

3.2.1. «Мглистый полдень»: реконструкция фреймов как способ описания смысла при интерпретации образности поэзии Ф.И. Тютчева

Подвижность смысла обусловлена не только рефлексией языковой личности автора, но и преломлением исходного смысла в сознании читателя. Один из факторов, влияющих на интерпретацию, – специфика включения отдельного слова во внутренний контекст реципиента.

Анализ реакций на стихотворения поэта показал, что связь между номинантом *полдень* и ассоциатом *мгла*, неоднократно встречающаяся в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева, отразилась в воспринимающем сознании в разных вариантах и вызвала различные реакции. И.С. Аксаковым словосочетание *мглистый полдень* было оценено как образное и точное. С.Л. Франк увидел в нем сближение светлого и темного начал [Тютчев 2002: 327]. Л.В. Пумпянский оценивал выражение *мглистый полдень* как парадоксальное [Пумпянский 1928].

Наличие разных реакций на один и тот же стимул иллюстрирует отличия персональной нормы словоупотребления у реципиентов и доказывает индивидуальный характер функционирования лексемы в индивидуальной ассоциативно-семантической сети языковой личности, которое отличается от функционирования слова в языковой системе.

Анализ словарных значений существительного *мгла* и образованного от него прилагательного *мглистый* свидетельствует о том, что словосочетание *мглистый полдень* соответствовало языковой норме XVIII-XIX вв. Так, *мглистый* определялось как «Затянутый мглой, дымкой; туманный» [Словарь русского

языка XVIII века]. Лексеме *мгла* имела следующие значения: «1. Непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами, туман; 2. Мрак, тьма...» [Там же]; «помрачение воздуха, испарения, сгущающие воздух, делающие его тусклым, мало прозрачным; сухой туман, дым и чад, нагоняемые в засухи от лесных паров. В знойные дни, мгла всегда стоит в низших слоях воздуха и мешает зрению» [Толковый словарь живого великорусского языка].

В представленных значениях можно выделить интегральную сему ‘мера проявления признака по качеству обозримости, возможности видеть’, при этом в каждом отдельном значении уточняются причины плохой видимости, которые выступают в качестве дифференциальных сем: ‘тьма’, ‘туман’ ‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’.

Следовательно, словосочетание *мглистый полдень* соответствовало языковой норме, согласно которой *мгла* – многозначное слово. И с точки зрения традиционной лингвистики, в данном случае должен был сработать стандартный языковой механизм – актуализация нужной семы под влиянием контекста. Однако реакции Л.В. Пумпянского, С.Л. Франка свидетельствуют о том, что в их интерпретации данной актуализации не произошло. Объяснить эту коммуникативную неудачу можно тем, как компоненты языкового значения слова *мгла* отразились во фреймовой структуре языковой картины мира реципиентов.

Если представить компоненты значения лексемы *мгла* в виде фрейма, то терминал с постоянным компонентом будет заполнен интегральной семой ‘мера проявления признака по качеству обозримости, возможности видеть’, а в слоты, отражающие возможные, но необязательные признаки, войдут дифференциальные семы с причинами затруднения зрительного восприятия: ‘тьма’, ‘туман’, ‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’ и т.д. (таблица 17).

Таблица 17. Структурные компоненты фрейма ‘мгла’

Фрейм	МГЛА
терминал с постоянными	‘плохая видимость’

данными			
слоты с переменными данными	<i>‘тьма’</i>	<i>‘туман’</i>	<i>‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’</i>

Фрейм ‘мгла’ в картине мира И.С. Аксакова также включает в себя терминал с постоянными данными: ‘мера проявления признака по качеству обозримости, возможности видеть’ и слоты с переменными данными, один из них заполнен одной из причин ухудшения зрения – ‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’. Воспринимая лексему *мглистый* рядом со словом *полдень*, И.С. Аксаков выбирает один из вариантов, причин ухудшения видимости, представленных в слотах, происходит стандартная процедура узнавания фрейма и его принятия в результате успешной верификации, поэтому характеристика *мглистый* ему представляется образной (таблица 18).

Таблица 18. Структурные компоненты фрейма ‘мгла’

Фрейм	МГЛА		
терминал с постоянными данными	✓ ‘плохая видимость’		
слоты с переменными данными	<i>нельзя установить из текста-реакции</i>	<i>нельзя установить из текста-реакции</i>	✓ <i>‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’</i>

*Таблица составлена в соответствии с восприятием И.С. Аксаковым стихотворения Ф.И. Тютчева «Полдень».

В отдельных случаях происходит изменение в соотношении постоянной и переменной информации внутри фрейма, так как функционирование лексемы в ассоциативно-семантической сети языковой личности определяется ее индивидуальным опытом. Связь слота с заданием отсутствия может приводить к восприятию вариативных признаков как обязательных.

Появление противоречивых реакций на словосочетание *мглистый полдень* можно объяснить перераспределением компонентов фрейма ‘мгла’ в воспринимающем сознании. В качестве среды, повлиявшей на картину мира Л.В. Пумпянского и С.Л. Франка, выступили прецедентные тексты. «Мглистый» на языке поэзии 20-х годов означал «по-ночному темный» [Пумпянский 1928].

Прагматика слова, связанная с частым появлением лексемы *мгла* в контекстах, актуализирующих значение «по-ночному темный», способствовала переосмыслению вариативного слота фрейма «мгла», содержащего определенную причину плохой видимости – темноту как обязательного и постоянного компонента в языковой картине мира Л.В. Пумпянского и С.Л. Франка.

Это подтверждает следующий контекст из работы С.Л. Франка: «Прежде всего, наряду с множеством мест, где **дневное и ночное, светлое и темное**, резко противопоставляются друг другу, мы встречаем у Тютчева и характерные места, в которых они **сближаются между собою**. Так, “полдень мгlistый” изображается как час, когда “всю природу, как туман, дремота жаркая объемлет” (“Полдень”). В стихотворении “Снежные горы” светлость “ледяных высей”, играющих “с лазурью неба огневой”, противопоставляется **не ночной тьме, а “мгле полуденной”**, в которой почил “дольний мир”». В приведенном фрагменте словосочетание «мгlistый полдень» используется как доказательство сближения светлого и темного начала в поэзии Ф.И. Тютчева, так как лексема *полдень* связана с концептом ‘свет’, прилагательное *мгlistый* в данном контексте оказывается связанным со словосочетанием *темное начало* (таблица 19).

Таблица 19. Структурные компоненты фрейма «мгла»

Фрейм	МГЛА
терминал с постоянными данными	‘темнота’

*Таблица составлена в соответствии с восприятием критиков, оценивших сочетание *мгlistый полдень* в стихотворении Ф.И. Тютчева «Полдень» как неестественное.

Данная трансформация привела к тому, что фрейм «мгла» не мог пройти процесс верификации в контексте со словом, репрезентирующим светлое время суток, так как компоненты ‘туман’ и ‘изменение плотности воздуха из-за высокой температуры’ у фрейма «мгла» в языковой картине мира Л.В. Пумпянского и С.Л. Франка отсутствовали, а компонент ‘тьма’ не имеет пересечений с фреймом «полдень». В связи с этим словосочетание *мгlistый полдень* и было охарактеризовано Л.В. Пумпянским и С.Л. Франком как парадоксальное.

Таким образом, расширение смысла в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева обусловлено также смыслообменом между авторской и читательской рефлексией. При этом на формирование интерпретации влияет не только общее устройство языковой картины мира реципиента, но и специфика включения отдельных слов во внутренний контекст воспринимающего – особенности перераспределения терминалов с постоянными данными и слотов с вариативной информацией в фреймах, представленных в языковой картине мира интерпретатора.

3.2.2. Перцептивный образ автора и интерпретация художественного дискурса

Диалогичность языковой личности Ф.И. Тютчева и реализация ею холистической стратегии в создаваемых контекстах выступили в качестве благоприятной почвы для появления множества трактовок его стихотворений и поспособствовали росту влияния мыследеятельности интерпретатора на результат толкования текстов поэта.

Одним из произведений Ф.И. Тютчева, породивших множество интерпретаций стало стихотворение «Безумие»: 1) В.С. Баевский доказывал, что оно является реакцией на произведение А.С. Пушкина «Пророк» [Баевский 2003]; 2) Н.Я. Берковский усматривал в нем критику шеллингианских идей [Берковский 1985]; 3) В.Я Брюсов видел в стихотворении темное влечение самого Ф.И. Тютчева к состоянию души, в котором возможно считать, что слышишь, угадываешь тайную жизнь природы [Тютчев 2002: 374-375]; 4) П.Н. Толстогузов в результате пристального анализа лексического ряда стихотворения «Безумие» на фоне поэтического словаря романтической эпохи, приходит к выводу, что обнаруживаемая «многозначность» стихотворения настолько велика, что трактовка стихотворения оказывается равной ее отсутствию [Толстогузов 1998]; 5) Э.И. Худошина считала, что в стихотворении создается миф о «пороговых» состояниях бытия, в центре которого находится антропоморфный персонаж [Худошина 2003].

Анализ стихотворения «Безумие» позволил выявить в нем индикаторы имплицитной информации, которые объясняют такой активный интерес

исследователей к этому произведению. Во-первых, в стихотворении отсутствует указание на точное место происходящих в произведении событий, вместо этого используется местоименное наречие *там*, за которым идет описание пустынного пейзажа: «Там, где с землею обгорелой // Слилсь, как дым, небесный свод, – // Там в беззаботности веселой // Безумье жалкое живет». Во-вторых, главное действующее лицо обозначено в стихотворении абстрактным существительным. А для сообщения об объекте поиска («безумие») используется неопределенное местоимения *что-то*: «Оно стеклянными очами // Чего-то ищет в облаках», «Чему-то внемлет жадным слухом // С довольством тайным на челе». Все это ведет к нарушению одной из максим Грайса, максимы ясности, которая выступает в качестве индикатора имплицитности.

Стоит также отметить, что интерпретации В.С. Баевского и Н.Я. Берковского обладают сходством, в основе обоих толкований лежит представление о том, что в «Безумии» отражена критика Ф.И. Тютчевым чужих идей. В работе В.С. Берковского в качестве мнения, с которым не соглашается поэт, выступает точка зрения, выраженная в произведении А.С. Пушкина «Пророк», в работе Н.Я. Берковского – философия Шеллинга.

К идентификаторам, содержащимся в стихотворении и способствующим появлению такого восприятия, можно отнести пейоративные лексические средства: *безумье, жалкое, стеклянные очи* (контекстуальный пейоратив), *мнить* (под влиянием контекста). Кроме того, в качестве дополнительного фактора, вызывающего подобную интерпретацию, можно выделить свойственные поэзии Ф.И. Тютчева диалогичность и полемичность, в эксплицитной форме выраженные, например в: «Не то, что мните вы природа», «К оде Пушкина на Вольность», «Цицерон», «Противникам вина», «14 декабря 1825», «Encyclica», «Нет, карлик мой! Трус беспримерный!..» и др.

К факторам, способствующим появлению интерпретаций можно отнести 1) идентификаторы, содержащиеся непосредственно в тексте «Безумия»; 2) исторический и биографический контексты стихотворения; 3) научные интересы

исследователей; 4) прецедентные тексты, повлиявшие на их картину мира; 5) перцептивный образ автора Ф.И. Тютчева.

В.С. Баевский в качестве идентификаторов использует 1) описание пейзажа, свойственного пустыне, которое исследователь интерпретирует как прецедентную отсылку к пустыне из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»; 2) словосочетание *стеклянные очи*, противопоставляющееся пушкинским *вещим зеницам*; 3) словосочетание *чуткое ухо*, тоже соотносимое с фрагментом из «Пророка»: «Моих ушей коснулся он, // И их наполнил шум и звон»; 4) многоточие в конце «Безумия», антонимичное призыву А.С. Пушкина «глаголом жечь сердца людей» [Баевский 2003: 7].

Н.Я. Берковский опирается на схожие идентификаторы. Так, он тоже обращает внимание на описание пейзажа, свойственного пустыне, но интерпретирует его более широко: как конец органической жизни, поэтому безумец в данной трактовке – это человек, продолжающий искать пантеистического бога, признаки «мировой души», о которой писал Шеллинг. Выделяет Н.Я. Берковский и словосочетание *чуткое ухо*, но считает его отсылкой к водоискателям [Берковский 1985: 174-175].

Примечательно, что оба исследователя для подтверждения своих интерпретаций используют биографию Ф.И. Тютчева, однако опираются на разные ее моменты. В.С. Баевский пишет о статье А.С. Пушкина «Денница», в которой содержалась следующая фраза: «Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевырёве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим» [цит. по: Баевский 2003:7]. Ф.И. Тютчев мог познакомиться с ней по приезду в Россию в 1830 году, в котором и было написано «Безумие» [Там же]. Как дополнительное подтверждение подобной точки зрения можно привести стихотворение Ф.И. Тютчева «К оде Пушкина на вольность», в котором он уже выражал свое несогласие с некоторыми позициями А.С. Пушкина.

Н.Я. Берковский опирается на общение Ф.И. Тютчева с Шеллингом и добавляет к комментарию К.В. Пигарева о связи последней строфы «Безумия» с

«водоискателями» (les sourciers), что «водоискатели, рудознатцы – люди особого значения в глазах Шеллинга и его приверженцев <...>; Тютчев мог слышать в Мюнхене о прославленном водоискателе Кампетти, в 1807 году призванном в этот город. Кампетти был любимцем мюнхенских шеллингистов – Риттера, Баадера и, наконец, самого Шеллинга. О водоискателях Шеллинг писал в своих разысканиях о человеческой свободе (1809), хорошо известных Тютчеву» [Берковский 1985: 175].

Столь активный интерес к произведениям А.С. Пушкина повышал вероятность обнаружения исследователем связи «Безумия» со стихотворением именно этого поэта. До интерпретации текста «Безумия» исследователь выявлял более явные интертекстуальные связи с поэзией А.С. Пушкина в произведениях Ф.И. Тютчева: «у Тютчева: “Какие грустные места!” (121). У Пушкина: “Какие глупые места!” (“Евгений Онегин”, гл. 3). Ещё один пример из ряда возможных: Тютчев: “Пора любви, пора весны” (137). Пушкин: “Весна, весна! Пора любви!” (“Евгений Онегин”, гл. 7)» [Баевский 2003: 5].

В дополнении к этому В.С. Баевский сообщает, что в студенческие годы на него произвело неизгладимое впечатление исследование А. Белого, в котором тот «применил строгий метод сопоставления поэтики Пушкина, Тютчева и Баратынского» [Там же, с.7]. Статья А. Белого пробудила интерес у В.С. Баевского к проблеме соотношения творчества А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева и Е.А. Баратынского. И в 11 главе своей монографии «История русской поэзии» он проводит статистическое сравнение словарей этих трех поэтов и Лермонтова, на основе которого приходит к выводу, что лирика Тютчева сближается с лирикой Баратынского и Лермонтова и удалена от лирики Пушкина, то есть поэтика Тютчева противостоит поэтике Пушкина [Там же: 8]. При этом В.С. Баевский не отрицает связи Ф.И. Тютчева с Шеллингом и пишет о нем, как об одном из первых русских шеллингианцев, но не соглашается с доводами о спорах русского поэта и немецкого философа ввиду отсутствия весомых доказательств существования этих споров.

Таким образом, перцептивный образ автора Ф.И. Тютчева, отраженный в картине мира В.С. Баевского к моменту интерпретации «Безумия», включал представления о 1) влиянии на Ф.И. Тютчева А.С. Пушкина; 2) противостоянии поэтики Ф.И. Тютчева поэтике А.С. Пушкина; 3) наличии конкретного повода у Ф.И. Тютчева критиковать произведение А.С. Пушкина; 4) опоре Ф.И. Тютчева на идеи Шеллинга при отсутствии доказательств несогласия поэта с ними.

В рассуждениях В.С. Баевского можно заметить интересную взаимосвязь между фоновыми знаниями исследователя, перцептивным образом автора и итоговой интерпретацией произведения. Интерес к поэзии А.С. Пушкина, а также работа А. Белого о сопоставлении Пушкина, Тютчева и Баратынского ведут к тому, что его внимание привлекают строки в поэзии Ф.И. Тютчева, коррелирующие с пушкинскими. Это в свою очередь способствует формированию представления о связи двух поэтов и о противостоянии поэтики Ф.И. Тютчева поэтике А.С. Пушкина и ведет к возникновению у исследователя желания сопоставить словари языков их поэтических произведений. Данное сопоставление укрепляет обозначенное представление и способствует интерпретации «Безумия», как реакции Ф.И. Тютчева на стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», в которой Ф.И. Тютчев выражает несогласие с позицией А.С. Пушкина.

Сфера научных интересов Н.Я. Берковского тоже весьма широка, в центре – исследование европейского романтизма как духовного преемника художественной и философской культуры средневековья и Ренессанса и источника ряда художественных направлений XIX в. [Богданова 2015]. Ф. Федоров в своей статье «О философии Н.Я. Берковского и его научной методологии» отмечает, что молодой Шеллинг, наряду с немецким романтизмом, был для Н.Я. Берковского «школой познания, школой рационального усвоения» [Федоров 2003]. Данный факт способствовал более глубокому и расширенному анализу отношения Ф.И. Тютчева к Шеллингу в работе Н.Я. Берковского.

Анализируя поэзию Ф.И. Тютчева, Н.Я. Берковский приходит к выводу, что для поэта был свойственен особый взгляд на вещи: они для него были плавкими,

видоизменяемость входила в их главный принцип, в результате в его стихотворениях отмечалась попеременное утверждение и отрицание одних и тех же идей. Основываясь на данном представлении, Н.Я. Берковский таким же образом характеризует и отношение Ф.И. Тютчева к идеям Шеллинга: «Он и верил в эти идеи, и не верил поочередно, он метался от утверждения к отрицанию и обратно» [Берковский 1985: 174].

При этом Н.Я. Берковский так же, как и В.С. Баевский, указывает на корреляцию поэзии Ф.И. Тютчева с А.С. Пушкиным. Однако ученый подчеркивает, что эта связь более характерна для позднего Ф.И. Тютчева, его же ранее творчество из отечественных поэтов больше всего было связано с В.А. Жуковским [Там же, с.164].

Таким образом, перцептивный образ автора Ф.И. Тютчева, отраженный в картине мира Н.Я. Берковского к моменту интерпретации «Безумия», включал в себя представления о 1) непостоянстве позиции Ф.И. Тютчева, частой смене одной точки зрения другой; 2) общении Ф.И. Тютчева с Шеллингом, отношении к идеям которого у поэта так же не было однозначным; 3) постепенном сближении поэтики Ф.И. Тютчева с поэтикой А.С. Пушкина, но не на первых этапах развития поэзии Ф. И Тютчева.

И опять в ходе рассуждений Н.Я. Берковского о поэзии Ф.И. Тютчева обнаруживается связь между фоновыми знаниями исследователя, перцептивным образом автора и интерпретацией художественного текста. С одной стороны, представления Н.Я. Берковского о Ф.И. Тютчеве, как о колеблющемся в своем отношении к Шеллингу, ведут к тому, что исследователь приходит к выводу, что в «Безумии» выражена критика Ф.И. Тютчевым шеллингианский идей. С другой стороны, данная интерпретация способствует укреплению этих представлений в перцептивном образе автора Ф.И. Тютчева, отраженном в картине мира Н.Я. Берковского, что в дальнейшем ведет к трактовке других стихотворений поэта в этом же ключе. Так, интерпретируя произведение Ф.И. Тютчева «Probleme», Н.Я. Берковский отмечает связь стихотворения с философией Спинозы и пишет: «Раздумья над Спинозой, готовность признать его философию

снова показывают нам, **как было и в стихотворении «Безумие»**, сколь часто сомневался Тютчев в природе по Шеллингу – живой и человекообразной» [Берковский 1985: 176].

Таким образом, наблюдается устойчивая корреляция между фоновыми знаниями реципиента; перцептивным образом автора, отраженным в картине мира интерпретатора и итоговым толкованием текста. С одной стороны, фоновые знания реципиента влияют на то, как будет понято произведение, с другой стороны, данная интерпретация воздействует на формирование перцептивного образа автора, который, становясь фоновым знанием, отражается на дальнейших трактовках произведений этого же автора. Поэтому на процесс формирования даже научной интерпретации активное влияние оказывают не только объективные факторы (свойства самого текста и исторический контекст); но и субъективные (научные интересы исследователя; значимые для него прецедентные тексты; перцептивный образ автора анализируемого текста, отраженный в картине мира ученого).

Выводы по ГЛАВЕ 3

Результаты исследования, приведенные в данной главе, позволяют сделать ряд выводов.

1. Доминирование холистического стиля мышления в языковой личности Ф.И. Тютчева, проявление онтологической сущности слова, а также отражение полипарадигмальной онтологии в его дискурсе оказали влияние на свойства контекстов данного дискурса. Во-первых, они отличаются высокой степенью связанности с экстралингвистическим контекстом. Во-вторых, в них отражается диалогичность языковой личности поэта – ее направленность на другое сознание, которая проявляется через эксплицитно выраженный образ адресата, выстраивание диалогических пар между стихотворениями, а также через размышления над мыслями или произведениями других авторов не в формате абстрактного монологического рассуждения, а в форме диалога.

2. Одной из черт языковой личности Ф.И. Тютчева, отраженной в его поэзии, является разрушение привычных фреймов, изображение ситуации с непривычного ракурса, выявление положительных характеристик у явлений или событий, оцениваемых другими членами социума негативно.

3. В данной диссертации производится реконструкция диалогической личности Ф.И. Тютчева, важными элементами исследования стал анализ переводов поэта, позволивший выявить особенности восприятия, интерпретации и трансформации Ф.И. Тютчевым чужих текстов.

4. Так как к субъектам дискурса, наряду с языковой личностью автора, относится языковая личность читателя, для полноценного исследования поэтического дискурса Ф.И. Тютчева в анализ необходимо включить тексты-реакции на стихотворения поэта. Изучение разных интерпретаций произведений Ф.И. Тютчева и поиск причин их появления подтвердили связь смысла с образом автора, о которой шла речь в первой главе данной диссертации. К причинам появления нескольких трактовок одного текста можно отнести разницу в структуре знаний в сознании интерпретаторов, опору на разные индикаторы и идентификаторы в процессе интерпретации и отличия в стратегии осмысления.

5. В данной главе представлена реконструкция мотивационного уровня по модели языковой личности Ю.Н. Караулова. Этот раздел иллюстрирует преломление картины мира Ф.И. Тютчева в читательском сознании. Дискурс предполагает учет обоих субъектов дискурса – и автора, и читателя.

ГЛАВА 4

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА Ф.И. ТЮТЧЕВА

4.1. Назначение словаря и общее описание его структуры. Отличие проектируемого словаря от существующих словарей по языку Ф.И. Тютчева²

Окказиональное словоупотребление, представленное в произведениях Ф.И. Тютчева и неподдающееся объяснению с точки зрения традиционной лингвистики, а также целостность его поэзии, которая ведет к невозможности трактовать отдельное произведение (и тем более лексему) без информации о других стихотворениях поэта, обуславливают необходимость создания «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева».

Главное назначение данного словаря – предоставление исследователям первичного материала (списка репрезентантов концептов и сведений о них) для дальнейших реконструкции и описания концептов, отраженных в языковой картине мира поэта, а также для объяснения специфичного использования языковых средств через анализ содержательной формы концептов, с которыми данные языковые средства связаны. Обозначенная функция не является единственной, и словарь может быть применен для широкого круга лингвистических и литературоведческих задач.

Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева – это многопараметрический электронный гипертекстовый словарь, предоставляющий исследователям обширную информацию о средствах репрезентации концептов, вербализованных в поэзии Ф.И. Тютчева. Словарь

² Скриншоты, иллюстрирующие устройство демонстрационной версии словаря представлены в приложении А. Для ознакомления с демонстрационной версией словаря в динамике необходимо скачать папку «Материалы к словарю» на Яндекс Диске по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/v51MU0djdRbvfa> В обозначенной папке есть три вложенных папки: «Демонстрационная версия словаря» (содержит страницы сайта); «Видеообзоры» (содержит краткий и подробный видеообзоры словаря); «Скриншоты» (содержит скриншоты страниц сайта). Чтобы открыть сайт, зайдите в папку «Демонстрационная версия словаря» и два раза нажмите левой кнопкой мыши на файл «index», это приведет к открытию начальной страницы словаря в браузере. Если на компьютере нет специального архиватора, после распаковки zip-папки сайт может отображаться некорректно из-за искажения исходных файлов. В этом случае для ознакомления с демонстрационной версией словаря в динамике можно обратиться к видео, расположенным в папке «Видеообзоры». Важно отметить, что представленный вариант словаря не является завершённым продуктом, готовым к использованию, это демонстрационная версия, не являющаяся полной ни с точки зрения наполнения, ни точки зрения доступных в ней функций; ее основное назначение – визуализация проекта будущего словаря.

содержит не только большой объем сведений, но и ряд инструментов для выделения тех блоков информации, которые нужны в конкретном исследовании. Гибкая форма словаря позволяет настроить содержащийся в нем материал под задачи конкретного исследования благодаря обширной системе фильтров.

Словарь строится на следующих принципах:

- 1) холистический подход;
- 2) учет связи языка и мышления;
- 3) междисциплинарный подход;
- 4) стремление к абсолютной полноте словника.

Основное назначение словаря определило его структуру. Главная цель словаря – изучение концептов в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева, функционально-когнитивный словарь включает в себя пять частей, каждая из них связана с двумя этапами изучения концептов (с формированием системы репрезентантов концепта и с описанием образных, категориальных, оценочных и символических признаков концепта через контекстуальный анализ средств репрезентации данного концепта):

- 1) регистрирующий словарь репрезентантов концептов;
- 2) частотный конкорданс;
- 3) словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов;
- 4) словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов;
- 5) пунктуационный конкорданс.

Каждая из данных частей позволяет раскрыть какие-то отдельные аспекты индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева и особенностей его поэзии.

Функционально-когнитивный словарь является словарем регистрирующего типа полным с точки зрения словника, так как при его составлении учитывались и основной текст, и варианты всех стихотворений поэта на русском языке, представленных в следующем издании: *Тютчев Федор Иванович (1803-1873). Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. Т.1. / Ф.И. Тютчев; [Сост., подгот.*

текстов, коммент. В.Н. Касаткина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Классика, 2002 – 2005].

Словарь направлен не на объяснение употребляемых поэтом слов или репрезентированных в его поэзии концептов, а на предоставление исследователям материалов для их собственных научных описаний, поэтому в большинстве случаев материалы в словаре даются без интерпретации. Исключение составляют некоторые статьи частотного конкорданса, в которых появляется объяснительный компонент в ситуациях, когда необходимо дать сведения историко-культурного характера или объяснить использование слов, употреблявшихся в общелитературном языке XIX века в значении отличном от современного языка. Поэтому с точки зрения представленных в словаре значений он является дифференциальным.

В настоящий момент уже существует несколько монографических словарей, посвященных поэтическому языку Ф.И. Тютчева:

1. Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф.И. Тютчева [Орехов 2004].
2. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева А-Я [Конкорданс полного собрания стихотворений 2013].
3. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева [Голованевский 2009].
4. Словарь рифм Ф.И. Тютчева [Киселева 2004].
5. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф.И. Тютчева [Частотный словарь-конкорданс 2006].

Кроме того, есть ряд сводных словарей, в которых тоже репрезентирован язык Ф.И. Тютчева:

1. Ассоциативно-концептуальный словарь художественных деталей русской литературы XIX века (А.Н. Островский, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев) Учеб. пособие для учителей рус. яз. и лит. и учащихся общеобразоват. шк. и сред. спец. учеб. Заведений [Шуралев 2003].
2. Словарь русских масонов. Табаровский – Тютчев [Киселев 1935].
3. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря [Бобунова 2005].

Поэтому важно сказать, чем данный словарь отличается от обозначенных выше вариантов. От второй группы словарей «Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева» отличается охватом авторов, так как является монографическим.

Что касается первой группы словарей, то от «Идеографического словаря языка французских стихотворений Ф.И. Тютчева» Б.В. Орехова репрезентируемый словарь отличается материалом, так как в нем в качестве анализируемых текстов выступают стихотворения Ф.И. Тютчева на русском языке.

Между «Поэтическим словарем Ф.И. Тютчева» (составитель А.Л. Голованевский) и предлагаемым в данной работе словарем разница заключается в их цели: первый относится к объяснительным словарям, второй – к регистрирующим.

Одним из элементов «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» является «Частотный конкорданс», близкий по своему наполнению к «Частотному словарю-конкордансу словоформ языка Ф.И. Тютчева» (составители А. Белов и Б. Орехов) и к «Конкордансу полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева. А–Я» А.В. Антюховой. Но в отличие от словаря А. Белова и Б. Орехова в качестве заголовочной единицы здесь выступает лексема, а не отдельная словоформа.

От конкорданса А.В. Антюховой представляемый словарь отличается расширенным объемом контекстов (в варианте А.В. Антюховой контекст равен одной строке; в репрезентируемом словаре приводятся контексты, достаточные для понимания смысла анализируемой лексемы). Кроме того, при формировании «Частотного словаря» в составе «Функционально-когнитивного словаря...» учитывались разные редакции и варианты стихотворений.

В состав «Функционально-когнитивного словаря...» входит и регистрация рифм, встречающихся в поэзии Ф.И. Тютчева, но в отличие от «Словаря рифм Ф.И. Тютчева» И.А. Киселевой, Л.Е. Петровой, и С.Л. Саломатиной данная информация представляется здесь не изолировано, а как часть более широкого

описания синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов.

4.2. Структура «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева»

4.2.1. Регистрирующий словарь репрезентантов концептов

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов – это идеографический словарь, в котором представлен список репрезентированных в поэзии Ф.И. Тютчева концептов с информацией о количестве их вербализаций и со списком языковых средств их материализации. В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают лексемы, номинирующие тот или иной концепт, единицы можно расположить в алфавитном порядке либо по количеству репрезентаций от наиболее частотных к наименее частотным.

Рядом с заголовочной единицей в скобках дается информация о количестве репрезентаций данного концепта в поэзии Ф.И. Тютчева, а ниже представлены средства языковой репрезентации изучаемого концепта, разделенные на две группы: 1) лексем-репрезентанты и 2) контексты, репрезентирующие концепт (рядом с каждой группы в круглых скобках указано количество единиц, представленных в группе).

Например, среди вербализаторов концепта ‘память’ есть как отдельные лексем (среди которых, наряду с общеязыковыми *воспоминание, память, помнить* и т.д. встречаются и специфические: *заря, мечтать, призрак, тень*), так и целые контексты: «На краткий миг в сердечном упоенье // Я жребий свой невольно забывал // (Минутное, но сладкое забвенье!), // **К протекшему душою улетал**»; «О, как тогда с земного круга // Душой к бессмертному летим! // **Минувшее, как призрак друга, // Прижать к груди своей хотим**»; «Давно ль умолк Перун его побед, // **И гул от них стоит доселе в мире...**». Актуализация концепта ‘память’ в таких контекстах обычно осуществляется по следующим механизмам: 1) через указание на активацию образов прошлого в ментальном мире человека; 2) через указание последствий действий, которые уже

закончились; 3) через описание эмоций, связанных с прошлым опытом и возникающих при контакте с каким-то артефактом.

В группе «лексемы-репрезентанты» единицы расположены по частоте контекстов, в которых они репрезентируют данный концепт (от наиболее частотных к наименее частотным). Лексемы даются в начальной форме, для более подробного изучения каждой лексемы-вербализатора (анализа грамматических форм; получения информации о количестве словоупотреблений; изучения контекстов, в которых встречаются эти слова и т.д.) исследователю необходимо перейти на страницу «Частотный конкорданс» или на страницу «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений».

Рядом с каждой лексемой в круглых скобках дается информация о количестве контекстов, в которых она репрезентирует данный концепт. Важно отметить, что в «Регистрирующем словаре репрезентантов концептов» указывается не общее количество вхождений лексемы, а лишь ситуации, где эта лексема репрезентирует конкретный концепт. Например, лексема *тень* в стихотворениях Ф.И. Тютчева насчитывает 110 употреблений, но только в 11 контекстах она выступает как вербализатор концепта 'память', поэтому в «Регистрирующем словаре репрезентантов концептов» в статье «Память» рядом со словом *тень* указана цифра «11».

В группе «контексты, репрезентирующие концепт», контексты располагаются в хронологическом порядке. Если стихотворение, из которого взят контекст, существует в нескольких вариантах, все варианты данного произведения идут подряд (от самого раннего к самому позднему). Касательно объема контекстов, в словаре изначально дается минимальный фрагмент, из которого можно извлечь смысл, однако при необходимости анализа в более широком контексте исследователь может кликнуть левой кнопкой мыши на значок «<...>», в таком случае откроется диалоговое окно с полным текстом стихотворения. Внизу под контекстом в круглых скобках содержится информация о названии произведения, из которого взят контекст, и о дате появления конкретного варианта стихотворения (если она установлена). Далее в угловых

скобках сообщается, к какой группе относится данное произведение: оригинальные произведения Ф.И. Тютчева или переводы, написанные Ф.И. Тютчевым; во второй группе выделяются несколько типов: адекватный перевод, вольный перевод, вариация, произведение по мотивам. В этих же угловых скобках уточняется, из какого раздела в Полном собрании сочинений был взят данный контекст из основного текста или из раздела «Другие редакции и варианты».

Регистрирующий словарь концептов Ф.И. Тютчева позволяет составить представление о концептах, встречающихся в его поэзии, и о том, какие из них вербализуются в его стихотворениях наиболее часто. Кроме того, словарь дает первичный материал для дальнейшей реконструкции и подробного описания содержательной формы каждого концепта – информацию о средствах языковой репрезентации анализируемого концепта.

4.2.2. Частотный конкорданс

Данный словарь является продолжением регистрирующего словаря концептов и позволяет исследователю продолжить работу над реконструкцией того или иного концепта. После того как ученый получит информацию об основных средствах вербализации анализируемого концепта, он, используя частотный конкорданс, может перейти к реконструкции содержательной формы концепта через анализ коллокатов, окружающих лексемы, выступающие в качестве вербализаторов этого концепта.

Конкорданс может быть использован и для других задач, так как в его состав входят все лексические единицы, встречающиеся в произведениях поэта, включая служебные слова.

Словарная статья в частотном конкордансе репрезентантов концепта имеет сложную структуру. В качестве основной заголовочной единицы здесь выступает слово в начальной форме, рядом с ним в круглых скобках указывается общее количество словоупотреблений данного слова в поэзии Ф.И. Тютчева. Слова можно расположить в алфавитном порядке или по количеству

словоупотреблений. Ниже заголовочного слова идут словарные статьи, посвященные всем употребленным в стихотворениях поэта словоформам данного слова.

Причастия и деепричастия рассматриваются как словоформы глагола, краткие прилагательные (при наличии полной формы) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени – как словоформы полных прилагательных, наречия в сравнительной и превосходной степени – как словоформы наречий.

Словоформы располагаются по частоте вхождений от наиболее частотных к наименее частотным. Словарная статья каждой словоформы включает в себя следующие зоны:

- 1) заголовочная единица – словоформа;
- 2) грамматические пометы (в квадратных скобках рядом со словоформой) (таблица 20);

Таблица 20. Список сокращений грамматических помет

Сокращение	Полное наименование
<i>1 (2 / 3) л.</i>	1 (2 / 3) лицо
<i>дат. п.</i>	дательный падеж
<i>действит.</i>	действительное
<i>ед.ч.</i>	единственное число
<i>им.п.</i>	именительный падеж
<i>буд.вр.</i>	будущее время
<i>вин.п.</i>	винительный падеж
<i>гл.</i>	глагол
<i>межд.</i>	междометие
<i>мест.</i>	местоимение
<i>мн.ч.</i>	множественное число
<i>нар.</i>	наречие
<i>наст. вр.</i>	настоящее время
<i>несоверш. Вид</i>	несовершенный вид
<i>образ. дейст.</i>	образа действия

<i>повелит. накл.</i>	повелительное наклонение
<i>предл.</i>	предлог
<i>пр. п.</i>	предложный падеж
<i>прил.</i>	прилагательное
<i>прош. вр.</i>	прошедшее время
<i>род. п.</i>	родительный падеж
<i>соверш. в.</i>	совершенный вид
<i>с.</i>	союз
<i>страд.</i>	страдательное
<i>сущ.</i>	существительное
<i>тв. п.</i>	творительный падеж
<i>част.</i>	частица
<i>числ.</i>	числительное

3) информация о количестве словоупотреблений данной словоформы (в круглых скобках после грамматической информации);

4) контексты (представлены ниже словоформы в хронологическом порядке);

5) историко-культурный комментарий и объяснение значения устаревших слов, а также слов, употреблявшихся в общелитературном языке XIX века в значении отличном от современного (факультативная зона, всплывает в виде диалогового окна при нажатии на словоформу в контексте);

6) адрес контекста – название произведения и дата публикации конкретного варианта (дается в круглых скобках после контекста);

7) слепометы³ (в угловых скобках после адреса);

8) наименование репрезентируемого концепта (факультативная зона, в квадратных скобках) – данная зона нужна в связи с тем, что одна и та же языковая единица может репрезентировать несколько концептов.

Послепометы к контекстам можно разделить на несколько групп (таблица 21).

³ Послепомета – помета к контексту, указывающая на употребление слов в сильных позициях, сдвиг смысла в границах контекста и т.п. [Шестакова 2011: 91-92].

Таблица 21. Список сокращений послепомет

Тип послепометы	Название	Сокращение
источник контекста	основной текст	осн. т.
	вариант с отличным словом	ВОС
	вариант со словом, присутствующем в основном тексте	ВСОТ
	вариант со словом, присутствующим в основном тексте, но с другой словоформой	ВДСФ
оригинальность произведения	оригинальное стихотворение	ориг.ст.
	адекватный перевод	пер.
	вольный перевод	вольн. пер.
	вариация	вариац.
	переложение	перелож.
указывающие на употребление слова в сильной позиции	заголовок	загл.
	подзаголовок	подзагл.
	Рифма	рифм.
	начало строки	нач.
	конец строки (для слов без рифмы)	кон.
стилистические (при появлении дополнительных стилистических характеристик у слова под влиянием контекста и при использовании художественных приемов)	метафора	метаф.
	сравнение	срав.
	творительное сравнение	тв. срав
	олицетворение	олиц.
	мифологическая картина мира	мифол.
	инверсия	инв.
указание на чужую речь	Повтор	повт.
	Цитата	цит.
	герой ролевой лирики	ГРЛ

Одной из проблем при составлении словаря был вопрос о включении слов и контекстов, отраженных в вариантах стихотворений Ф.И. Тютчева. В варианте может появиться слово или словоформа, отсутствующая в основном тексте стихотворения, либо присутствующая в основном тексте лексема может попасть в иное окружение и притянуть к себе другие ассоциаты, поэтому в словник данного частотного конкорданса входят слова и контексты не только из основного текста, но и из вариантов. Однако для удобства исследователя после каждого контекста, в котором данная словоформа встречается, идет послепомета с информацией о том, откуда взят контекст: 1) из основного текста, 2) из варианта, в котором появляется слово, отсутствующие в основном тексте (например, в одном из вариантов перевода Ф.И. Тютчева «Из «Фауста» Гете» встречается слово *хлябь*, не представленное в других вариантах и в основном тексте), 3) из варианта, в

котором вербализуется лексема, встречающаяся в основном тексте, но окруженная в нем другими словами, 4) из варианта в котором отражено слово, присутствующие в основном тексте, но в другой форме.

Учет вариантов может помочь при определении того, какой концепт лексема репрезентирует в том или ином контексте. Например, в следующем фрагменте затруднительно наверняка определить, какой концепт репрезентирован через лексему «тень» в первой строке: «И ум людей великой **тенью** полн // А тень твоя, скитаясь в крае диком, // Чужда всему, внимая шуму волн, // И тешится морских пернатых криком», так как данное слово является частотным в поэзии Ф.И. Тютчева и выступает в качестве репрезентанта большого количества концептов, среди которых: ‘грусть’, ‘душа умершего’, ‘иллюзия’, ‘память’, ‘смерть’, ‘темнота’, ‘тень (физическое явление)’. В анализируемом контексте есть указание на то, что «тень» находится в уме людей, что свидетельствует о том, что в данном случае могут быть актуализировано два концепта из приведенного списка: ‘грусть’ и ‘память’. «Тень» охарактеризована прилагательным *великий*, которое в русском языке является многозначным и в данном контексте может быть интерпретирован двояко. С одной стороны, речь в данном стихотворении идет о Наполеоне, здесь «слово» *великий* может быть интерпретировано как «известный». С другой – данная лексема может употребляться и в значении ‘очень большой’.

В первом случае, в контексте репрезентирован концепт ‘память’, в нем содержится информации о хранении тени как ментальной репрезентации реального человека (Наполеона) в сознании людей в то время, когда данный человек уже был мертв. Во втором случае, наиболее вероятной в анализируемом фрагменте представляется вербализация концепта ‘грусть’, тогда эпитет *великая* является оценкой интенсивности данной эмоции.

Ситуация проясняется при учете в данном анализе других редакций и вариантов стихотворения. При публикации в «Галатее» в 1829 году был представлен следующий вариант стихотворения: «И ум людей твоею тенью поли // А тень твоя, скитаясь в крае диком, // Чужда всему, внимая шуму волн, // И

тешится морских пернатых криком», здесь неоднозначное прилагательное «великий» заменено на местоимение твой, и, так как стихотворение называется «Могила Наполеона», очевидно, что это обращение к данному французскому деятелю. Следовательно, в приведенном фрагменте все же идет речь о хранении в сознании ментальной информации об умершем деятеле и репрезентирован концепт 'память'.

Влияет учет вариантов и на описание признаков уже выявленного концепта. Так, например, в следующем фрагменте стихотворения «17 апреля 1818» в варианте, представленном в полном собрании сочинений в качестве основного текста, предикатом к лексеме *воспоминанье* выступает глагол *посетить*: «С тех пор **воспоминанье** это // В душе моей согрето // Так благодатно и так мило – // В теченье стольких лет не изменив жило, // И ныне, в ранний утра час, // Оно все так же дорого и мило, // Мой одр печальный **посетило**». Данный предикат позволяет выделить такой категориальный признак концепта 'память' в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева, как 'непостоянство', подтверждает это и использование поэтом в качестве репрезентанта концепта 'память' лексемы *гость*, которая подчеркивает, что воспоминания не являются нашими постоянными спутниками, а могут навещать нас в отдельные моменты: «**О бедный призрак, немощный и смутный, // Забытого, загадочного счастья! ...** // О, как теперь без веры и участия // Смотрю я на тебя, мой **гость минутный**, // Куда как чужд ты стал в моих глазах, // Как брат меньшей, умерший в пеленах...»

Однако в одном из автографов произведения «17 апреля 1818» вместо глагола *посетить* использован глагол *осиять*, репрезентирующий образный признак концепта 'память' – 'свет': «С тех пор **воспоминанье** это // Всю жизнь в душе согрето // Всю жизнь насквозь, насквозь, насквозь, // Меня, как верный спутник, провожало // И нынче, в ранний утра час, // Оно еще, как столько раз, // Оно мою всю душу **осияло**».

Все это свидетельствует о необходимости учета разных редакций и вариантов, для составления полноценного описания картины мира Ф.И. Тютчева.

Но, если исследователь считает, что для его работы варианты стихотворений не представляют значимости, а их учет приведет к искажению информации о количестве словоупотреблений, он может их скрыть с помощью фильтров.

Фильтры позволяют решить и ряд других проблем. Например, можно вывести контексты из произведений, написанных в определенный период; выбрать конкретные части речи или грамматические формы для изучения или наоборот исключить мешающие части речи и грамматические формы.

Имена собственные включены в основной словарь, чтобы у исследователей была возможность изучить их не только отдельно, но и в соотношении с другими лексическими единицами, однако при необходимости фильтры позволяют изучить данную группу слов изолированно, то же касается и неологизмов. Включены в словарь и иностранные слова, написанные латиницей, присутствующие в стихотворениях Ф.И. Тютчева на русском языке, но при необходимости они тоже могут быть исключены при помощи фильтров.

Также для изучения лексем-вербализаторов конкретного концепта исследователь может в фильтрах выбрать интересующий его концепт, в таком случае словарь выдаст информацию только о тех контекстах, в которых данный концепт вербализован.

4.2.3. Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений

Этот словарь представляет собой результат первичной обработки данных, отраженных в частотном конкордансе репрезентантов концептов, и содержит в себе информацию о синтагматических связях и парадигматических отношениях, в которые вступает каждая лексема-репрезентант.

Словарная статья здесь имеет следующую структуру:

- 1) Заголовочная единица – слово в начальной форме;
- 2) Раздел «Коллокаты» транслирует список слов, которые появляются в ближайшем окружении заголовочной единицы не менее двух раз (если слово в поэзии Ф.И. Тютчева имеет 1 употребление, в разделе коллокаты указываются все единицы из ближайшего окружения лексем);

3) Раздел «Синтагматические связи» иллюстрирует, в какие конструкции входит слово;

4) В разделе «Рифмы» содержится информация обо всех словах, которые выступают в качестве рифмы к заголовочной единице, и сообщается количество вхождений каждой рифмы.

5) Раздел «Однокоренные слова» отражает информацию о словообразовательном гнезде, частью которого является заголовочная единица, и ее месте в нем (указываются только те слова, которые встречаются в стихотворениях Ф.И. Тютчева).

Основная задача данного раздела – упростить первичный анализ контекстов, представленных в полном конкордансе. Так, согласно данным полного конкорданса, лексема *виденье* в произведениях Ф.И. Тютчева имеет 13 употреблений. А «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов» иллюстрирует, что 1) в 4 контекстах данная лексема употреблена в сильной позиции – в рифме, в качестве рифм к слову *виденье* выступают следующие словоформы: *выраженья, мгновенья, онеменья, тенью*; 2) к номинанту «видение» притягиваются такие ассоциаты, как *сон, темнота, вода*; 3) лексема *видение* обладает высокой валентностью и выступает в качестве элемента большого количества словосочетаний; 4) словообразовательное гнездо, в состав которого входит данное слово, также представлено широким спектром единиц, отраженных в произведениях поэта (*видеть, сновиденье, вид, невидимка, свидание, свидетель, провидеть, провиденье, увидеть, увидеться, завидеть, предвидеть*).

4.2.4. Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов

При анализе языковой картины мира важно обращать внимание не только на отдельные лексемы, свойственные для данной языковой личности, но и на устойчивые конструкции и сочетания слов, повторяющиеся в ее речи и иллюстрирующие фрагменты индивидуально-авторской картины мира и характеристики языковой личности. Описанию таких устойчивых конструкций и

сочетаний слов в стихотворениях Ф.И. Тютчева и посвящен данный раздел словаря.

Структура словарной статьи здесь похожа на ту, что отражена в частотном конкордансе репрезентантов концепта:

- 1) заголовочная единица, представленная устойчивым в поэзии Ф.И. Тютчева сочетанием слов – формулой;
- 2) информация о количестве вхождений (рядом с заголовочной единицей в круглых скобках);
- 3) список контекстов в хронологическом порядке (ниже заголовочной единицы);
- 4) адрес с информацией о названии произведения и дате публикации (в круглых скобках после каждого контекста);
- 5) слепомета, комментирующая, откуда взят контекст: а) из оригинального произведения или из перевода; б) из основного текста или из варианта (в угловых скобках после адреса).

Данный словарь направлен исключительно на регистрацию обозначенных явлений, поэтому здесь варианты учитываются только в том случае, если рассматриваемая формула отсутствует в основном тексте.

Устойчивые конструкции и сочетания слов в поэзии Ф.И. Тютчева подтверждают некоторые из тех характеристик его языковой личности, о которых было сказано в предыдущих главах. Например, неоднократное появление конструкций «смотри, как» и «ты скажешь» свидетельствуют о диалогичности языковой личности поэта и его нацеленности на другое сознание.

4.2.5. Пунктуационный конкорданс

Пунктуационный конкорданс регистрирует контексты употребления всех знаков препинания, встречающихся в поэзии Ф.И. Тютчева, и позволяет взглянуть на авторскую пунктуацию не только как на средство акцентирования, усиления и выделения компонентов текста, но и как на один из инструментов моделирования творческим сознанием авторского видения мира. Кроме того, данный словарь

предоставляет материал для анализа семантического наполнения знаков препинания в художественном произведении.

В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают знаки препинания, встречающиеся в стихотворениях Ф.И. Тютчева. Ниже в хронологическом порядке даются все контексты, где данный знак препинания был употреблен поэтом. После каждого контекста в угловых скобках дается информация о том, откуда взят контекст (а) из оригинального стихотворения или из перевода; б) из основного текста или из варианта со специфической пунктуацией).

Учет вариантов в данном словаре также представляется важным, так как он позволяет проследить ход развития авторской мысли и заметить изменения в эмоциональном наполнении стихотворения под влиянием корректировки пунктуации.

Например, анализ вариантов тютчевского перевода стихотворения И.В. Гетте «GeistesgruВ» («Приветствие духа» – нем.) свидетельствует о кропотливой работе Ф.И. Тютчева над русским вариантом немецкого произведения. Наряду с лексикой переработке подвергся и синтаксис. Для удобства сопоставления представим данные стихотворения в таблице и выделим отличающиеся знаки препинания (таблица 22):

Таблица 22. Сопоставление вариантов стихотворения «Приветствие духа»

Беловой автограф	Первая публикация
На старой башне одинок, Дух Рыцаря стоит – И лишь завидит он челнок, Приветам огласит: –	На старой башне, у реки, Дух Рыцаря стоит – И, лишь завидит челноки, Приветом их дарит:
Играла жизнь и в сей груди – Кулак был из свинца – И богатырский мозг в кости И кубок до конца ...	«Кипела кровь и в сей груди, Кулак был из свинца, И богатырский мозг в кости, И кубок до конца!
Пробушеввал полжизни я – Полжизни провололок... А ты, плыви, плыви, ладья, Куда несет поток.	Пробушеввал полжизни я, Другую провололок – А ты плыви, плыви, ладья, Куда несет поток!»

Во-первых, в варианте, представленном в первой публикации, появляются кавычки, подчеркивающие отделение двух форм лирического субъекта: имплицитного образа автора и героя ролевой лирики. Во-вторых, тире в первых двух строках второй строфы заменяются запятыми, а многоточие в четвертой строке второй строфы заменяется восклицательным знаком. Знаки третьей строфы тоже изменены: тире после первой строфы заменяется запятой, многоточие во второй строке заменяется тире, а точка заменяется восклицательным знаком.

Данные поправки ведут к изменению интонационного рисунка стихотворения и, как следствие, к изменению эмоциональной модальности, репрезентированной в нем. Тире и многоточие требуют больших пауз, которые, возникая почти после каждой строки, способствуют трансляции эмоции разочарования в прожитой жизни. А точка в конце стихотворения ведет к прочтению последней строки спокойной интонацией, подчеркивающей огорчение героя ролевой лирики своей жизнью и безразличие новой жизни к прошлым событиям: несмотря на то, что сообщает нам рыцарь, челнок продолжит плыть по течению.

Замена тире и многоточий на запятые увеличивает динамику стихотворения и повышает эмоциональность стихотворения, способствуют этому и восклицательные знаки. А употребление восклицательного знака в последнем предложении стихотворения подчеркивает деонтическую модальность, выраженную глаголом в повелительном наклонении, и делает призыв более эмоциональным. Если в первом варианте (с точкой) в последней строке скорее звучит обида рыцаря на безразличие плывущих мимо челноков, то во втором случае (с восклицательным знаком) последняя строка может быть интерпретирована, как предостережение. Подчеркивает данное изменение и тире в последней строфе. В первом случае оно выступает как разделитель в противопоставлении, в котором сравнивается первая половина жизни рыцаря и вторая. Во втором случае компонентами сопоставления становятся жизнь рыцаря и новая жизнь, безразличная к прошлому.

4.3. Проект по составлению «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» и информация о демонстрационной версии словаря

Несмотря на то, что первой частью будущего словаря является «Регистрирующий словарь репрезентант концептов», начать работу над формированием полной версии «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» не представляется возможным, так как далеко не всегда можно сразу определить, какой концепт данная лексема репрезентирует в том или ином контексте. Кроме того, для интерпретации отдельного произведения в поэзии Ф.И. Тютчева почти всегда нужно иметь представление о всей его поэзии.

Систематизировать данные представления и статистически обработать их позволит «Частотный конкорданс». Когда все лексемы, отраженные в поэзии Ф.И. Тютчева, будут внесены в данную часть словаря и размечены при помощи фильтров, включенных в его систему, всего в несколько кликов можно будет выделить репрезентанты каждого концепта, после чего эта информация может быть перенесена в «Регистрирующий словарь репрезентантов концептов».

На базе «Частотного конкорданса» планируется и создание «Словаря синтагматических связей и парадигматических отношений». Последний, в свою очередь, позволит обнаружить устойчивые сочетания слов, которые войдут в «Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов». Таким образом «Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева» может быть охарактеризован, как самоконструирующийся словарь, в котором каждый элемент служит фундаментом для следующего элемента. Единственное звено словаря, формируемое независимо, – «Пунктуационный конкорданс».

В демонстрационной версии «Функционально когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева» в качестве примера представлены сведения о репрезентантах концептов 'память' и 'забвение'. Для их выявления и анализа из всех стихотворений Ф.И. Тютчева на русском языке, в авторстве которых нет

сомнений, а также из их вариантов методом сплошной выборки было отобрано 486 контекстов, в которых употреблялись репрезентанты концептов 'забвение' и 'память'. Дополнительно к методу случайной выборки было отобрано 75 контекстов, в которых встречаются повторяющиеся конструкции и сочетания слов.

При формировании статистической информации, представленной в демонстрационной версии словаря, учитывались все указанные контексты, однако репрезентирована на сайте только часть из них. С полной картотекой единиц, представленных на сайте, включающей все анализируемые контексты, можно ознакомиться в приложении Б.

Выводы по ГЛАВЕ 4

Таким образом, методика составления словаря, описанного в главе, направлена на создание авторского словаря нового типа, в котором слово характеризуется не только как единица языковой системы, но и как вербализатор ментального пространства языковой личности. Обозначенная цель требует комплексного описания слов, раскрывающего специфику их функционирования в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева, что делает необходимым составление **интегративного** словаря, включающего пять частей, каждая из которых содержит материал об определенном аспекте изучения слова.

«Регистрирующий словарь репрезентантов концептов» – часть, направленная на иллюстрацию связи лексем с концептами, которые через них вербализуются. «Частотный конкорданс» и «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений» содержат материал, позволяющий исследователям осуществить контекстуальный анализ лексем-вербализаторов для выявления образных и символических признаков концептов. «Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов» отражает данные, направленные на реконструкцию стереотипных связей в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева. «Пунктуационный конкорданс» – инструмент для анализа пунктуации как способа репрезентации категориальных структур сознания поэта.

Проектируемый словарь является функционально-когнитивным, то есть его материал направлен на предоставление исследователям информации о **рефлексирующей** языковой личности Ф.И. Тютчева, поэтому в качестве источника для формирования словника использовались разные редакции и варианты одного и того же стихотворения, чтобы представить процесс развития авторской мысли и описать **слово как дискурсивный феномен**. Концепты, зафиксированные в словаре, отражают проявление онтологической сущности слова в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева.

Так как данный словарь планируется ориентированным на широкий круг филологических задач и является электронным в него встроена система фильтров, которая делает его форму гибкой, настраиваемой под задачи конкретного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Онтологическая сущность слова в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева выступает в качестве смысловой константы и обеспечивает единство всех контекстов, а психо-гносеологическая природа слова способствует появлению смысловых расширений за счет наложения субъективных компонентов на объективное (интерсубъектное) ядро.

В процессе дискурсивного анализа произведений Ф.И. Тютчева были выявлены способы смыслового расширения, используемые поэтом:

1. использование в поэтическом дискурсе символов – результат вторичной семиотической системы («знак в знаке»), в которой символизируемое – это содержательная форма концепта (его воплощение в знаковой форме), а символизирующее – это уже готовый знак со своим означаемым и означающим (сверхзначимая форма); за счет этого расширяются возможности смысловой интерпретации;

2. «теснота стихового ряда», приводящая к взаимодействию семантических объемов слов;

3. автопрецедентность выступает как маркер интертекстуальности, обеспечивает смыслообмен между текстами Ф.И. Тютчева;

4. смысловая интеракция между горизонтальным контекстом поэта и интертекстом / прототекстом (вертикальным контекстом);

5. читатель (реципиент) – активный участник процесса интерпретации, оказывающий влияние на формируемый в ходе этого процесса смысл: процедура понимания представляет собой «смыслообмен» между авторской и читательской рефлексией.

Категория смысла в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева – основной, обязательный (системообразующий) компонент категории «образ автора», он выступает как **дискурсообразующий феномен**. Смысл – динамическая категория, проявляющаяся *на трех уровнях – ментальном* (концепт как смысловая константа), *языковом* (в полевой структуре значения в интенционале, как родо-видовые признаки значения, и в импликационале,

представляющем собой скрытую смысловую потенциосферу) и *дискурсивном* (смысловые константы – отправная точка для дальнейших смысловых расширений, конструирование смысловых приращений). Смысловые константы задают определенный вектор смыслопорождения и обеспечивают возможность понимания между коммуникантами. На это объективное содержание «накладываются» субъективные смыслы, формируя смысловые расширения и трансформируя исходный ядерный компонент в результате интеракции между интенциональным (образ, который автор хочет сформировать в сознании реципиента, персона в концепции К.Г. Юнга, маска языковой личности, стоящей за текстом) и перцептивным (образ, который отражается в сознании читателя, проекция, обусловленная не только и даже не столько свойствами самого текста, сколько картиной мира реципиента). Средствами отражения интенционального образа автора становится категория предикативности, представленная модальностью (генерализованной и специфической), персональностью и темпоральностью.

Предпосылкой для формирования интенционального и перцептивного образов автора являются языковые личности автора и читателя. Языковая личность (ЯЛ) Ф.И. Тютчева проявила себя как сложный полипарадигмальный конструкт, включающий в себя разные ипостаси, выражающиеся с разной степенью интенсивности в конкретных ситуациях. Ядерное содержание ЯЛ – это смысловой стержень, который предполагает многообразие смысловой спецификации, проявляющейся в разных ипостасях гиперонима ЯЛ. Диалогическая и монологическая языковые личности определяются ролью человека в дискурсе, который может в большей степени выступать как субъект текстопорождения или как субъект восприятия. Обе ипостаси включают в себя дискурсивную и коммуникативную языковые личности, различающиеся ролью в общении: ЯЛ просто создатель текста или полноправный участник процесса общения. Важно отметить, что перечисленные ипостаси всегда существуют в диалектическом единстве, в конкретной ситуации какая-то из них выходит на

первый план. Существование всех ипостасей в единстве обусловлено рефлексивностью сознания ЯЛ.

В результате исследования было установлено, что Ф.И. Тютчев, являясь рефлексирующей языковой личностью, использует в своих текстах все пять форм выражения лирического субъекта: эксплицитный образ автора, имплицитный образ автора, лирическое «я», лирический герой, герой ролевой лирики. В качестве основного средства переключения между формами выражения лирического субъекта выступает категория модальности, которая становится репрезентантом не только «субъективности», но и «субъектности»: Ф.И. Тютчев наделяет других людей, а в некоторых контекстах животных и явления природы собственным голосом, транслирующим их картину мира и мировоззренческие установки. Это свидетельствует о том, что образ автора выступает как **структуро- и смыслообразующий стержень** тютчевского текстового пространства, смысловые константы которого как центростремительные и центробежные векторы создают **сложную в смысловом отношении полифоническую композицию тютчевского дискурса**.

Слово в когнитивно-дискурсивном подходе рассматривается как **онтологический вербализатор фрагментов картины мира** (отражения предметного мира в ментальных структурах человека) и **мировоззрения** (отражения предметного мира, дополненное ценностной характеристикой). Анализ имплицитной сферы тютчевского дискурса, представленного в семантическом пласте так называемой «ночной поэтики», показал, что в дискурсе Ф.И. Тютчева выделяются **концептуально значимые лексемы-вербализаторы онтологического смысла: ночь, бездна, смерть, одиночество, сон**. Они в рамках дискурса поэта проявляют и онтологическую сущность, и психогносеологическую природу и выступают в качестве компонентов полипарадигмальной сети, в которой одна и та же семантическая константа изображается через мировоззренческую парадигму разных субъектов, транслирует их картины мира и подтверждает сложную структуру слова.

Определение феноменологического статуса холистического стиля мышления в поэтической картине мира Ф.И. Тютчева и представление его специфики в рамках полипарадигмальности и когнитивно-семантической объемности дискурса позволило достигнуть заданную в начале исследования **цель**: кажущаяся калейдоскопичность поэтической картины мира поэта – свидетельство ее сложной структурно-смысловой организации.

Гипотеза исследования была подтверждена анализом значительного количества тютчевских контекстов. Формированию в поэтическом дискурсе полипарадигмальной онтологии с детерминированным логико-онтологическим компонентом и психо-гносеологическим (вероятностным) компонентом в их диалектическом единстве способствует холистический стиль мышления автора, который определяет возможность целостного восприятия и описания познаваемого мира, что ведет к соединению в пределах одной индивидуально-авторской картины мира элементов нескольких национальных картин мира. В данной концепции учитывается влияние субъекта познания на результат этого познания. Чтобы приблизиться к онтологической сущности вещи, необходимо сложить все точки зрения на эту вещь (её проекции в разных картинах мира и мировоззренческих парадигмах).

Практический результат диссертационного исследования – разработка демонстрационной версии словаря интегративного типа, принципы построения которого были определены на основе проявления онтологической оплотненности смысла в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева и включили следующие положения: 1) холистический подход; 2) учет связи языка и мышления; 3) междисциплинарный подход; 4) стремление к абсолютной полноте словника.

На основе разработанной концепции и собранного материала была подготовлена демонстрационная версия «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева». С материалами словаря можно ознакомиться в приложениях к данной диссертации (приложение А, приложение Б) и в папке на Яндекс Диске по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/v5IMU0djdRbvfa> Данный словарь позволит применить холистический подход к поэзии Ф.И. Тютчева, через анализ

его поэтического языка с разных сторон и предоставит возможность сформировать объемное и целостное представление о языковой личности, индивидуально-авторской картине мира и идиостиле Ф.И. Тютчева.

Словарь должен стать удобным инструментом, который позволит ускорить процесс анализа концептов, отраженных в индивидуально-авторской картине мира поэта, снимет с исследователя рутинные задачи по отбору материала и позволит переключиться на решение творческих вопросов, связанных с описанием концептов как в динамике (через анализ содержательных форм концепта), так и в статике (через выявление мотивационных, образных, категориальных и символических признаков концептов).

Междисциплинарный принцип построения словаря позволит сделать его удобной платформой для широкого круга лингвистических и литературоведческих задач за счет широкой системы фильтров, делающих структуру сайта гибкой – настраиваемой для конкретного исследования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с реализацией следующих задач:

1. Создание готового варианта «Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И. Тютчева», которое предполагает командную работу лингвистов (для отбора и корректировки материала) и IT-специалистов (для технического обеспечения и сопровождения электронного словаря).
2. Реконструкция концептов, отраженных в индивидуально-авторской картине мира поэта, на основе данных, представленных в словаре.
3. Создание по предложенной модели словарей такого типа для описания языка других поэтов (писателей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузова Н.Ю. Катастрофический комплекс в стихотворениях Ф.И. Тютчева // Культура и текст. Барнаул: АлтГПУ, 2015. №3. С. 182-202.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 15.03.2023).
3. Атаманова Н.В. Исследование феноменальности и уникальности Ф.И. Тютчева как языковой поэтической личности // Дискуссия. Екатеринбург: ООО ИСТУ, 2012. №12 (30). С. 168-172.
4. Баевский В.С. Тютчев: поэзия экзистенциальных переживаний // ИРАН, 2003. №6. С. 3-10. URL: <http://smolensklib.ru/sites/default/files/old%20str/pisатели/baevskiy/proizv/tytchev.htm> (дата обращения: 01.09.2024).
5. Баимбетова А.П. Когнитивный механизм имплицитности // Научные исследования XXI века, 2020. №1(3) С.197-201.
6. Бакланова Е.А. К вопросу о классификации единиц имплицитного уровня текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 18-25.
7. Бакланова И.И. Образ автора нехудожественного текста // Русский язык за рубежом. М., 2012. №5 (234). С. 44-49.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
9. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 233-236.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
11. Белов А.А., Орехов Б.В. «Кровавый закат звезды римской славы» – о возможной связи текстов Ф.И. Тютчева и Цицерона // Критические материалы о Тютчеве. Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. 2006. Вып.

3. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/belov-orehov-krovavyj-zakat.htm> (дата обращения: 17.03.2025).
12. Берковский Н.Я. Ф.И. Тютчев // Берковский Н.Я. О русской литературе. Л., 1985. С. 155-199.
13. Биншток Л.М. Структура системы и специфика поэтического многоголосья в лирике Ф.И. Тютчева // Проблема автора в русской литературе XIX–XX веков. Ижевск, 1978. С. 125-133.
14. Блинкова Л.М. Способы передачи модальности при переводе текстов // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2020. С. 361-364.
15. Богданова О.В. Берковский Наум Яковлевич // Литературный Санкт-Петербург, XX век: энцикл. слов.: в 3 т. / С.-Петерб. гос. ун-т; гл. ред. и сост. О.В. Богданова. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2015. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/b/berkovskij-> (дата обращения: 01.11.2024).
16. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. докт. филол. наук. Л., 1984. URL: <https://studfile.net/preview/3299583/> (дата обращения 31.08.2025).
17. Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.
18. Болотова Е.А., Былкова С.В. Функционально-семантическая категория персональности и ее текстообразующая функция (на примерах текстов современных писателей) // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону, 2020. №2. С. 138-144.
19. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Лит. произведение: основ. понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая шк.: Академия, 1999. С. 141-153.

20. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1975. С. 193-208.
21. Буракова О.М. Методика лингвистического описания концепта через построение семантического поля // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. Беларусь, Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lingvisticheskogo-opisaniya-kontsepta-cherez-postroenie-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 19.01.2023).
22. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
23. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания, 2000. №6. С. 33-38.
24. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
25. Витгенштейн Л. Избранные работы / пер. с нем., англ. и комм. В. Руднева. М.: издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
26. Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 2014. 44 с.
27. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352с.
28. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С.115.
29. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
30. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем., вступ. ст. Е.С. Линькова СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1997. 799 с.
31. Гинзбург Л.Я. О Лирике. Л.: Советский писатель, 1964. 381 с.
32. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. М.: Издательство «Лабиринт», 2001. 304 с.

33. Грамматика русского языка. Синтаксис. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 440 с.
34. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
35. Грехнев В.А. Слово и большой лирический контекст в поэзии пушкинской поры (Жуковский, Тютчев) // А.С. Пушкин. Статьи и материалы. Ученые записки. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1971. Вып. 115. С. 3-25.
36. Григорьева Т.И., Ковалева Т.В. К проблеме дуализма в лирике Ф.И. Тютчева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023. №2 (99). С.108-112.
37. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
38. Дегтярева А.Н. Семантика невыразимого в творчестве Ф.И. Тютчева // «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования»: Материалы Международной научной конференции. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2020. С. 246-255.
39. Дегтярева А.Н. Прецедентные отсылки в поэзии Ф.И. Тютчева: индивидуально-авторское восприятие общекультурного опыта // «Социальный инженер-2021». Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. М., 2021. Ч. 8. С. 66-71.
40. Дегтярева А.Н. Модальность как средство отражения категорий субъектности и субъективности в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева // Язык как материал словесности: XXV научные чтения. Казань, 2022. С. 43-55.
41. Дегтярева А.Н. Реконструкция центральных концептов индивидуально-авторской картины мира Ф.И. Тютчева через анализ лексикона // «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования»:

- Материалы II Международной научной конференции. 22–23 апреля 2022 г. Вып. 2. Ч. 1. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023а. С. 119-133.
42. Дегтярева А.Н. Влияние языковой личности Ф.И. Тютчева на форму и содержание его переводов // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования. Выпуск 3. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023б. С. 268-283.
43. Дегтярева А.Н. Структура категории «образ автора» в художественном дискурсе // Российский лингвистический бюллетень. Екатеринбург, 2023в. №3 (39). DOI: 10.18454/RULB.2023.39.17 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50361705> (дата обращения: 02.05.2026).
44. Дегтярева А.Н. Поэзия Ф.И. Тютчева как динамический продукт дискурса // «Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы IV Международной научной конференции» 22–23 марта 2024 г. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2024а. Выпуск 4. С. 271-286.
45. Дегтярева А.Н. Мглистый полдень: фрейм как способ организации смысла при интерпретации образности в поэзии Ф.И. Тютчева // Когнитивные исследования, 2024б. Вып. №2 (58). С. 655-659.
46. Дегтярева А.Н. Концепт «человек» как аксиологически значимый феномен в поэтической картине мира Ф.И. Тютчева // Аксиологическая картина мира в современных филологических исследованиях: коллективная монография / Бугаева И.В. (Ред.-сост.), Дегтярева А.Н., Дударева М.А., Завельская Д.А., Лагутова А.С., Манойлович Н., Морозов В.Э., Новожилов Д.М., Погукаева А.В., Радомская Т.И., Семенова А.А., Федюкина Е.В. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025а. С. 59-73.
47. Дегтярева А.Н. Субъектная структура лирики Ф.И. Тютчева // Всероссийская научная конференция с международным участием «Филология, культура и религия на перекрестке гуманитарных исследований». М., 2025б. С. 29-40.
48. Дегтярева А.Н. Концепт 'память' в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы V Международной научной

- конференции. 21-22 марта 2025 г. Выпуск 5. Часть 2. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025в. С.76-90.
49. Дегтярева А.Н. Субъективность объективной модальности как актуальная терминологическая проблема // Воображение и память в языке и лингвистических исследованиях: Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 23-25 октября 2025 г.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2025г. С. 67-77.
50. Дегтярева А.Н. Онтология как структуроорганизующий компонент полипарадигмальной языковой картины мира Ф.И. Тютчева // Российский лингвистический бюллетень. 2025д. № 7 (67). DOI: 10.60797/RULB.2025.67.24 URL: <https://rulb.org/archive/7-67-2025-july/10.60797/RULB.2025.67.24> (дата обращения: 02.05.2026).
51. Дегтярева А.Н. Перцептивный образ автора и интерпретация художественного текста (на материале поэтического дискурса Ф.И. Тютчева) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2026а. №1. С. 178-184. DOI: 10.52452/19931778_2026_1_178
52. Диалогическая лингвистика: коллективная монография / под науч. ред. Н.Н. Шпильной, отв. ред. М.В. Воронец, Н.И. Тюкаева. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 320 с.
53. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 245 с.
54. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. Т. 6. С. 37-47.
55. Дударева М.А. Апофатика русской словесной культуры конца нового времени: образы смерти: диссертация ... доктора культурологии. Иваново, 2021. 407 с.

56. Едошина И.А. Культурфилософия поэтического текста (на примере двух стихотворений Ф.И. Тютчева) // Вестник Вятского государственного университета. Киров: ВятГУ, 2017. №12. С. 13-18.
57. Емельяненко В.Д. Мироззрение В.С. Соловьева и творчество Ф.И. Тютчева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-81.
58. Ермакова Л.В. Дискурсивный анализ: Учебное пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. 80 с.
59. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М: Русская книга, 2000. URL: http://az.lib.ru/z/zajcev_b_k/text_1949_tutchev.shtml (дата обращения: 10.07.2025).
60. Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. Директ-Медиа, 2016. 312 с. URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandra-zalevskay/chto-tam-za-slovom-voprosyinterfeysnoy-teorii-znache-11823498/> (дата обращения: 04.01.2024).
61. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1973. 351 с.
62. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.
63. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
64. Икболжонова С., Исаева З.Т. Определение и структура простого предложения: основные элементы и их функции // Central Asian Journal of Education and Innovation. Республика Узбекистан, Ташкент, 2025. Вып. 4. С. 174–178. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-i-struktura-prostogo-predlozheniya-osnovnye-elementy-i-ih-funksii> (дата обращения 18.09.2025).
65. Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование// Социально-гуманитарные знания. М.: Издательство

- «КноРус», 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-suschnost-podhody-metodologiya-proektirovanie> (дата обращения: 18.03.2023).
66. Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: изд-во «Мысль», 1966. Т. 6. 743 с.
67. Капцов А.В. Особенности ценностей подростков с аналитическим и холистическим стилями мышления / Капцов А.В., Некрасова Е.В. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. Самара: СаГа, 2014. №1 (15). С. 121-133.
68. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
69. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
70. Караульщикова Ю.В. О типологическом аспекте модальной семантики// Поволжский педагогический вестник. Самара: СГСПУ, 2019. №4 (25). Т. 7. С. 125-131.
71. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Москва: «НАУКА». Главная редакция восточной литературы, 1988. 453 с.
72. Ключева И.О. Пространственно-временная семантика оригинальной и переводной поэзии Ф.И. Тютчева: автореф. дис. канд. филол. наук. Брянск, 2001. URL: <http://cheloveknauka.com/prostranstvenno-vremennaya-semantika-originalnoy-i-perevodnoy-poezii-f-i-tyutcheva> (дата обращения: 10.02.2024).
73. Козырев Б.М. Письма о Тютчеве. Из третьего письма // Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97, кн. 1. М., 1988. С. 97-112.
74. Колесов В.В. Концептология: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова; Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012. 248 с.
75. Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания: Демократия // Политическая лингвистика. Екатеринбург: издательство УрГПУ, 2016. №13 (57). С. 31-43.
76. Копытов О.Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск: Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.

77. Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск: ТГУ, 2016. №3 (41). С. 14–26.
78. Кравченко Н.К. Современный дискурс и дискурс-анализ: краткая терминологическая энциклопедия. 2017 URL: <https://discourse.com.ua/data/uploads/books/sovremennyj-diskurs-i-diskurs-analiz-m-enciklopedija.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).
79. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
80. Кривошлыкова Л.В. К определению понятия «Дискурс»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: РУДН, 2010. № 3. С. 42-47.
81. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с.
82. Круглов А.Н. Возможна ли фундаментальная онтология? // Историко-философский ежегодник. М.: Институт философии РАН, 2020. №2020. С. 211-230.
83. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс. Речь. Речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М.: Институт научной информации по общественным наукам (РАН), 2000. С. 5-13.
84. Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память / Е.С. Кубрякова. Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2008. С. 85-91.
85. Куницына Е.Ю. Языковая личность переводчика как сущность и ипостась // Известия Волгоградского педагогического университета. Волгоград: ФГБОУ ВО «ВГСПУ», 2008. №10. С. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnostperevodchika-kak-suschnost-i-ipostas/viewer> (дата обращения 18.04.2023).

86. Левин Ю.И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева // Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллинн, 1990. С. 142-206.
87. Лейбов Р., Осповат А. Чужое слово у Тютчева. Заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / Ред. Л. Киселева. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 367-380. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/lejbov-ospovat-chuzhoe-slovo-u-tyutcheva.htm> (дата обращения: 01.03.2022).
88. Леушева С.Ю. Сфера невыразимого в лирике Ф. Тютчева и К. Бальмонта // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец: изд-во ЧГУ, 2010 №4. С. 34-36.
89. Ли Су Ен. Художественная Философия в поэзии Ф.И. Тютчева: дис. канд. филол. наук. СПб, 2002. 160 с.
90. Литовская Е.В. Текстовая категория автора в динамическом аспекте (на материале русских кулинарных книг XIX–XXI вв.): дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 266 с.
91. Лотман Ю.М. Поэтический мир Тютчева // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 145-171.
92. Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-i-tekst-kak-predmet-lingvopersonologii-russkogo-yazyka> (дата обращения: 16.04.2026).
93. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума / под ред. д. техн. наук Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 154 с.
94. Михайлова Е.М. Понятие «Дом» – “home”/ “house” в русской и английской картинах мира // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: МГУ им. Ломоносова, 2015а. №3. С. 151-163.

95. Михайлова М.Ю. Система средств передачи семантики невыразимого в творчестве А. Грина // Вестник башкирского государственного университета. Уфа: изд. Башкирского государственного университета, 2015б. Т. 20, №2. С. 581-585. (б)
96. Москвин В.П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Известия ВГПУ, 2013. №6 (81). С. 54-61.
97. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии / ред. Б.Ю. Городецкий, сост. Т.С. Зевахина М.: Прогресс, 1983. Вып. XIV. С. 61-74.
98. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Н.А. Некрасов. Критика. Публицистика // Н.А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л.: «Наука», 1990. Т. 11. Кн. 2. С. 32-62.
99. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. 167 с.
100. Николина Н.А. Ключевые семантические поля в комедии А.Н. Островского «Лес» (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. М.: ООО «Наш язык», 2023. Т. 84. №2. С. 43-48.
101. Николина Н.А. Петрова З.Ю. Пушкин и его тексты в зеркале метафор и сравнений современной русской прозы (к 225-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. М.: ООО «Наш язык», 2024. Т. 85. № 3. С. 47-74.
102. Нисбетт, Р. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / Р. Нисбетт, К. Пенг, И. Чой, А. Норензаян; пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 68 с.
103. Оводова С.Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. Омск: ОмГТУ, 2013. № 4 (121). С. 101-104.

104. Оганесян Д.Г., Акопян К.С. Безличные предложения как форма отражения национального менталитета // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. Ереван, 2025. Т. 1. С.227-234.
105. Океанский В.П. Русская метафизическая лирика XIX века: Е.А. Баратынский, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев: Поэтика пространства: диссертация ... доктора филологических наук. Иваново, 2003. 286 с.
106. Павлова Л.В., Романова И.В. Девятое последнее десятилетие. Памяти Вадима Соломоновича Баевского (1929-2013) // Новый филологический вестник. М.: ООО «Издательство Ипполитова», 2013. № 4 (27). С. 134- 143.
107. Паскаль Блез. Мысли / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/mysli-paskal/> (дата обращения 14.04.2026)
108. Переволочанская С.Н. Концептуальная «оплотненность» смысла // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара: СамНЦ РАН, 2009а. №4-6. Т.11. С. 1587-1595.
109. Переволочанская С.Н. Парадоксальность энергии смысла // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2009б. № 5. С. 267-271.
110. Переволочанская С.Н. Феномен смысла при описании синонимии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. С.-Петербург, 2010. Том 1. Филология. №2. С. 239-251.
111. Переволочанская С.Н. О семантическом «квантовании» информации в слове (на материале языка А.С. Пушкина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 16-25.
112. Переволочанская С.Н. Номинация как смысловой вектор пушкинской мысли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. 2019а.С. 475-492. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492

113. Переволочанская С.Н. Образ автора в научном дискурсе: метафоризация как средство формирования научных абстракций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВГПУ, 2019б. № 2 (135). С.101-105.
114. Переволочанская С.Н. Динамика смыслового развертывания в глобальном цифровом пространстве: текст и его понимание // Дигитална хуманистика и словенско културно наслеђе II. Зборник радова –Међународна научна конференција. Београд: Савез славистичких друштава Србије 2023. С. 97-108.
115. Переволочанская С.Н. Фрактальное пространство смысла как динамический феномен // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования: Материалы V Международной научной конференции. 21-22 марта 2025 г. Выпуск 5. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2025а. С. 39-51.
116. Переволочанская С.Н. Нелинейная архитектоника смысла в семиотическом пространстве стихотворения в прозе «Христос» И.С. Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025б. Том 18. Выпуск 9. С. 3943-3953. <https://doi.org/10.30853/phil20250540> (дата обращения: 02.05.2026).
117. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
118. Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 376 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/pig/pig-001-htm> (дата обращения 18.04.2023).
119. Пигарев К. Тютчев Ф.И. и его поэтическое наследие // Ф.И. Тютчев. Собр. соч. в 2-х томах. М.: Правда, 1980. 384 с. URL: https://russofile.ru/articles/article_82.php (дата обращения: 21.07.2025).
120. Попов Ю.Н. Онтология // Большая российская энциклопедия, 2023. URL: <https://bigenc.ru/c/ontologiia-459402> (дата обращения: 28.05.2024)
121. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.

122. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике в 4 т. М., 1958. Т.1-2. 534 с.
URL:
http://elib.old.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=potebnya_iz-zapisok-po-russkoy-grammatike_t1-2_1958 (дата обращения: 31.08.2025).
123. Поэты тютчевской плеяды: Сборник / сост. В. Кожин, Е. Кузнецова. М.: Междунар. изд. дом "Синергия", 1996. 285 с.
124. Прийма Ф.Я. Тютчев и Фольклор // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти ак. В.В. Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 167-174.
125. Прядильникова Н.В. О соотношении коннотативного и прагматического компонентов в структуре лексического значения // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции. 2006. №2. С. 185-189.
126. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Урания. Тютчевский альманах. 1803–1928. Л.: Прибой, 1928. URL: <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/pumpyanskij-poeziya-tyutcheva.htm> (дата обращения: 15.02.2024).
127. Радомская Т.И. Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 237 с.
128. Радомская Т.И. Тема памяти в русской культуре первой трети XX в.: В. П. Зубов, А. Ахматова, М.И. Цветаева: к постановке проблемы // Вестник славянских культур: научный журнал. М., 2019. Т. 52. С. 188-198.
129. Рахматуллин Р.Ю. Картина мира или онтология? // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (72). С. 167 – 169.
130. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе / под ред. Г.Н. Акимовой. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 295 с.
131. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной прозе: автореф. дис. д-ра. филол. наук. СПб, 2004.
URL:<https://www.dissercat.com/content/modalnost-kaktekstoobrazuyushchaya-kategoriya-v-sovremennoi-memuarnoi-literature> (дата обращения: 01.10.2022).

132. Романова Т.В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006. №1. С. 29-35.
133. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
134. Русская грамматика: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
135. Селезнева Л.В. Интеракциональная природа дискурса // Дискурс-Пи. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2013. № 1-2. Т. 10. С. 109-112.
136. Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Якутск: СВФУ, 2014. Т.11. №5. С. 67-75.
137. Селимова Л.М. Теория языковой личности. Современное состояние и перспективы исследования // Вестник Башкирского университета. Уфа: Башкирский государственный университет, 2012. Т. 17. № 3 – 1. С. 1514-1518.
138. Сидорова М.Ю., Липгарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (Часть 1) // Филология и человек. Барнаул, 2018. №3. С. 21-39.
139. Скубиева Е.Н., Шпильная Н.Н. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности. Филология и человек. Барнаул: АлтГУ, 2022. № 1. С. 37-56.
140. Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105-121.
141. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка // Зеленая лампа, 2005 № 1. URL: http://jgreenlamp.narod.ru/step_ch2_b.htm (дата обращения: 25.01.2023)
142. Сухачёв В.Ю. Тезис Парменида // Antropology: web-кафедра философской антропологии, 2006. URL: <https://anthropology.ru/ru/text/subachyov> (дата обращения 10.06.2024).
143. Сухих И.Н. «Ф. Тютчев „От жизни той, что бушевала здесь...“» // «Анализ одного стихотворения», Л.: ЛГУ, 1985. URL:

- <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/otzyznitoy.html> (дата обращения: 30.10.2023)
144. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: диссертация ... доктора филологических наук. Краснодар, 1998. 257 с.
145. Сухих С.А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар: Изд-во Юж. ин-та менеджмента, 2004. 155 с.
146. Тажибаева Д.С., Баимбетова А.П. Источники выявления и интерпретации имплицитных смыслов // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2020. № 8 (75). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/10638> (дата обращения: 26.01.2023).
147. Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник» (влияние Паскаля на христианское мышление Тютчева) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда.* М, 2000. №3. С.127-137.
148. Таунзенд К.И., Слободянюк В.В. Доверие машинному переводу в метакогнитивной рефлексии переводчика // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2025а. № 3. С. 197-203.
149. Таунзенд К.И., Полубоярова М.В. Принципы построения теории перевода для англо-русской пары языков // *Вопросы современной лингвистики.* 2025б. № 3. С. 82-92.
150. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 24-32.
151. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // *Фразеология в контексте культуры.* М.: «Язык и культура», 1999а. С. 203-213.
152. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (Поэзия Ф.И. Тютчева). Автореф: дис. канд. филол. наук. М., 1999б. 232 с.
153. Толстогузов П.Н. Стихотворение Ф.И. Тютчева «Безумие»: попытка расширенного анализа // *Русская речь.* 1998. № 5. С. 3-15.

154. Толстогузов П.Н. Поэтика обращений в лирике Тютчева // Л.Н. Толстой и Ф.И. Тютчев в русском литературном процессе. М.: Прометей, 2004. С. 105-120.
155. Толстогузов П.Н. «Бездна» как раздел концептуального словаря поэзии Тютчева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток: изд-во Дальневосточного государственного университета, 2008. №3. С. 18-22.
156. Тургенев И.С. Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 11. С. 163-167.
157. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. 139 с.
158. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино // Подг. изд. и комментарии Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. М.: Наука, 1977. URL: <http://www.philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/tynyanov-pilk.htm> (дата обращения: 30.03.2022).
159. Тынянов Ю.Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 200-214.
160. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Семиотика искусства. М., 1995.
161. Ухов А.Е. Проблематизация истины в классической и неклассической эпистемологии: системность и вопрос о соотношении знания и действительности: дис. канд. филос. наук. Иваново, 2014. 167 с.
162. Фаритов, В.Т. Память и историчность как экзистенциальные мотивы пушкинской поэзии (Пушкин и Ясперс) // Вестник Томского государственного университета. Филология – Tomsk State University. Journal of Philology. 2016 № 3 (41). С. 170-180.
163. Федоров Ф.О. философии Н.Я. Берковского и его научной методологии // Балтийский филологический курьер. Калининград, 2003. № 2. С. 149-163.
164. Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2005. 928 с.

165. Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева 11 Русская мысль. 1913. Кн. XI. С. 1-33.
166. Фрейберг Л.А. Тютчев и античность // Античность и современность. М.: Наука, 1972. С. 444-456.
167. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.
168. Хомяков А.С. О старом и новом // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова Статьи и заметки разнородного содержания. М.: Типография Лебедева, 1878. Т.1. С. 359-377.
169. Худошина Э.И. «Безумие» Ф.И. Тютчева: поэтический текст и его рецепция // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2003. № 3–4. URL: доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezumie-f-i-tyutcheva-poeticheskiy-tekst-i-ego-retseptsiya> (дата обращения: 01.11.2024).
170. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Казань: КФУ, 2009. Т. 151. Кн.6. С. 31-38.
171. Чумаков Ю.Н. Гений русской безличности: Ф. И. Тютчев // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск: ФГБОУ ВО «УдГУ», 2012. №4. С. 159-166.
172. Шарапов В. Что находится в Чаше Причастия?: размышления о тайне евхаристического преложения (пресуществления). М.: Три сестры, 2011. 426 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/chto-nahoditsja-v-chashe-prichastija/> (дата обращения: 17.06.2025).
173. Шарипов Б.А. Языковые средства и способы выражения субъективной модальности в разносистемных языках: дис. канд. филол. наук. Душанбе, 2019. 170 с.
174. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
175. Широкова Е.Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. Нижний Новгород, 2010. 189 с.

176. Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2014. № 23 (352) С. 103-106.
177. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
178. Шмелев А.Д. Мир и смирение в русской языковой картине мира // Московская Сретенская Духовная Академия, 2017 URL: <https://sdamp.ru/news/n6728/> (дата обращения: 22.05.2024).
179. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. Москва: ГАХН, 1927. 216 с.
180. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. 800 с.
181. Щедровицкий П.Г. Проблема онтологии в истории философии и системомыследеятельностной методологии: фрагмент текста «Очерки методологического быта», 1986–1988 гг. // Некоммерческий институт развития. Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого. 2005-2012 URL: <https://fondgp.ru/old/lib/chteniya/xiii/texts/1.html?ysclid=lw86ycfa62421244800> (дата обращения: 22.05.2024).
182. Юнг К.Г. Архетип и символ / пер. Зеленский В.В.; под ред. Савенков В. М.: «Renaissance IV Ewo», 1991. 188 с.
183. Ярыгина Е.С. Модус и модальность терминологические синонимы? // Вестник ВятГУ. Киров: изд-во ВятГУ, 2012. №2. Т.2. С. 32-37.
184. Carlos S. What Is Language? // Ergo an open access journal of philosophy, 2016. Volume 3. No. 19. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ergo/12405314.0003.019?view=text;rgn=main> (дата обращения 27.05.2024).
185. Chandler Daniel. The Sapir — Whorf Hypothesis // Web site of University of Wales, Aberystwyth. URL: <http://www.visual-memory.co.uk/daniel/Documents/short/whorf.html> (дата обращения 27.05.2024).

186. Curriculum vitae: полный список опубликованных работ профессора В.С. Баевского / ред. сост. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Маджента, 2009. 88 с.
187. Hofweber Th. Logic and Ontology // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2023. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/logic-ontology/> (дата обращения 27.05.2024)
188. Moltmann F. Natural Language Ontology // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/natural-language-ontology/#:~:text=Natural%20language%20ontology%20is%20the,in%20what%20there%20ultimately%20is> (дата обращения 27.05.2024).

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова, 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 19.03.2025).
2. Бобунова М.А. Тютчев и Фет: опыт контрастивного словаря / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко; М-во образования и науки РФ, Кур. гос. ун-т. Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2005. 197 с.
3. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: БГУ, 2009. 962 с.
4. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство Русские словари»; ООО «Транзиткнига», 2004. 666 с.
5. Ивин А.А. Словарь по логике. М. Гуманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. 384 с.
6. Киселев Н.П. Словарь русских масонов. Табаровский – Тютчев [Рукопись]: [автограф, машинописная копия]. М., 1935. 168 с.
7. Киселева И.А. Словарь рифм Ф.И. Тютчева / Киселева И.А., Петрова Л.Е., Саломатина С.Л. // Литературоведческий журнал. М.: ИНИОН РАН, 2004. № 18. С. 183-263.

8. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М.: Наука, 1975. 720 с.
9. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф.И. Тютчева А-Я / под. общ. ред. А.В. Антюхова. Брянск: «Курсив», 2013. 396 с.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 14.04.2026).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010. URL: <https://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения: 02.05.2026).
12. Орехов Б.В. Идеографический словарь языка французских стихотворений Ф.И. Тютчева. Уфа, 2004. 44 с.
13. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 357 с.
14. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984-1991. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения 15.05.2023).
15. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. М.: РИПОЛ классик, 2006. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyi-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (дата обращения: 15.12.2023).
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Л.: Императорская Академия наук, 1939. Т.2. 714 с. URL: https://archive.org/details/1-1935_202412/Ушаков%20Д.Н.%20-%20Толковый%20словарь%20русского%20языка%20Том%203%20%281939%29/page/n1/mode/2up (дата обращения: 02.05.2026).
17. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. 1964-1973 // Наука. Искусство. Величие. 2000-2026 URL: [Этимологический словарь русского языка \(М.Р. Фасмер\)](#) (дата обращения: 19.03.2025).
18. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф.И. Тютчева / А. Белов, Б. Орехов. 2006. URL: <https://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html> (дата обращения: 12.01.2025).

19. Шуралев А.М. Ассоциативно-концептуальный словарь художественных деталей русской литературы XIX века (А.Н. Островский, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев) Учеб. пособие для учителей рус. яз. и лит. и учащихся общеобразоват. шк. и сред. спец. учеб. Заведений. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2003. 111 с.
20. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache, GmbH, Stuttgart, Germany 2015. URL: <https://de.thefreedictionary.com/held> (дата обращения 16.04.2023).

Источники

1. Гете И. Фауст / пер. Пастернак Б.М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960 URL: <https://facetia.ru/node/3219> (дата обращения 20. 02 .2024).
2. Гете И. Фауст / пер. Холодковского Н.М.: Издательство «Детская литература», 1969. 316 с. URL: <https://ogurcova-portal.com/wp-content/uploads/2013/10/Gete-Faust1.pdf> (дата обращения 20. 03 .2024).
3. Книга песен в переводе русских писателей / под редакцией П.В. Быкова. 2-е изд., изм. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе, 1897. 223 с.
4. Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / ред. М.Л. Гаспаров, пер. и комм. И.П. Стрельникова. М.: Изд-во «Наука», 1972. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423777004#96> (дата обращения 04.02.2026)
5. Симеон Логофет Метафраст. Канон о распятии Господни и на плач Пресвятыя Богородицы // Азбука веры. 2005-2026 URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/kanon-o-raspjatii-gospodni-i-na-plach-presvjatyja-bogorodicy.html> (дата обращения 01.02.2026)
6. Теремов И. Перевод стихотворения Г. Гейне «Liebste, sollst mir heute sagen». 2012. URL: <https://stihi.ru/2012/08/06/3145> (дата обращения: 12.08.2025).
7. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: Стихотворения, 1813–1849 // Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. / Сост., подгот. текстов,

- коммент. В.Н. Касаткина. Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Классика, 2002. Т.1. 547 с.
8. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: Стихотворения, 1850–1873 // Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. / Сост., подгот. текстов, коммент. В.Н. Касаткина. Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Классика, 2003а. Т.2. 657 с.
9. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма: Публицистические произведения // Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. / Сост., подгот. текстов, коммент. В.Н. Касаткина. Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Классика, 2003б. Т.3. 545 с.
10. Goethe J. W. Faust: eine Tragödie. Stuttgart: J.G. Cotta, 1877. 305 s. URL: <https://archive.org/details/fausteinetragedi00unkngoog/mode/2up> (дата обращения: 06.08.2025).
11. Heine H. Buch der Lieder. Hamburg bei Hoffmann und Campe, 1827. 372 s. URL: https://deutschestextarchiv.de/book/view/heine_lieder_1827?p=225 (дата обращения: 06.08.2025).
12. Vasari Giorgio. *Vita di Michelagnolo Buonarroti*, in *Le vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori*. Fiorenza: Nella Stamperia de' Giunti, 1568. 96 s. URL: <https://archive.org/details/vitadelgranmiche00vasa/page/740/mode/2up> (дата обращения: 07.02.2026).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

<i>Рисунок 1.</i> Генерализованная и специфическая модальность	28
<i>Схема 1.</i> Отношения между субъектными сферами (по Г.А. Золотовой)	30
<i>Схема 2.</i> Триипостастный конструкт смысла	51
<i>Схема 3.</i> Терминологические константы исследования	61
<i>Схема 4.</i> Взаимодействие символов в контексте «Лебедь»	70
<i>Схема 5.</i> Семантика лексемы одиночество в дискурсе Ф.И. Тютчева. Зоны смыслового пересечения	76
<i>Схема 6.</i> Алгоритм определения формы выражения лирического субъекта	101
<i>Таблица 1.</i> Смысловое расширение: когнитивно-смысловая матрица	66
<i>Таблица 2.</i> Автопрецедентность как маркер интертекстуальности (сопоставительный анализ)	68
<i>Таблица 3.</i> Атрибуты лексем-вербализаторов онтологического смысла (по Словарю русского языка XVIII века)	77
<i>Таблица 4.</i> Смысловое расширение: когнитивно-смысловая матрица	94
<i>Таблица 5.</i> Актуализаторы семантики «невыразимое» в поэзии Ф.И. Тютчева	96
<i>Таблица 6.</i> Взаимодействие последней строфы с предтекстом «В деревне»	102
<i>Таблица 7.</i> Черты лирического героя в «Денисьевском цикле»	109
<i>Таблица 8.</i> Операторы модусных рамок, репрезентирующих категорию субъективности в поэзии Ф.И. Тютчева	112
<i>Таблица 9.</i> Примеры онтологически значимых в языковой картине мира Ф.И. Тютчева смысловых констант и ракурсы их репрезентации	119
<i>Таблица 10.</i> Места хранения человеческой памяти в современной русской языковой картине мира	132
<i>Таблица 11.</i> Ум, сердце и душа как места хранения памяти в поэтическом дискурсе Ф.И. Тютчева	138
<i>Таблица 12.</i> Фрагмент структуры концепта 'память' в индивидуально-авторской картине мира Ф.И. Тютчева	139

<i>Таблица 13.</i> Названия, репрезентирующие экстралингвистический контекст произведения	147
<i>Таблица 14.</i> Реципиенты в поэзии Ф.И. Тютчева	154
<i>Таблица 15.</i> Интертекстуальная связь между стихотворениями А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева	157
<i>Таблица 16.</i> Интертекстуальные связи между переводами Ф.И. Тютчева и его оригинальными стихотворениями	161
<i>Таблица 17.</i> Структурные компоненты фрейма «мгла»	163
<i>Таблица 18.</i> Структурные компоненты фрейма «мгла»	164
<i>Таблица 19.</i> Структурные компоненты фрейма «мгла»	165
<i>Таблица 20.</i> Список сокращений грамматических помет	181
<i>Таблица 21.</i> Список сокращений послепомет	183
<i>Таблица 22.</i> Сопоставление вариантов стихотворения «Приветствие духа»	189

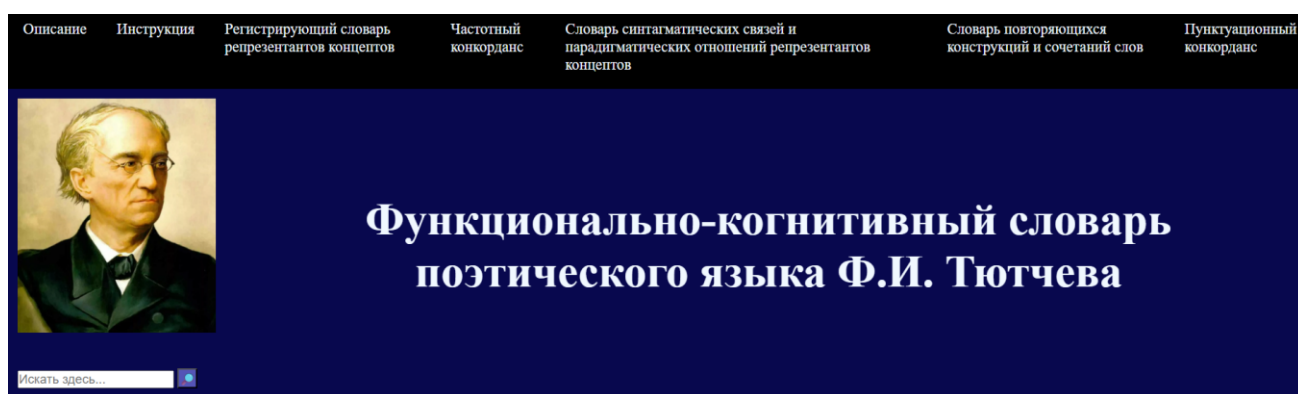
ПРИЛОЖЕНИЕ А (обязательное)

ИЛЛЮСТРАЦИИ СТРАНИЦ САЙТА

А.1 Иллюстрация начальной страницы сайта приведена на сканированном документе А.1.

Сканированный документ А.1.

Иллюстрация начальной страницы сайта

О словаре

Составлен по изданию: Тютчев Федор Иванович (1803-1873). Полное собрание сочинений и письма: В 6 т.Т.1. / Ф. И. Тютчев; [Сост., подгот. текстов, коммент. В. Н. Касаткина; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. М. Горького, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом)]. М.: Классика, 2002 – 2005.

Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф. И. Тютчева – это многопараметрический электронный гипертекстовый словарь, предоставляющий ученым обширную информацию о средствах репрезентации концептов, вербализованных в поэзии Ф. И. Тютчева. Словарь содержит не только большой объем сведений, но и ряд инструментов для изменения расположения и формы подачи материала, а также для выделения тех блоков информации, которые нужны в конкретном исследовании. Гибкая форма словаря позволяет настроить содержащийся в нем материал под задачи конкретного исследования.

Главное назначение данного словаря – предоставление исследователям первичного материала (списка репрезентантов и сведений о них) для дальнейших реконструкции и описания концептов, отраженных в языковой картине мира поэта, а также для объяснения специфического использования языковых средств через анализ содержательной формы концептов, с которыми данные языковые средства связаны. Однако обозначенная функция не является единственной и словарь может быть применен для широкого круга лингвистических и литературоведческих задач.

А.2 Иллюстрация второго фрагмента начальной страницы сайта приведена на сканированном документе А.2.

Сканированный документ А.2.

Иллюстрация второго фрагмента начальной страницы сайта

Функционально-когнитивный словарь является словарем регистрирующего типа полным с точки зрения словника. Так как словарь направлен прежде всего не на объяснение употребляемых поэтом слов или репрезентированных в его поэзии концептов, а на предоставление ученым материалов для их собственных исследований, в большинстве случаев в словаре не даются интерпретации представленных в нем единиц. Исключения составляют некоторые статьи частотного конкорданса, в которых представлен объяснительный компонент в ситуациях, когда необходимо дать сведения историко-культурного характера или объяснить использование слов, употреблявшихся в общелитературном языке XIX века в значении отличном от современного. Поэтому с точки зрения представленных в словаре значений он является дифференциальным.

Части Функционально-когнитивного словаря поэтического языка Ф.И.Тютчева

1. [Регистрирующий словарь репрезентантов концептов](#)
2. [Частотный конкорданс](#)
3. [Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов](#)
4. [Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов](#)
5. [Пунктуационный конкорданс](#)

Более подробную информацию о структуре и об инструментах словаря можно найти здесь: [Инструкция](#)

А.3 Фрагменты оформления списков сокращений на сайте приведены на сканированном документе А.3.

Сканированный документ А.3.

Фрагменты оформления списков сокращений на сайте

Список сокращений грамматических помет

Сокращение	Полное наименование
1 (2 / 3) л.	1 (2 / 3) лицо
действит.	действительное
ед. ч.	единственное число
им. п.	именительный падеж
буд. вр.	будущее время
вин. п.	винительный падеж
гл.	глагол
межд.	междометие
мест.	местоимение
мн. ч.	множественное число
нар.	наречие
наст. вр.	настоящее время
несоверш. вид	несовершенный вид
обаз. дейст.	образа действия
повелит. накл.	повелительное наклонение

Список сокращений послепомет

Тип	Сокращение	Название
источник контекста	ВДСФ	вариант со словом, присутствующим в основном тексте, но с другой словоформой
источник контекста	ВОС	вариант с оригинальным словом
источник контекста	ВСОТ	вариант со словом, присутствующим в основном тексте
источник контекста	осн. текс.	основной текст
оригинальность произведения	вариан.	вариация
оригинальность произведения	вольн. пер.	вольный перевод
оригинальность произведения	мотив.	произведение по мотивам
оригинальность произведения	ориг. ст.	оригинальное стихотворение
оригинальность произведения	пер.	адекватный перевод
оригинальность произведения	перелож.	переложение
указание на сильную позицию	загл.	заголовок
указание на сильную позицию	кон.	конец строки (для слов без рифмы)

А.4 Фрагмент «Регистрирующего словаря репрезентантов концептов» приведен на сканированном документе А.4.

Сканированный документ А.4.

Фрагмент «Регистрирующего словаря репрезентантов концептов»

Описание
Инструкция
Регистрирующий словарь репрезентантов концептов
Частотный конкорданс
Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов
Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов
Пунктуационный конкорданс

Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов

по количеству вхождений

фильтры

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов – это идеографический словарь, в котором представлен список репрезентированных в поэзии Ф. И. Тютчева концептов с информацией о количестве их вербализаций и со списком языковых средств их материализации. В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают лексемы, номинирующие тот или иной концепт, расположение заголовочных единиц может меняться по желанию исследователя: единицы можно расположить в алфавитном порядке либо по количеству репрезентаций от наиболее частотных к наименее частотным.

Рядом с заголовочной единицей в скобках дается информация о количестве репрезентаций данного концепта в поэзии Ф. И. Тютчева, а ниже представлены средства языковой репрезентации изучаемого концепта, разделенные на две группы: 1) лексемы-репрезентанты и 2) контексты, репрезентирующие концепт.

В первой группе единицы расположены по частоте контекстов, в которых они репрезентируют данный концепт (от наиболее частотных к наименее частотным). Лексемы даются в начальной форме, для более подробного изучения каждой лексемы-вербаллизатора (анализа грамматических форм; получения информации о количестве словоупотреблений; изучения контекстов, в которых встречаются эти слова и т.д.) исследователю необходимо перейти на страницу «Частотный конкорданс» или на страницу «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений».

А.5 Иллюстрация вариантов сортировки материала в «Регистрирующем словаре...» приведена на сканированном документе А.5.

Сканированный документ А.5.

Иллюстрация вариантов сортировки материала в «Регистрирующем словаре...»

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов

по количеству вхождений | фильтры

по количеству вхождений

по алфавиту

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов – это идеографический словарь, в котором представлен список репрезентированных в поэзии Ф. И. Тютчева концептов с информацией о количестве их вербализаций и со списком языковых средств их материализации. В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают лексемы, номинирующие тот или иной концепт, расположение заголовочных единиц может меняться по желанию исследователя: единицы можно расположить в алфавитном порядке либо по количеству репрезентаций от наиболее частотных к наименее частотным.

Рядом с заголовочной единицей в скобках дается информация о количестве репрезентаций данного концепта в поэзии Ф. И. Тютчева, а ниже представлены средства языковой репрезентации изучаемого концепта, разделенные на две группы: 1) лексемы-репрезентанты и 2) контексты, репрезентирующие концепт.

В первой группе единицы расположены по частоте контекстов, в которых они репрезентируют данный концепт (от наиболее частотных к наименее частотным). Лексемы даются в начальной форме, для более подробного изучения каждой лексемы-вербализатора (анализа грамматических форм; получения информации о количестве словоупотреблений; изучения контекстов, в которых встречаются эти слова и т.д.) исследователю необходимо перейти на страницу «Частотный конкорданс» или на страницу «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений».

Во второй группе репрезентантов контексты располагаются в хронологическом порядке. Если стихотворение, из которого взят контекст, существует в нескольких вариантах, все варианты данного произведения идут подряд (от самого раннего к самому позднему).

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов Ф. И. Тютчева позволяет составить представление о концептах, встречающихся в его поэзии, и о том, какие из них вербализуются в его поэзии наиболее часто. Кроме того, словарь дает первичный материал для дальнейшей реконструкции и подробного описания содержательной формы каждого концепта – информацию о средствах языковой репрезентации анализируемого концепта.

Более подробную информацию о структуре статьи и об инструментах словаря можно найти здесь: [Инструкция](#)

▼ **Память (153)**

▼ лексемы-репрезентанты (101)

- 1) память (22)
- 2) помнить (13)
- 3) вспомнить (11)

А.6 Иллюстрация фильтров «Регистрирующего словаря...» приведена на сканированном документе А.6.

Сканированный документ А.6.

Иллюстрация фильтров «Регистрирующего словаря...»

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов

по количеству вхождений | фильтры

Оригинальное стихотворение / перевод

- Оригинальное стихотворение
- Адекватный перевод
- Вольный перевод
- Вариация
- По мотивам

Материал

- Основной текст
- Вариант с оригинальной словоформой
- Вариант со словом, отраженным в основном тексте
- Вариант со словом, отраженным в основном тексте, но в другой форме
- Вариант общий (для контекстов)

Закрыть

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов – это идеографический словарь, в котором представлен список репрезентированных в поэзии Ф. И. Тютчева концептов с информацией о количестве их вербализаций и со списком языковых средств их материализации. В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают лексемы, номинирующие тот или иной концепт, расположение заголовочных единиц может меняться по желанию исследователя: единицы можно расположить в алфавитном порядке либо по количеству репрезентаций от наиболее частотных к наименее частотным.

Рядом с заголовочной единицей в скобках дается информация о количестве репрезентаций данного концепта в поэзии Ф. И. Тютчева, а ниже представлены средства языковой репрезентации изучаемого концепта, разделенные на две группы: 1) лексемы-репрезентанты и 2) контексты, репрезентирующие концепт.

В первой группе единицы расположены по частоте контекстов, в которых они репрезентируют данный концепт (от наиболее частотных к наименее частотным). Лексемы даются в начальной форме, для более подробного изучения каждой лексемы-вербализатора (анализа грамматических форм; получения информации о количестве словоупотреблений; изучения контекстов, в которых встречаются эти слова и т.д.) исследователю необходимо перейти на страницу «Частотный конкорданс» или на страницу «Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений».

Во второй группе репрезентантов контексты располагаются в хронологическом порядке. Если стихотворение, из которого взят контекст, существует в нескольких вариантах, все варианты данного произведения идут подряд (от самого раннего к самому позднему).

Регистрирующий словарь репрезентантов концептов Ф. И. Тютчева позволяет составить представление о концептах, встречающихся в его поэзии, и о том, какие из них вербализуются в его поэзии наиболее часто. Кроме того, словарь дает первичный материал для дальнейшей реконструкции и подробного описания содержательной формы каждого концепта – информацию о средствах языковой репрезентации анализируемого концепта.

Более подробную информацию о структуре статьи и об инструментах словаря можно найти здесь: [Инструкция](#)

▼ **Память (153)**

▼ лексемы-репрезентанты (101)

- 1) память (22)
- 2) помнить (13)
- 3) вспомнить (11)
- 4) тень (11)
- 5) воспоминание (7)
- 6) вспомнить (5)
- 7) незабвенный (5)
- 8) призрак (4)
- 9) воспоминание (2)

А.7 Пример оформления статьи в «Регистрирующем словаре...» приведен на сканированном документе А.7.

Сканированный документ А.7.

Пример оформления статьи в «Регистрирующем словаре...»

▼ **Память (153)**

▼ лексемы-репрезентанты (101)

- 1) память (22)
- 2) помнить (13)
- 3) вспомнить (11)
- 4) тень (11)
- 5) воспоминанье (7)
- 6) вспомнать (5)
- 7) незабвенный (5)
- 8) призрак (4)
- 9) воспоминанье (3)
- 10) напомнить (3)
- 11) поминки (3)
- 12) гость (2)
- 13) забыть (2)
- 14) видение (1)
- 15) заря (1)
- 16) memento (1)
- 17) мечтать (1)
- 18) Мнемозина (1)
- 19) незабвенно-дорогой (1)
- 20) памятник (1)
- 21) позабыть (1)
- 22) поминать (1)
- 23) сон (1)

▼ контексты, репрезентирующие концепт (52)

На краткий миг в сердечном упоенье

Я жребий свой невольно забывал

(Минутное, но сладкое забвенье!),

К протекшему душою улетал

И Радость пел - пока о вас мечтал. <...>

(Друзьям при посылке "Песни к Радости" - из Шиллера; 1823-1824) <ориг.ст. / осн. т.>

А.8 Фрагмент «Частотного конкорданса» приведен на сканированном документе А.8.

Сканированный документ А.8.

Фрагмент «Частотного конкорданса»

The screenshot shows the top navigation bar with five tabs: 'Описание', 'Инструкция', 'Регистрирующий словарь репрезентантов концептов', 'Частотный конкорданс', 'Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов', 'Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов', and 'Пунктуационный конкорданс'. The main header features a portrait of F.I. Tyutchev and the title 'Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева'. Below the header is a search bar with the placeholder 'Искать здесь...'. The main content area is titled 'Частотный конкорданс' and includes a dropdown menu for 'по количеству вхождений' and a 'фильтры' button.

Частотный конкорданс

Частотный конкорданс является продолжением регистрирующего словаря репрезентантов концептов и позволяет исследователю продолжить работу над реконструкцией того или иного концепта. После того, как ученый получит информацию об основных средствах вербализации анализируемого концепта, он, используя частотный конкорданс, может перейти к реконструкции содержательной формы концепта через анализ коллокатов, окружающих лексемы, выступающие в качестве вербализаторов этого концепта.

Словарная статья в частотном конкордансе имеет сложную структуру. В качестве основной заголовочной единицы здесь выступает слово в начальной форме, рядом с ним в круглых скобках указывается общее количество словоупотреблений данной лексики в поэзии Ф. И. Тютчева. Причастия и дееспричастия рассматриваются как словоформы глагола, краткие прилагательные (при наличии полной формы) и прилагательные в сравнительной и превосходной степени – как словоформы полных прилагательных, наречия в сравнительной и превосходной степени – как словоформы наречий.

А.9 Иллюстрация фильтров конкорданса приведена на сканированном документе А.9.

Сканированный документ А.9.

Иллюстрация фильтров конкорданса

The screenshot shows the filter menu on the left side of the interface. The menu is organized into several sections with checkboxes and 'Отобразить отдельно' options:

- Оригинальное стихотворение / перевод**
 - Оригинальное стихотворение
 - Адекватный перевод
 - Вольный перевод
 - Вариация
 - По мотивам
- Материал**
 - Основной текст
 - Вариант с оригинальной словоформой
 - Вариант со словоформой, отраженной в основном тексте
- Неологизмы**
 - Включать
 - Не включать
 - Отобразить отдельно
- Имена собственные**
 - Включать
 - Не включать
 - Отобразить отдельно
- Иностранные слова**
 - Включать
 - Не включать
 - Отобразить отдельно
- Часть речи**
 - Существительное
 - Глагол
 - Прилагательное
 - Наречие
 - Категория состояния
 - Числительное
 - Модальные слова
 - Предлог

The main content area on the right shows the same header as in the previous screenshot, with the title 'Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева' and the 'Частотный конкорданс' section. The dropdown menu for 'по количеству вхождений' and the 'фильтры' button are visible.

А.10 Пример оформления статьи в конкордансе приведен на сканированном документе А.10.

Сканированный документ А.10.

Пример оформления статьи в конкордансе

▼ **Тень (110)**

- ▶ тень [сущ. ж.р., им.п. ед.ч.] (34)
- ▶ тени [сущ. ж.р., им.п. мн.ч.] (22)
- ▶ тенью [сущ. ж.р., тв.п. ед.ч.] (15)
- ▶ теней [сущ., ж.р., род.п., мн.ч.] (11)
- ▶ тени [сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.] (10)
- ▶ тени [сущ., ж.р., род.п., ед.ч.] (7)
- ▶ тень [сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.] (4)
- ▶ теням [сущ., ж.р., дат.п., мн.ч.] (3)
- ▶ тени [сущ., ж.р., дат.п., ед.ч.] (2)
- ▶ тенями [сущ., ж.р., тв.п., мн.ч.] (2)

▶ **Сон (79)**

- ▶ **Забывать (23)**
- ▶ **Память (22)**
- ▶ **Призрак (21)**
- ▶ **Заря (19)**
- ▶ **Гость (15)**
- ▶ **Помнить (14)**
- ▶ **Виленье (13)**
- ▶ **Вспомнить (11)**
- ▶ **Забвенье (9)**
- ▶ **Умереть (9)**
- ▶ **Озарить (8)**
- ▶ **Воспомянье (7)**
- ▶ **Вспомянуть (5)**
- ▶ **Забытье (5)**
- ▶ **Незабвенный (5)**
- ▶ **Лета (4)**
- ▶ **Светозарный (4)**

▼ **Тень (110)**

- ▶ тень [сущ. ж.р., им.п. ед.ч.] (34)
- ▼ тени [сущ. ж.р., им.п. мн.ч.] (22)

Но что? сей страшный сон! спи кровавы *тени*,

С улыбкой злобною они к тебе спешат! ..

Они прияли смерть от варварских гонений!

От них и ожидай за варварство наград! - <...>

(На новый 1816 год; 1816) <осн.текст; ориг. ст.; рифм.; мифол.> [душа умершего]

Встает ли день, ночные ль сходят *тени*,

И мрак и свет противны мне ...

Моя судьба не знает изменений -

И горесть вечная в душевной глубине! <...>

(Одиночество; 1820-1822) <осн.текст; пер.; рифм.> [темнота]

Встает ли день, ночные ль сходят *тени*,

И свет, и мрак равно противны мне; -

Моя судьба не знает изменений:

Вся вечность горести в душевной глубине! <...>

(Одиночество; изд. 1822) <ВСОТ; пер.; рифм.; > [темнота]

А.11 Фрагмент «Словаря синтагматических связей и парадигматических отношений» приведен на сканированном документе А.11.

Сканированный документ А.11.

Фрагмент «Словаря синтагматических связей и парадигматических отношений»

Описание	Инструкция	Регистрирующий словарь репрезентантов концептов	Частотный конкорданс	Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов	Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов	Пунктуационный конкорданс
 <h2 style="text-align: center;">Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева</h2> <p style="text-align: center;">Искать здесь...</p>						

Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов

Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов представляет собой результат первичной обработки данных, отраженных в частотном конкордансе, и содержит в себе информацию о синтагматических связях и парадигматических отношениях, в которые вступает каждая лексема-репрезентант.

Словарная статья здесь имеет следующую структуру:

1. Заголовочная единица – слово в начальной форме;
2. Раздел «Коллокаты» транслирует список слов, которые появляются в ближайшем окружении заголовочной единицы не менее двух раз (если слово употребляется в поэзии Ф.И. Тютчева 1 раз, в разделе коллокаты указываются все единицы из ближайшего окружения лексемы);
3. Раздел «Синтагматические связи» иллюстрирует, в какие конструкции входит слово;

А.12 Пример оформления статей в «Словаре синтагматических связей...» приведен на сканированном документе А.12.

Сканированный документ А.12.

Пример оформления статей в «Словаре синтагматических связей...»

Лемма	Коллокации	Синтагматические связи	Рифмы	Однокоренные слова
<i>беспамятство</i>	Атлас; вода; густеть; давить; девственный; душа; Муза; ночь; хаос суша	<i>предикаты (беспамятство - объект):</i> давить; <i>сравнение:</i> как Атлас;	нет	память → беспамятство, памятник помнить → вспомнить, вспомнать → вспоминанье, вспоминанье помнить → напомнить, опомниться помнить → поминать → вспоминать, поминки
<i>виденье</i>	дремота / сон; полумгла / темный; волна / грохот пучины морской / пена ревущих валов	<i>эпитеты:</i> белокрылый, музыкальный, мучительно- отрадный, потухший, радужный; <i>предикаты (видение - субъект):</i> вставать, коснеть, уйти; <i>предикаты (видение - объект):</i> дать, ловить, не удержать; <i>предикаты (видение - результат действия):</i> воплотить в виденья; <i>предикаты (видение - инструмент):</i> виденьями тревожить; <i>локус:</i> область видений; <i>сравнение:</i> мир, как виденье;	выраженья (1) мгновенье (1) оменья (1) тенью (1)	видеть → виденье, видение → сновиденье видеть → вид, невидимка, свидание, свидетель, привидение видеть → провидеть → провиденье видеть → увидеть → увидеться видеть → завидеть, предвидеть,

А.13 Фрагмент «Словаря повторяющихся конструкций и сочетаний слов» приведен на сканированном документе А.13

Сканированный документ А.13

Фрагмент «Словаря повторяющихся конструкций и сочетаний слов»

Описание	Инструкция	Регистрирующий словарь репрезентантов концептов	Частотный конкорданс	Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов концептов	Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов	Пунктуационный конкорданс
----------	------------	---	----------------------	--	--	---------------------------

Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева

Искать здесь:

Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов

по количеству вхождений

фильтры

При анализе языковой картины мира важно обращать внимание не только на отдельные лексемы, свойственные для данной языковой личности, но и на устойчивые конструкции и сочетания слов, повторяющиеся в ее речи и иллюстрирующие фрагменты индивидуально-авторской картины мира и характеристики языковой личности. Описанию таких устойчивых конструкций и сочетаний слов в стихотворениях Ф. И. Тютчева и посвящен данный раздел словаря.

Структура словарной статьи здесь похожа на ту, что отражена в частотном конкордансе репрезентантов концепта:

1. заголовочная единица, представленная устойчивым в поэзии Ф. И. Тютчева сочетанием слов;
2. информация о количестве вхождений (рядом с заголовочной единицей в круглых скобках);
3. список контекстов в хронологическом порядке (ниже заголовочной единицы);
4. адрес с информацией о названии произведения и дате публикации (в круглых скобках после каждого контекста);
5. послепомета, комментирующая, откуда взят контекст: из основного текста или из варианта (в угловых скобках после адреса).

А.14 Пример оформления статьи в «Словаре повторяющихся конструкций...» приведен на сканированном документе А.14.

Сканированный документ А.14.

Пример оформления статьи в «Словаре повторяющихся конструкций...»

- ▶ [До конца \(16\)](#)
- ▶ [Смотри\(те\), как / смотри\(те\): / смотри - \(11\)](#)
- ▶ [В \(чьей\) душевной глубине \(5\)](#)
- ▶ [Счастлив, кто \(3\)](#)
- ▶ [Ты скажешь: / - ты скажешь - \(3\)](#)
- ▶ [Забыв \[чей\] + \[что\], забыв \[чей\] + \[что\] \(2\)](#)
- ▶ [Ир, убогой \(2\)](#)
- ▶ [Сберечь \[кому\]..удалось \(2\)](#)
- ▶ [Ты помнишь ли \(2\)](#)
- ▶ [Что общего меж \(2\)](#)

▼ [До конца \(16\)](#)

Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок *до конца!* <...>
(Приветствие духа; 1827-1829) <пер. / осн. т.>

Мужайся, сердце, *до конца* -
И нет в творении Творца!
И смысла нет в мольбе! <...>
(И чувства нет в твоих очах; 1823-1836) <ориг.ст / осн. т.>

Светились Альпы, озеро дышало,
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало,
Что чья душа так царственно светла,
Кто *до конца* сберег ее - живу ю -
И в страшную минуту роковую
Все той же будет, чем была. <...>
(Memento; 1860) <ориг.ст / осн. т.>

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь *до конца* в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе; <...>
(Есть и в моем страдальческом застое; 1865) <ориг.ст / осн. т.>

А.15 Фрагмент «Пунктуационного конкорданса» приведен на сканированном документе А.15.

Сканированный документ А.15.

Фрагмент «Пунктуационного конкорданса»

Описание	Инструкция	Регистрирующий словарь репрезентантов концептов	Частотный конкорданс	Словарь синтагматических связей и парадигматических отношений репрезентантов	Словарь повторяющихся конструкций и сочетаний слов	Пунктуационный конкорданс
----------	------------	---	----------------------	--	--	---------------------------

Функционально-когнитивный словарь поэтического языка Ф.И. Тютчева

Искать здесь...

Пунктуационный конкорданс

фильтры

Пунктуационный конкорданс регистрирует контексты употребления всех знаков препинания, встречающихся в поэзии Ф. И. Тютчева, и позволяет взглянуть на авторскую пунктуацию не только как на средство акцентирования, усиления и выделения компонентов текста, но и как на один из инструментов моделирования творческим сознанием авторского видения мира.

В качестве заголовочной единицы в данном словаре выступают знаки препинания, встречающиеся в стихотворениях Ф. И. Тютчева. Рядом с каждым из них в скобках указывается количество вхождений. Ниже в хронологическом порядке даются все контексты, где данный знак препинания был употреблен поэтом. После каждого контекста в угловых скобках дается информация о том, откуда взят контекст (из основного текста; из варианта со специфической пунктуацией).

Более подробную информацию о структуре статьи и об инструментах словаря можно найти здесь: [Инструкция](#)

А.16 Пример оформления статьи в «Пунктуационном конкордансе» приведен на сканированном документе А.16.

Сканированный документ А.16

Пример оформления статьи в «Пунктуационном конкордансе»

- ▶ [Строки, содержащие точку](#)
- ▶ [Строки, содержащие запятую](#)
- ▶ [Строки, содержащие точку с запятой](#)
- ▶ [Строки, содержащие многоточие](#)
- ▶ [Строки, содержащие тире](#)
- ▶ [Строки, содержащие двоеточие](#)
- ▶ [Строки, содержащие восклицательный знак](#)
- ▶ [Строки, содержащие восклицательный знак с многоточием](#)
- ▶ [Строки, содержащие вопросительный знак](#)
- ▶ [Строки, содержащие вопросительный знак с многоточием](#)

▼ [Строки, содержащие точку](#)

И луг поблекнул и долина. <...>
(Любезному папеньке; 1813-1814) <ориг.ст. / осн.т>

У сердца я спрошусь.<...>
(Любезному папеньке; 1813-1814) <ориг.ст. / осн.т>

На лицах вокруг себя радость узришь ты. <...>
(Любезному папеньке; 1813-1814) <ориг.ст. / осн.т>

Его лучами оживленны.<...>
(Любезному папеньке; 1813-1814) <ориг.ст. / осн.т>

Сей Год равно пройдет! .. Устав Небес священ.<...>
(На Новый 1816 год; 1816) <ориг.ст. / осн.т>

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(справочное)

**КАРТОТЕКА, ВЫСТУПИВШАЯ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ ПРИ
ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАЦИОННОЙ ВЕРСИИ СЛОВАРЯ**

В.1 Карточка контекстов, репрезентирующих концепты ‘память’ и ‘забвение’ приведена в таблице В.1.

Таблица В.1. Карточка контекстов, репрезентирующих концепты ‘память’ и ‘забвение’

№	Контекст	Актуализатор	Адрес	Год написания	Оригинальность	Источник	Концепт
1	На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой неволью забывал (Минутное, но сладкое забвенье!), К протекшему душою улетаю И Радость пел – пока о вас мечтал.	<i>протекшее; душа</i>	Друзьям при посылке «Песни Радости» – из Шиллера	1823-1824	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
2	О, как тогда с земного круга Душой к бессмертному летим! Минувшее, как призрак друга, Прижать к груди своей хотим.	<i>минувшее</i>	Проблеск	1825	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
3	Давно ль умолк Перун его побед, И гул от них стоит доселе в мире ...	<i>информация об окончании действия и сохранении последствий в настоящем</i>	Могила Наполеона	1829	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
4	Еще гремит твоих побед Отзывный гул в колеблющемся мире	<i>информация об окончании действия и сохранении последствий в настоящем</i>	Могила Наполеона	1829	ориг. ст.	вар.	‘память’
5	Лишь изредка, обряд печальный Свершая в полуночный час, Металла голос погребальный	<i>описание прецедентной ситуация (поминки)</i>	Бессонница	1829	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	Порой оплакивает нас!						
6	<p>Как часто пред кончиной дня – Дня безотрадной муки, – Потупив молнии очей, Крестом сложивши руки, Стоял он – и минувшее Овладевало им!.. Он зрел в уме подвижные Шатры, равнины боев, Рядов пехоты длинный блеск, Потоки конных строев, Железный мир и дышащий Велением одним! ..</p>	<i>минувшее; ум</i>	Из Мандзони	конец 1820-ых	перевод	осн. т.	‘память’
7	<p>Как часто пред кончиной дня – Дня безотрадной муки, – Потупив молнии очей, Крестом сложивши руки, Стоял он – и минувшее Овладевало им!.. Он зрел в уме подвижные Шатры, равнины боев, Рядов пехоты длинный блеск, Потоки конных строев, Железный мир и движимый Воззрением одним! О, под толиким бременем В нем сердце б истомилось И дух бы пал – но сильная К нему Рука спустилась – И к небу, милосердая, Его приподняла!..</p>	<i>минувшее; ум</i>	Из Мандзони	конец 1820-ых	перевод	вар.	‘память’

8	<p>Как часто пред кончиной дня – Дня безотрадной муки, – Потупив молнии очей, Крестом сложивши руки, Стоял он – и минувшее Овладевало им!.. Он зрел в уме подвижные Шатры, равнины боев, Рядов пехоты длинный блеск, Потоки конных строев, Железный мир и дышащий Велением одним!.. О, под толиким бременем Душа в нем истомилась – И он бы пап ... но сильная К нему Рука склонилась И к небу, милосердая, Его приподняла!</p>	<p>минувшее; ум</p>	<p>Из Мандзони</p>	<p>конец 1820-ых</p>	<p>перевод</p>	<p>вар.</p>	<p>‘память’</p>
9	<p>Сия земля, клейменная Судьбою, Под чуткою стопою Дрожит еще невольно и поньне,</p>	<p><i>информация об окончании действия и сохранении последствий в настоящем</i></p>	<p>Войди со мною – пуста сия обитель</p>	<p>1828-1829</p>	<p>перевод – вольный перевод</p>	<p>осн. т.</p>	<p>‘память’</p>
10	<p>Небесный Дух сей край чудес обходит, Высокий лавр и темный мирт колышет, Под сводами чертогов светлых дышит, С цветущих персей запах роз уводит И шевелит прозрачной пеленою Над дремлющей в руинах стариною!..</p>	<p><i>старина</i></p>	<p>Войди со мною – пуста сия обитель</p>	<p>1828- 1829</p>	<p>перевод – вольный перевод</p>	<p>осн. т.</p>	<p>‘память’</p>

11	<p>Певец угас пред жертвенником брани!.. Но песнь его нигде не умолкала, – Хоть из груди, истерзанной страстями, Она нередко кровью вытекала,</p>	<i>информация об окончании действия и сохранении последствий в настоящем</i>	Войди со мною – пусть сия обитель	1828-1829	перевод – вольный перевод	осн. т.	‘память’
12	<p>Волна шумит, морская птица стонет! Минувшее повеяло мне в душу – Былые сны, потухшие виденья, Мучительно – отрадные встают!</p>	<i>минувшее; былые; душа</i>	Корабле- крушение	1827-1830	перевод	осн. т.	‘память’
13	<p>Сижу задумчив и один, На потухающий камин Сквозь слез гляжу ... С тоскою мыслю о былом И слов в унынии моем Не нахожу.</p>	<i>о былом</i>	Сижу задумчив и один	1830	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
14	<p>От милой, при кончине, Он кубок получил. Ценил его высоко И часто осушал, – В нем сердце сильно билось, Лишь кубок в руки брал.</p>	<i>описание эмоций от артефакта, связанного с событием</i>	Заветный кубок	1830	перевод	осн. т.	‘память’
15	<p>От милой, при кончине, Он кубок получил. Ценил его высоко И часто осушал, – В нем сердце сильно билось, Лишь кубок в руки брал.</p>	<i>описание эмоций от артефакта, связанного с событием</i>	Заветный кубок	1830	перевод	вар.	‘память’
16	<p>И все, как в зеркале волшебном, Все обозначилось вновь: Минувших дней печаль и радость, Твоя утраченная младость, Моя погибшая</p>	<i>минувших; утраченных; погибшая любовь</i>	Двум сестрам	1830	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	любовь! ..						
17	Знакомый звук нам ветер принес: Любви последнее прости ... За нами много, много слез, Туман, безвестность впереди!..	<i>знакомый</i>	Из края в край, из града в град	1834	вариант.	осн. т.	‘память’
18	О, страшных песен сих не пой Про древний Хаос, про родимый! Как жадно мир души ночной Внимает повести любимой! Из смертной рвется он груди, Он с беспредельным жаждет слиться!.. О, бурь заснувших не буди, Под ними Хаос шевелится!..	<i>родимый; заснувших</i>	О чем ты воешь, ветр ночной?	1830-ые	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
19	О, страшных песен сих не пой Про древний Хаос, про родимый! Как жадно мир души ночной Внимает повести любимой! Из смертной рвется он груди, И с беспредельным жаждет слиться ... О, бурь заснувших не буди, Под ними Хаос шевелится! ..	<i>родимый; заснувших</i>	О чем ты воешь, ветр ночной?	1854	ориг. ст.	вар.	‘память’
20	Когда в кругу убийственных забот Нам все мерзит – и жизнь, как каменной гряда, Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда, Нам на душу отрадное дохнет – Минувшим нас обвеет и обнимет И страшный груз минутно приподнимет.	<i>минувшее</i>	Когда в кругу убийственн ых забот	1840	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
21	Когда в кругу убийственных	<i>минувшее</i>	Когда в кругу	1840	ориг. ст.	вар.	‘память’

	забот Нам все мерзит – и жизнь, как каменной гряда, Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда, Нам на душу отрадное дохнет – Минувшим нас обвеет и обьмет И страшный груз минутно приподымет.		убийственн ых забот				
22	Когда в кругу убийственных работ Нам все мерзит – и жизнь, как каменной гряда, Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда, Нам на душу отрадное дохнет – Минувшим нас обвеет и обнимет И страшный груз минутно приподнимет.	<i>минувшее</i>	Когда в кругу убийственн ых забот	1850	ориг. ст.	вар.	‘память’
23	Итак, опять увиделся я с вами, Места немилые, хоть и родные, Где мыслил я и чувствовал впервые И где теперь туманными очами, При свете вечереющего дня, Мой детский возраст смотрит на меня ...	<i>указание на события из прошлого</i>	Итак, опять увиделся я с вами	1846-1849	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
24	Итак, опять увиделся я с вами, Места печальные, хоть и родные, Где мыслил я и чувствовал впервые И где теперь туманными очами, При свете вечереющего дня, Мой детский возраст смотрит на меня ...	<i>минувшее</i>	Итак, опять увиделся я с вами	изд. 1854	ориг. ст.	вар.	‘память’
25	Лавров стройных колыханье Зыблет воздух голубой –	<i>информация о проявлении прошлого в архитектуре</i>	Вновь твои я вижу очи	1849	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	<p>Моря тихое дыханье Провеваает летний зной, Целый день на солнце зреет Золотистый виноград, Баснословной былью веет Из – под мраморных аркад ...</p>						
26	<p>Стройных лавров колыханье Зыблет воздух голубой – Моря влажное дыханье Провеваает летний зной, Целый день на солнце зреет Золотистый виноград, Баснословной былью веет Из – под мраморных аркад ...</p>	<i>информация о проявлении прошлого в архитектуре</i>	Вновь твои я вижу очи	1849	ориг. ст	вар.	‘память’
27	<p>Лавров стройных колыханье Зыблет воздух голубой – Моря тихое дыханье Провеваает летний зной, Целый день там солнце греет Золотистый виноград, Баснословной былью веет Из – под мраморных аркад ...</p>	<i>информация о проявлении прошлого в архитектуре</i>	Вновь твои я вижу очи	1854	ориг. ст.	вар.	‘память’
28	<p>Вновь твои я вижу очи – И один твой южный взгляд Киммерийской грустной ночи Вдруг рассеял сонный хлад ... Воскресает предо мною Край иной – родимый край – Словно прадедов виною Для сынов</p>	<i>описание процесса проявления в сознании информации о знакомом месте</i>	Вновь твои я вижу очи	1849	ориг. ст	осн. т.	‘память’

	погибший рай						
29	На самого себя покинут он – Упразднен ум, и мысль осиротела – В душе своей, как в бездне, погружен, И нет извне опоры, ни предела ... И чудится давно минувшим сном Ему теперь все светлое, живое ... И в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье родовое.	<i>узнает; родовое</i>	Святая ночь	конец 1840-ых	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
30	На самого себя покинут он – Упразднен ум, и мысль осиротела – В душе своей, как в бездне, погружен, И нет извне опоры, ни предела ... И чудится давно минувшим сном Теперь ему все светлое, живое, – И в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье родовое.	<i>узнает родовое</i>	Святая ночь	1850	ориг. ст.	вар.	‘память’
31	Но этот сон полумогильный, Как надо мной ни тяготел, Он сам же, чародей всесильный, Ко мне на помощь подоспел. Приязни давней выраженья Их для меня он уловил – И в музыкальные виденья Знакомый голос воплотил ... Вот вижу я, как бы сквозь дымки, Волшебный сад, волшебный дом – И в замке феи – Нелюдимки	<i>давней; знакомый</i>	Графине Ростоп- чиной	1850	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	Вдруг очутились мы вдвоем!..						
32	Но этот сон полумогильный, Как надо мной ни тяготел, Он сам же, чародей всесильный, Ко мне на помощь подоспел. Приязни давней выраженья Он для меня их уловил – И в музыкальные виденья Знакомый голос воплотил ...	<i>давней; знакомый</i>	Графине Ростоп- чиной	1850	ориг.ст.	вар.	‘память’
33	На земле, где все изменно, Выше славы блага нет. Нашу переть – земля возьмет, Имя славное – нетленно.	нет	Поминки	1850-1851	перевод	осн. т.	‘память’
34	Хоть о падших, побежденных И молчит победный клик, Но и в родах отдаленных, Гектор, будешь ты велик! ..	нет	Поминки	1850-1851	перевод	осн. т.	‘память’
35	Она сидела на полу И грудю писем разбирала – И, как остывшую золу , Брала их в руки и бросала – Брала знакомые листы И чудно так на них глядела – Как души смотрят с высоты На ими брошенное тело ... И сколько жизни было тут, Невозвратимо пережитой И сколько горестных минут, Любви и радости убитой ..	<i>зола; знакомые; пережитой; убитой</i>	Она сидела на полу	1858	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
36	И на порфирные ступени Екатерининских	<i>отблеск былого</i>	Осенней позднею порою	1858	ориг. ст	осн. т.	‘память’

	дворцов Ложатся сумрачные тени Октябрьских ранних вечеров – И сад темнеет, как дубрава, И при звездах из тьмы ночной, Как отблеск славного былого, Выходит купол золотой ...						
37	Все лучше там, светлее, шире, Так от земного далеко ... Так разнo с тем, что в нашем мире, – И в чистом пламенном эфире Душе так родственно – легко.	<i>родственно</i>	Е.Н. Анненковой	1859	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
38	Фонтаны плещут тиховеино, Прохладой сонной дышит сад – И так над вами юбилейно Петровы липы здесь шумят ...	<i>прецедентное имя</i>	Князю П.А. Вяземскому	1861	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
39	Фонтаны [брызжут] тиховеино, Прохладой сонной дышит сад – И так над вами юбилейно Петровы липы здесь шумят ...	<i>прецедентное имя</i>	Князю П.А. Вяземскому	1861	ориг. ст.	вар.	‘память’
40	Фонтан играет тиховеинный И, засыпая, дышит сад – И [благосклонно]– юбилейно Петровы липы [вам] шумят,	<i>прецедентное имя</i>	Князю П.А. Вяземскому	1861	ориг. ст.	вар.	‘память’
41	И тихими последними шагами Он подошел к окну. День вечерел И чистыми, как благодать, лучами На западе светился и горел. И вспомнил он годину обновленья,	<i>сердце как орган памяти</i>	19 февраля 1864	1864	ориг. ст.	вар.	‘память’

	<p>Великий день, новозаветный день – И на лице его от умиленья Предсмертная вдруг озарилась тьень. И раз еще два образа родные Их как святыню в сердце он носил – Предстали перед ним – Царь и Россия, И от души он их благословил.</p>						
42	<p>И тихими последними шагами Он подошел к окну. День вечерел И чистыми, как благодать, лучами На западе светился и горел. И вспомнил он годину обновленья, Великий день, новозаветный день – И на лице его от умиленья Предсмертная вдруг озарилась тьень. Два образа, заветные, родные, Что как святыню в сердце он носил – Предстали перед ним – Царь и Россия, И от души он их благословил.</p>	<i>сердце как орган памяти</i>	19 февраля 1864	1864	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
43	<p>Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом – Искала слов, не находила – И сохла, сохла с каждым днем, –</p>	<i>о былом</i>	23 ноября 1865	1865	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
44	<p>Небывалое доселе Поднял вещей наш народ – И Дагмарина неделя</p>	<i>из рода в род</i>	Небо бледно – голубое	1866	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	Перейдет из рода в род.						
45	Небывалое доселе Поднял вещей наш народ – И Дагмарова неделя Перейдет из рода в род.	<i>из рода в род</i>	Небо бледно – голубое	1866	ориг. ст.	вар.	‘память’
46	Тихо в озере струится Отблеск кровель золотых, Много в озеро глядится Достославностей былых – Жизнь играет, солнце греет, Но под нею и под ним Здесь былое чудно вест Обаянием своим. Солнце светит золотое, Блещут озера струи... Здесь великое былое Словно дышит в забытьи; Дремлет сладко, беззаботно, Не смущая дивных снов И тревогой мимолетной Лебединых голосов...	<i>о былом</i>	Тихо в озере струится	1866	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
47	Как этого посмертного альбома Мне дороги заветные листы, Как все на них так родственно – знакомо, Как полно все душевной теплоты! Как этих строк сочувственная сила Всего меня обвеяла былым! Храм опустел, потух огонь кадила, Но жертвенный еще курится дым.	<i>родственно – знакомо; былым; информация об окончании действия – о сохранении последствий в настоящем</i>	Как этого посмертног о альбома	1867	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
48	Еще болит от	<i>Информация</i>	Славянам	1867	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	старых болей Вся современная пора... Не тронута Коссово поле, Не скрыта Белая Гора!	<i>об окончании действия – информация о сохранении последствий в настоящем</i>					
49	И не Руси одной по нем сгрустнется – Он дорог был и там, в земле чужой, – И там, где кровь так безотрадно льется, Почтут его признательной слезой.	<i>название; описание эмоций о человеке, которого нет</i>	Памяти Е. П. Ковалевско го	1868	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
50	Преданье ожило святое Первоначальных лучших дней, И только позднее былое Здесь в царство отошло теней. Оттуда смутным сновиденьем Еще дано ему порой Перед всеобщим пробужденьем Живых тревожить здесь покой.	<i>былое</i>	Над русской Вильной стародавней	1870	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
51	Я встретил вас – и все былое В отжившем сердце ожило; Я вспомнил время золотое – И сердцу стало так тепло ...	<i>былое</i>	К.Б.	1870	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
52	Так, весь обвеян дунавеньем Тех лет душевной полноты, С давно забытым упоеньем Смотрю на милые черты ... Как после вековой разлуки, Гляжу на вас, как бы во сне, – И вот – слышнее стали звуки, Не умолкавшие во мне ...	<i>тех лет</i>	К.Б.	1870	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
53	Да в сердце русского народа	<i>сердце как орган памяти</i>	Черное море	1871	ориг. ст.	осн. т.	‘память’

	<p>Святиться будет этот день, Он – наша внешняя свобода, Он Петропавловского свода Осветит гробовую сень ...</p>						
54	<p>Мы солнцу Юга уступаем Вас. Оно одно – должны сознаться мы – Теплее нашего Вас любит – А все – таки хотя здесь царство и зимы, Мы ни с какими бы странами Здесьних мест не променяли бы. Здесь сердце Ваше остается с нами.</p>	<i>сердце как орган памяти</i>	Мы солнцу Юга уступаем Вас	1873	ориг. ст.	осн. т.	‘память’
55	<p>Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! – Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! И навсегда со гласом лести Умолкла о тебе молва!</p>	<i>забвенный</i>	На Новый год 1816	1816	ориг. ст.	осн. т.	‘забвение’
56	<p>Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! – Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! И навсегда со гласом чести Умолкла о тебе молва!</p>	<i>забвенный</i>	На новый 1816 год	1816	ориг. ст.	вар.	‘забвение’
57	<p>Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! – Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! И навсегда со гласом лести Умолк [нет] о тебе молва!</p>	<i>забвенный</i>	На новый 1816 год	1816	ориг. ст.	вар.	‘забвение’
58	<p>Скоро там, где нет любви и света, – Там, где льется сумрачная Лета, Скоро в ней любовь твоя</p>	<i>Лета (прецедентное имя)</i>	Гектор и Андромаха	1820-1822	пер. – вольн. пер.	осн. т.	‘забвение’

	умрет! .. <...> Все души надежды, все порывы, Все поглотят воды молчаливы, – Но не Гектора любовь!..						
59	Войди со мной – пуста сия обитель, Сего жилища одичали Боги, Давно остыл алтарь их – и без смены На страже здесь молчанье – на пороге Не встретит нас с приветствием служитель, На голос наш откликнутся лишь стены.	<i>указание на отсутствие поминовения богов</i>	Войди со мной – пуста сия обитель	1828-1829	пер. – воль. пер.	осн. т.	‘забвени е’
60	Злосчастные бойцы, все силы духа, Всю сердца кровь в бою мы истожили – И бледных, преждевременно одряхших Нас озарит победы поздний День!.. Младого Солнца свежее бессмертье Не оживит сердец изнеможенных, Ланит потухших снова не зажжет! Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!	<i>Указание на бесследное исчезновение после смерти</i>	Из путевых картин Гейне	1829-1830	ориг. ст.	осн. т.	‘забвени е’
61	Все вместе – малые, большие, Утратив прежний образ свой, Все – безразличны, как стихия, – Сольются с бездной роковой!..	<i>указание на потерю осознания себя</i>	Смотри, как на речном просторе,	1851	ориг. ст.	осн. т.	‘забвени е’
62	Вдруг все замрет. Слезам и умиленью Нет доступа, все пусто и темно, Минувшее не веет легкой тенью, А под землей, как	<i>минувшее</i>	Есть и в моем страдаль- ческом застое	1865	ориг. ст.	осн. т.	‘забвени е’

	труп, лежит оно.						
63	Природа знает не знает о былом, Ей чужды наши призрачные годы, И перед ней мы смутно сознаем Себя самих – лишь грезю природы.	<i>былое</i>	От жизни той, что бушевала здесь	1871	ориг. ст.	осн. т.	‘забвени е’

В.2 Картотека демонстрационной версии «Частотного конкорданса» приведена в таблице В.2.

Таблица В.2. Картотека демонстрационной версии
«Частотного конкорданса»

№	Лемма (кол-во)	Форма (кол-во)	Грамматические пометы	Контекст	Адрес	Дата	Источ- ник
1	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Еще шумел веселый день, Толпами улица блистала, И облаков вечерних тень По светлым кровлям пролетала.	Пробуждение	конец 1820- ых	осн. т.
2	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Еще шумел веселый день, Толпами улица блистала, И облаков вечерних тень По светлым кровлям пролетала.	Пробуждение	конец 1820- ых	ВСОТ
3	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как море вешнее в разливе, Светлея, не колыхнет день – И торопливей, молчаливей Ложится по долине тьнь!..	Вечер	1825- 1826	осн. т.
4	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как море вешнее, в разливе, Светлея, не колыхнет день – И торопливей, молчаливей – Ложится по долине тьнь!..	Вечер	1825- 1826	ВСОТ
5	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	[Тень богатырская стоит] [Порою богатырский Дух Стоит на башне там – И шлет свои приветы] вспух [Плывущим] челнокам:	Приветствие духа	1827- 1829	ВОС

6	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	На старой башне у реки Тень рыцаря стоит И лишь завидит челноки Приветом их дарит.	Приветствие духа	1827- 1829	ВОС
7	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Швейцария!.. Там мир как за оградой, Звучит рожок, поют вольней потоки В горах, как в чаше, озера глубоки, Свет на холмах, в долинах тень с прохладой И надо всем вершины ледяные, То бледные, то огненно – живые! ..	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
8	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И ум людей твоею тенью полн А тень твоя, скитаясь в крае диком, Чужда всему, внимая шуму волн, И тешится морских пернатых криком.	Могила Наполеона	изд. 1829	ВСОТ
9	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И ум людей великой тенью полн, А тень его, одна, на береге диком, Чужда всему, внимает шуму волн И тешится морских пернатых криком ...	Могила Наполеона	изд. 1854, изд. 1868, изд.18 86	осн. т.
10	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Но в детский покой лишь вбежала она, Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена. Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу, Тень мужа над люлькой сидела в углу!	Все бешеной буря, все злее и злей	1831- 1836	осн. т.
11	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И ты с веселостью беспечной Счастливым провожала день; И сладко жизни быстротечной Над нами пролетала тень.	Я помню время золотое	1834- 1836	осн. т.
12	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Утихло вокруг тебя молчанье, И тень нахмурилась темней, И груди ровное дыханье Струилось в воздухе слышной ...	Вчера, в мечтах обво- роженных	1836	осн. т.

13	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Утихло вокруг тебя молчанье, И тьнь [надвинулась] темней, И груди ровное дыханье Струилось в воздухе слышной ...	Вчера, в мечтах обвороженны х	1836	ВСОТ
14	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Но ты, в безвременную тьму Вдруг поглощенная со света, Мир, мир тебе, о тьнь поэта, Мир светлый праху твоему!..	29 января 1837	1837	осн. т.
15	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Так взывал я, так гласил я. Тридцать лет с тех пор ушло – Все упорнее усилия, Все назойливее зло. Ты, стоящий днесь пред Богом, Правды муж, святая тьнь , Будь вся жизнь твоя залогом, Что придет желанный день. За твое же постоянство В нескончаемой борьбе Первый праздник Всеславяинства Приношеньем будь тебе.	К Ганке	1841	осн. т.
16	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Так взывал я, так просил я – Тридцать лет с тех пор ушло – Все упорнее усилия, Все безвыходнее зло. Ты, стоящий днесь пред Богом, [Ганка – праведная тьнь] Муж добра, святая тьнь , Будь же ты для нас залогом, Что [и наш наступит] День.	К Ганке	1841	ВСОТ
17	тьнь (110)	тьнь (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столп светлеет в вышине! Как тьнь внизу скользит неуловима!.. " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень, бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	1849	осн. т.

18	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столп светлеет в вышине! Как тень внизу скользит неуловима!.. " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень , бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	1849	осн. т.
19	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столб светлеет в вышине! Как тень внизу скользит неуловимо! " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень , бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	изд. 1850	BCOT
20	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столб светлеет в вышине! Как тень внизу скользит неуловимо! " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень, бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	изд. 1850	BCOT
21	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столб светлеет в вышине! Как тень внизу скользит неуловима!.. " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень , бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	изд.18 54	BCOT
22	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Как дымный столб светлеет в вышине! Как тень внизу скользит неуловима!.. " Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень, бегущая от дыма ... "	Как дымный столп светлеет в вышине	изд.18 54	BCOT
23	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И Чета в любви и мире Много славы нажила – Века три или четыре, Все могучее и шире, Разрасталась в целом мире – Тень от Львиного Крыла.	Венеция	1850- 1852	осн. т.
24	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Широко ложилась в мире, Все могучее и шире – Тень от Львиного Крыла	Венеция	до 1852	BCOT

25	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	День вечереет, ночь близка, Длинней с горы ложится тень , На небе гаснут облака, Уж поздно. Вечереет день.	День вечереет	1851	осн. т.
26	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Крылом своим меня одень, Волненья сердца утиши, И благодатна будет тень Для очарованной души.	День вечереет	1851	осн. т.
27	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Полнеба обхватила тень , Лишь там, на западе, бродит сиянье, – Помедли, помедли, вечерний день, Продлись, продлись, очарованье.	Последняя любовь	1852- 1854	осн. т.
28	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Не двинулась ночная тень – Высоко в небе месяц светит, Царит себе – и не заметит, Что уж родился юный День	Декабрьское утро	1858, изд.18 86	ВСОТ
29	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	На небе месяц – и ночная Еще не тронулася тень , Царит себе, не сознавая, Что вот уж встрепенулся день, –	Декабрьское утро	1859	осн. т.
30	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И вспомнил он годину обновленья, Великий день, новозаветный день – И на лице его от умиленья Предсмертная вдруг озарилась тень . Два образа, заветные, родные, Что как святыню в сердце он носил – Предстали перед ним – Царь и Россия, И от души он их благословил.	19 февраля 1864	1864	осн. т
31	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	И вспомнил он годину обновленья, Великий день, новозаветный день – И на лице его от умиленья Предсмертная вдруг озарилась тень . И раз еще два образа родные Их как святыню в сердце он носил – Предстали перед ним – Царь и Россия,	19 февраля 1864	1864	ВСОТ

				И от души он их благословил.			
32	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Все привольней, все приветней Умалющийся день – И согрета негой летней Вечеров осенних тень .	Небо бледно – голубое	1866	осн. т.
33	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Час от часу жар сильней, Тень ушла к неммым дубравам, И с белеющих полей Веет запахом медовым	В небе тают облака	1868	осн. т.
34	тень (110)	тень (34)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч.	Если смерть есть ночь, если жизнь есть день – Ах, умаял он, пестрый день, меня!.. И сгущается надо мною тень , Ко сну клонится голова моя ...	Мотив Гейне	1868- 1869	осн. т.
35	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени, С улыбкой злобною они к тебе спешат!.. Они прияли смерть от варварских гонений! От них и ожидай за варварство наград! –	На Новый год 1816	1816	осн. т.
36	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Встает ли день, ночные ль сходят тени, – И мрак и свет противны мне ... Моя судьба не знает изменений – И горесть вечная в душевной глубине!	Одиночество	1820- 1822	осн. т.
37	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Встает ли день, ночные ль сходят тени, И свет, и мрак равно противны мне; – Моя судьба не знает изменений: Вся вечность горести в душевной глубине!	Одиночество	1822	BCOT
38	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Что, сердца, благовестите? Иль Творец сказался вам? Здесь лишь тени – Солнце там, – Выше звезд Его ищите!..	Песнь к радости (из Шиллера)	1823	осн. т.
39	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Ты в мирную ведешь меня пещеру, И самого меня являешь ты Очам души моей – и мир ее, Чудесный мир, разоблачаешь мне! Подыметесь ль,	Из "Фауста" Гете	1828- 1829	осн. т.

				<p>всеулажда, месяц В сиянье кротком, и ко мне летят С утеса гор, с увлаженного бора, Сребристые веков минувших тени И строгую утеху созерцанья Таинственным влияньем умиляют!</p>			
40	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>[В дубраве ль темной, на водах, в эфире) – Чудесный мир, разоблачаешь [ты] [Взойдет ли предо мною чистый] месяц, [Всеулажда] – и ко мне [с] летят С утеса гор, с увлаженного бора, Сребристые веков минувших тени И строгую утеху созерцанья Таинственным влияньем умиляют!</p>	Из "Фауста" Гете	1828- 1829	ВСОТ
41	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>Своих отцов покинул он обитель, Где тени их скитаются безмолвны, Где милые остались залог.</p>	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
42	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>Древа кругом покрылись новым цветом, И тени их, средь общей тишины, Чуть зыблются дыханием волны На мраморе, весною разогретом...</p>	Могилы Наполеона	1829	осн. т.
43	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>Песок сыпучий по колени ... Мы едем – поздно – меркнет день И сосен, по дороге, тени Уже в одну слились тень.</p>	Песок сыпучий по колени ...	1830	осн. т.
44	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>Песок сыпучий по колени. Мы едем – поздно – меркнет день И сосен придорожных тени Уже в одну слились тень.</p>	Песок сыпучий по колени ...	1837	ВСОТ
45	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	<p>Тени сизые смешались, Цвет поблекну л, звук уснул Жизнь, движенье разрешились В сумрак зыбкий, в дальний гул ...</p>	Тени сизые смешались,	1830- ые	осн. т.

46	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Затих повсюду шум и гам И воцарилось молчанье Ходили тени по стенам И полусонное мерцанье ...	Еще шумел веселый день,	конец 1840- ых	осн. т.
47	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Я спал в оковах тяжелой лени, Под осьмимесячной зимой, Как дремлют праведные тени Во мгле стигийской роковой.	Графине Ростопчиной	1850	осн. т.
48	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	И на порфирные ступени Екатерининских дворцов Ложатся сумрачные тени Октябрьских ранних вечеров – И сад темнеет, как дубрава, И при звездах из тьмы ночной, Как отблеск славного былого, Выходит купол золотой ...	Осенней позднею порою	1858	осн.т.
49	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	И на широкие ступени Екатерининских дворцов [И сходят сумрачные тени] [Октябрьских ранних вечеров] – И сад темнеет, как дубрава, И при звездах из тьмы ночной, И в тайне сумрака немого Лишь слабо светит под звездой Как память дальнего былого Пустынный купол золотой	Осенней позднею порою	1858	BCOT
50	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	И на широкие ступени Екатерининских дворцов Ложатся сумрачные тени Октябрьских ранних вечеров – И сад темнеет, как дубрава, И при звездах из тьмы ночной, И в тайне сумрака немого Лишь слабо светит под звездой Как память дальнего былого Пустынный купол золотой	Осенней позднею порою	1858, изд.18 68	BCOT

51	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Весь день она лежала в забытьи, И всю ее уж тени покрывали – Лил теплый летний дождь – его струи По листьям весело звучали.	Весь день она лежала в забытьи	1864	осн. т.
52	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Лучи сквозили, трепетали тени ; Не умолкал в деревьях птичий гам; Мелькали в чаще быстрые олени, И ловчий рог зывал по временам.	Дым	1867	осн. т.
53	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Только там, где тени бродят По долинам и горам И куда уж не доходят Эти клики, этот гам – Только там, где тени бродят, Там в ночи – из свежих ран Кровью медленно исходят Миллионы христиан.	Современное	1869	осн. т.
54	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Только там, где тени бродят По долинам и горам И куда уж не доходят Эти клики, этот гам – Только там, где тени бродят, Там в ночи – из свежих ран Кровью медленно исходят Миллионы христиан.	Современное	1869	осн. т.
55	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	Нет – то не призрачные тени , Не мир, лишь видимый во сне, О не – превыше всех сомнений – Уж потому, что то – оне ...	Чему бы жизнь нас не учила	1871, изд. 1886, изд.19 00	ВОС
56	тень (110)	тени (22)	сущ., ж.р., им.п., мн.ч.	В наш век отчаянных сомнений, В наш век, неверием больной, Когда все гуще сходят тени На одичалый мир земной, –	Памяти М. К. Политовской	1872	осн. т.
57	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Прекрасен мир! Но восхищенью В иссохшем сердце места нет!.. По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,	Одиночество	1820- 1822	осн. т.

				И мертвого согреть бессилен солнца свет.			
58	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Как под высоким триумфальным сводом Громадных облаков всходило Солнце, Победоносно, смело и светло, Прекрасный день природе возвещая. Но мне при виде сем так грустно было, Как месяцу, еще заметной тенью Бледневшему на небе. – Бедный месяц!	Из "Путевых картин" Гейне	1829- 1830	осн. т.
59	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	И ум людей твоею тенью полн А тень твоя, скитаясь в крае диком, Чужда всему, внимая шуму волн, И тешится морских пернатых криком.	Могила Наполеона	изд. 1829	ВСОТ
60	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Обломки старых поколений, Вы, пережившие свой век, Как ваших жалоб, ваших пеней Неправый праведен упрек! Как грустно полусонной тенью , С изнеможением в кости, Навстречу солнцу и движенью За новым племенем брести! ..	Как птичка раннею зарей	1830- ые	осн. т.
61	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	И распростясь с тревогою житейской, И кипарисной рощей заслонясь, – Блаженной тенью , тенью элисейской, Она заснула в добрый час.	Итальянская villa	1837	осн. т.
62	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	И распростясь с тревогою житейской, И кипарисной рощей заслонясь, – Блаженной тенью, тенью элисейской, Она заснула в добрый час.	Итальянская villa	1837	осн. т.
63	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	О, первых листьев красота, Омытых в солнечных лучах, С новорожденною их тенью! И слышно нам по их	Первый лист	1851	осн. т.

				движенью, Что в этих тысячах и тьмах Не встретишь мертвого листа!..			
64	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	О, первых листьев красота, Омытых в солнечных лучах, С новорожденною их тенью! И слышно нам по их движенью, Что в этих тысячах и тьмах Не встретишь мертвого листа!..	Первый лист	1851	ВСОТ
65	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	И ум людей великой тенью полн, А тень его, одна, на бере диком, Чужда всему, внимает шуму волн И тешится морских пернатых криком ...	Могила Наполеона	изд.18 54, изд. 1868, изд. 1886	осн. т.
66	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Нет, мера есть долготерпенью, Бесстыдству также мера есть!.. Клянусь его священной тенью, Не все же можно перенести!	По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая	1855	осн. т.
67	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Нет, мера есть долготерпенью, Бесстыдству также есть предел. Как! – пред его священной тенью И он, и он предстать посмел?	По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая	1855	ВСОТ
68	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Нет, мера есть долготерпенью, Бесстыдству также есть предел. Клянусь его священной тенью, И он, и он предстать посмел?	По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая	1855	ВСОТ
69	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Проснулись мы – конец виденью, Его ничем не удержать, И тусклой, неподвижной тенью, Вновь обреченных заключенью, Жизнь обхватила нас опять.	Е.Н. Анненковой	1859	осн. т.
70	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Проснулись мы – конец виденью, Его ничем не удержать, И тусклой, неподвижной	Е.Н. Анненковой	изд.18 86	ВСОТ

				тенью , Отдашься общему течению – И жизнь охватит нас опять!			
71	тень (110)	тенью (15)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Вдруг все замрет. Слезам и умиленью Нет доступа, все пусто и темно, Минувшее не веет легкой тенью , А под землей, как труп, лежит оно.	Есть и в моем страдальческ ом застое	1865	осн. т.
72	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	И между тем, какой – то Гений Из области цветущей Дня Стезю тайной Сновидений В страну Теней увел меня.	Пробуждение	1820	осн. т.
73	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	И между тем какой – то гений Из пышного златого дня Тропою тайной сновидений В страну теней увел меня.	Пробуждение	конец 1820- ых	BCOT
74	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	То совершитель тризны благочестной, Теней погибших окруженный роем, Равнину ту обходит он с тоскою, Где жребий мира выпал славным боем, Где был судим сей Страшный Суд железный!..	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
75	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Блаженство стольких, стольких дней Себе на память приведи ... Все милое душе твоей Ты покидаешь на пути!.." " Не время выкликать теней : И так уж этот мрачен час. Усопших образ тем страшней, Чем в жизни был милей для нас.	Из края в край, из града в град	1834	осн. т.
76	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Душа моя, Элизиум теней , Теней безмолвных, светлых и прекрасных, Ни помыслам години буйной сей, Ни радостям, ни горю не причастных!	Душа моя, Элизиум теней	1830- ые	осн. т.

77	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Душа моя, Элизиум теней, Теней безмолвных, светлых и прекрасных, Ни помыслам години буйной сей, Ни радостям, ни горю не причастных!	Душа моя, Элизиум теней	1830- ые	осн. т.
78	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Душа моя, Элизиум теней , Что общего меж жизнью и тобою! Меж вами, призраки минувших лучших дней, И сей бесчувственной толпою? ..	Душа моя, Элизиум теней	1830- ые	осн. т.
79	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Душа моя – Элизиум теней , Теней безмолвных, светлых и прекрасных, Ни замыслам години буйной сей, Ни радостям, ни горю не причастных!	Душа моя, Элизиум теней	1836	ВСОТ
80	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	И мне казалось, что меня Какой – то миротворный гений Из пышно – золотого дня Увлек, незримый, в царство теней .	Еще шумел веселый день,	конец 1840- ых	осн. т.
81	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Пусть добрый, благосклонный гений Скорей ведет навстречу к ней И горсть живых еще друзей, И столько милых, милых теней!	Гр. Ростопчиной	1855	осн.т.
82	тень (110)	теней (11)	сущ., ж.р., род.п., мн.ч.	Преданье ожило святое Первоначальных лучших дней, И только позднее былое Здесь в царство отошло теней .	Над русской Вильной стародавней	1870	осн. т.
83	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Как часто, бросив взор с утесистой вершины, Сажусь задумчивый в тени древес густой, И развиваются передо мною Разнообразные вечерние картины!	Одиночество	1820- 1822	осн. т.
84	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Как часто, бросив взор с утесистой вершины, Сажусь, задумчивый, в тени дерев густой, И раскрываются пред мною Разнообразные вечерние картины! –	Одиночество	1820- 1822	ВСОТ

85	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Но так и быть! в палящий летний зной Лестней для чувств, приманчивей для взгляда Смотреть в тени , как в кисти винограда Сверкает кровь сквозь зелени густой!	К П.П.	до 1829	осн. т.
86	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Родись в народе мысль, зачатая веками, Сперва растет в тени и шевелит сердцами – Вдруг воплотилась и увлекла народ! ..	Из "Эрнани" В. Гюго	1830	осн. т.
87	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	О арфа скальда! Долго ты спала В тени , в пыли забытого угла; Но лишь луны, очаровавшей мглу, Лазурный свет блеснул в твоем углу, Вдруг чудный звон затрепетал в струне, Как бред души, встревоженной во сне.	Арфа скальда	1834	осн. т.
88	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	О арфа скальда! Долго ты спала В тени , в тиши забытого угла; Но лишь луны, очаровавшей мглу, Лазурный свет блеснул в твоем углу, Вдруг чудный звон затрепетал в струне, Как бред души, встревоженной во сне.	Арфа скальда	1834	BCOT
89	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край: День вечерел; мы были двое; Внизу, в тени , шумел Дунай.	Я помню время золотое	1834- 1836	осн. т.
90	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край. День вечерел: мы были двое, Внизу, в тени , шумел Дунай.	Я помню время золотое	1834- 1836	BCOT
91	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	В непостижимом этом взоре, Жизнь обнажающем до дна, Такое слышалось горе, Такая страсти глубина! Дышал он грустный, углубленный В тени ресниц ее густой, Как наслажденье,	Я очи знал	до 1852	осн. т.

				утомленный И, как страданье, роковой.			
92	тень (110)	тени (10)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч.	Где живые благовонья Бродят в сумрачной тени , В сладкий сумрак полусонья Погрузись и отдохни ...	Как ни дышит полдень знойный	1859	осн. т.
93	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Эфирного тени сложив покрывала И пояс волшебный всесильных харит, Здесь образ Урания свой восприяла, И звездный венец на богине горит! Что нас на земле мечтою пленило, Как Истина, то нам и здесь предстоит!	Урания	1820	осн. т.
94	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Тебе, тебе, послу его велений Кому сам Бог вручил свой страшный меч, – Известь народ его из смертной тени И вековую цепь навек рассечь.	Николаю 1 (с немецкого)	1829	осн. т.
95	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Дети ль это праздной лени Тратят здесь досуг ночной? Иль блаженные две тени Покидают мир земной?	На Неве	1850	осн. т.
96	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Как под сугробом снежным лени, Как околдованный зимой, Каким – то сном усопшей тени Я спал, зарытый, но живой!	Графине Ростопчиной	1850	осн. т.
97	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Не плоть, а дух растлился в наши дни, И человек отчаянно тоскует ... Он к свету рвется из ночной тени И, свет обретши, ропщет и бунтует.	Наш век	1851	осн. т.
98	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед. ч.	Стоял я, молча, в стороне И пасть готов был на колени, – И страшно – грустно стало мне, Как от присущей милой тени ...	Она сидела на полу	1858	осн.т.
99	тень (110)	Тени (7)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Привет еще тебе от тени той, Обоим нам и милой, и святой,	Тебе, болящая в далекой стороне	1873	осн. т.

				<p>Которая так мало здесь гостила, Страдала храбро так – и горячо любила, Ушла стремглав из сей юдоли слез, Где ей, увы! – ничто не удалось – По долгой, тяжелой, истомительной борьбе Прощая все и людям, и судьбе.</p>			
100	тень (110)	тень (4)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	<p>Оставь на время град, в заботах погруженный, Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой. Под кровом сельского Пената, Где все красуется, все дышит простотой, Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, – Там сладок кубок круговой!</p>	Послание Горация к Мецинату	1818	осн. т.
101	тень (110)	тень (4)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	<p>Песок сыпучий по колени... Мы едем – поздно – меркнет день И сосен, по дороге, тени Уже в одну слилися тень.</p>	Песок сыпучий по колени ...	1830	осн. т.
102	тень (110)	тень (4)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	<p>Песок сыпучий по колена. Мы едем – поздно – меркнет день И сосен придорожных тени Уже в одну слилися тень.</p>	Песок сыпучий по колени ...	1830	ВСОТ
103	тень (110)	тень (4)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	<p>Кто смотрит вскользь – через ограду – На тень деревьев, злак долин, На недоступную прохладу Роскошных, светлых луговин.</p>	Пошли, Господь, свою ограду	1850	осн. т.
104	тень (110)	тень (3)	сущ., ж.р., дат.п., мн.ч.	<p>Поэта око в светлом иступленьи, Круговращаясь, блещет и скользит На Землю с Неба, на Небо с Земли – И, лишь создаст воображеньи виды Существ неведомых, поэта жезл Их претворяет в лица и дает Теньям воздушным</p>	Из Шекспира	1820- 1830- ые	осн. т.

				местность и название!			
105	тень (110)	теням (3)	сущ., ж.р., дат.п., мн.ч.	Поэта око в светлом исступленьи Круговращаясь, блещет и скользит На Землю с Неба, на Небо с Земли – И лишь существ неведомых явленья Воображенье вызовет – поэт Их претворяет в лица и дарит Теням воздушным имя и жилище! И лишь создаст Воображенье виды Существ неведомых – поэта перст	Из Шекспира	1820- 1830- ые	ВСОТ
106	тень (110)	теням (3)	сущ., ж.р., дат.п., мн.ч.	Поэта око в светлом исступленьи Круговращаясь, блещет и скользит На Землю с Неба, на Небо с Земли Лишь вызовет Воображенье виды Существ неведомых – поэта перст Их претворяет в лица и дарит Теням воздушным [местность и название] Теням воздушным имя и жилище!	Из Шекспира	1820- 1830- ые	ВСОТ
107	тень (110)	тени (2)	сущ., ж.р., дат.п., ед.ч.	"Всевышних власть мой век во цвете губит. Друг, не оставь Ариции моей! Когда ж настанет день, что мой Родитель, Рассеяв мрак ужасной клеветы, В невинности сыновней убедится, О, в утешенье сетующей тени , Да облегчит он узнице своей Удел ее!.. Да возвратит он ей ... "	Из "Федры" Расина	конец 1820- ых	осн. т.
108	тень (110)	тени (2)	сущ., ж.р., дат.п., ед.ч.	Не врага рукой победной – От руки ты пал своей ... Ах, и лучших из людей Часто губит гнев зловредный! И твоей теперь державной Тени , доблестный Пелид, Сын твой, Пирр, воитель	Поминки	1850- 1851	осн. т.

				славный, Возлияние творит ...			
109	тень (110)	теньями (2)	сущ., ж.р., тв.п., мн.ч.	Уже полдневная пора Палит отвесными лучами, – И задымилась гора С своими черными теньями! .. Едва в трепещущих листах Перебирается прохлада – Звонок пасущегося стада Почти замолк на высотах	Снежные горы	изд. 1830, изд. 1900	ВОС
110	тень (110)	теньями (2)	сущ., ж.р., тв.п., мн.ч.	Ужасный сон отяготел над нами, Ужасный, безобразный сон: В крови до пят, мы боремся с теньями , – В лукавой мгле – соблазн со всех сторон.	Ужасный сон отяготел над нами	1863	ВОС
111	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Вдался я в сладкое забвенье: Не знаю, долог ли был сон , Но странно было пробужденье.	Пробуждение	1820	осн. т.
112	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Слыхал ли в сумраке глубоком Воздушной арфы легкий звон, Когда полночь, ненароком, Дремавших струн встревожен сон ? ..	Проблеск	1825	осн. т.
113	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Сон на море	Сон на море	1829	осн. т.
114	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы, Окликнулись ветры и пели валы – Я в хаосе звуков лежал оглушен, Но над хаосом звуков носился мой сон . Болезненно – яркий, волшебно – немой, Он веял легко над гремящею тьмой ...	Сон на море	1829	осн. т.
115	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы, Окликнулись ветры и пели валы!.. Я в хаосе звуков лежал оглушен, Но над хаосом звуков носился мой сон! .. Болезненно – яркий, волшебно – немой, Он веял легко над гремящею тьмой ...	Сон на море	изд. 1839	ВСОТ

116	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Кругом, как кимвалы, звучали скалы, И ветры свистали, и пели валы. Я в хаосе звуков летал оглушен; Над хаосом звуков носился мой сон .	Сон на море	изд. 1839	ВСОТ
117	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И вновь душа в потоках света тонет. Передо мною день, за мною ночь. В ногах равнина вод и небо над главою. Прелестный сон ... и суетный – прости! К крылам души, парящим над землею, Не скоро нам телесные найти.	Из "Фауста" Гете	1828- 1830	осн. т.
118	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И вновь душа в потоках света тонет. Передо мною день, за мною ночь, У ног равнина вод – и небо над главою! Прекрасный сон ... и суетный!.. прости! К крылам души, парящим над землею, Не скоро нам телесные найти.	Из "Фауста" Гете	1828- 1830	ВСОТ
119	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Высокого предчувствия Порывы и томленье, Души, господства жаждущей, Кипящее стремленье И замыслов событие Несбыточных, как сон ,	Из Мандзони	конец 1820- ых	осн. т.
120	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Как птичка, раннею зарей Мир, пробудившись, встрепенулся... Ах, лишь одной главы моей Сон благодатный не коснулся...	Как птичка, раннею зарей	1830- ые	осн. т.
121	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Душа, душа, спала и ты... Но что же вдруг тебя волнует, Твой сон ласкает и целует И золотит твой мечты?..	Еще земли печален вид	1830- ые	осн. т.
122	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Вдруг, от избытка чувств, от полноты сердечной, Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц ... Но скоро добрый сон , младенчески – беспечный, Сходил на шелк твоих	С какою негою, с какой тоской влюбленной	1836	осн. т.

				ресниц –			
123	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И на руки к нему глава твоя склонялась, И матери нежней тебя леял он ... Стон замирал в устах ... дыханье уравнилось – И тих и сладок был твой сон.	С какою негою, с какой тоской влюбленной	1836	осн. т.
124	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	По – прежнему в углу фонтан лепечет, Под потолком гуляет ветерок, И ласточка влетает и щебечет ... И спит она ... и сон ее глубок! ..	Итальянская villa	1837	осн. т.
125	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Воспрянь – не Польша, не Россия – Воспрянь, Славянская Семья! – И, отряхнувши сон , впервые – Промолви слово: "Это я!" –	От Русского по прочтении отрывков из лекций г – на Мицкевича	1842	осн. т.
126	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Мы на палубе сидели, Многих сон одолевал Все звучней колеса пели, Разгребая шумный вал ...	По равнине вод лазурной	1849	осн. т.
127	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Есть близнецы – для земнородных Два божества, – то Смерть и Сон , Как брат с сестрою дивно сходных – Она угрюмей, кротче он.	Близнецы	1849	осн. т.
128	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Я впал в невольное забвенье; Не знаю, долог ли был сон , Но странно было пробужденье...	Еще шумел веселый день,	конец 1840- ых	осн. т.
129	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Я впал в Невольное забвенье: Не знаю, долог ли был сон , Но странно было пробужденье.	Еще шумел веселый день,	конец 1840- ых	ВСОТ
130	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Года прошли – и вот, из ссылки тесной На родину вернувшийся мертвец, На берегах реки, тебе любезной, Тревожный дух, почил ты наконец ... Но чуток сон – и по ночам, тоскуя, Порою встав, ты смотришь на Восток,	Наполеон	до 1850	осн. т.

				И вдруг, смутясь, бежишь, как бы почуя Передрасветный ветерок.			
131	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Но этот сон полумогильный, Как надо мной ни тяготел, Он сам же, чародей всесильный, Ко мне на помощь подоспел.	Графине Ростопчиной	1850	осн. т.
132	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И что ж теперь? И где все это? И долговечен ли был сон ? Увы, как северное лето, Был мимолетным гостем он!	О, как убийственно мы любим,	1851	осн. т.
133	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	В разлуке есть высокое значение: Как ни люби – хоть день один, хоть век ... Любовь есть сон , а сон – одно мгновенье,	В разлуке есть высокое значение	1851	осн. т.
134	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	В разлуке есть высокое значение: Как ни люби – хоть день один, хоть век ... Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,	В разлуке есть высокое значение	1851	осн. т.
135	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Но для кого?.. Одна ли вья, Народ ли целый обречен?.. Слова неясны роковые, И смутен замогильный сон ...	На новый 1855 год	1855	осн. т.
136	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Так, ты – жилица двух миров, Твой день – болезненный и страстный, Твой сон – пророчески – неясный, Как откровение духов ...	О вещая душа моя	1855	осн. т.
137	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Мне любо спать – отрадной камнем быть – В сей век стыда и язвы повсемест Не чувствовать, не видеть – жребий лестный, Мой сон глубок – не смей меня будить ...	Ночь M. Angelo	1855	ВОС
138	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Ужасный сон отяготел над нами, Ужасный, безобразный сон: В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, Воскресшими для новых похорон	Ужасный сон отяготел над нами	1863	осн. т.

139	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Ужасный сон отяготел над нами, Ужасный, безобразный сон: В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, Воскресшими для новых похорон	Ужасный сон отяготел над нами	1863	осн. т.
140	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Ужасный сон отяготел над нами, Ужасный, безобразный сон: В крови до пят, мы боремся с тенями, – В лукавой мгле – соблазн со всех сторон.	Ужасный сон отяготел над нами	1863	ВСОТ
141	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Молчит сомнительно Восток, Повсюду чуткое молчанье... Что это? Сон иль ожиданье, И близок день или далек?	Молчит сомнительно Восток	1865	осн. т.
142	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Ночное небо так угрюмо, Заволокло со всех сторон. То не угроза и не дума, То вялый, безотрадный сон.	Ночное небо так угрюмо	1865	осн. т.
143	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Нет, это сон! Нет, ветерок повеет И дымный призрак унесет с собой ... И вот опять наш лес зазеленеет ... Все тот же лес, волшебный и родной.	Дым	1867	осн. т.
144	сон (79)	сон (34)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Нет, это сон – вот ветерок повеет И дымный призрак унесет с собой ... И вот опять стоит и зеленеет Все тот же лес, волшебный и родной.	Дым	1867	ВСОТ
145	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	На севере мрачном, на дикой скале Кедр одинокий под снегом белеет, И сладко заснул он в инистой мгле, И сон его вьюга лелеет.	С чужой стороны	1823	осн. т.
146	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	На севере мрачном на дикой скале Кедр одинокий под снегом белеет, И сладко заснул он в инистой мгле, И сон его буря лелеет.	С чужой стороны	1823	ВСОТ

147	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Едва усилием минутным Прервем на час волшебный сон , И взором трепетным и смутным, Привстав, окинем небосклон, – И отягченную главою, Одним лучом ослеплены, Вновь упадем не к покою, Но в утомительные сны.	Проблеск	1825	осн. т.
148	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Она, между двойною бездной, Лелеет твой всезрящий сон – И полной славой тверди звездной Ты отовсюду окружен.	Лебедь	1820- 1830- ые	осн. т.
149	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Здесь, где так вяло свод небесный На Землю тощую глядит, – Здесь, погружившись в сон железный, Усталая природа спит! .	Здесь, где так вяло свод небесный	1830	осн. т.
150	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	А днесь ... О, если бы тогда тебе приснилось, Что будущность для нас обоих берегла ... Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась, Иль в сон иной бы перешла.	С какою негою, с какой тоской влюбленной	1836	осн. т.
151	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Вдруг все смутилось: судорожный трепет По ветвям кипарисным пробежал, – Фонтан замолк – и некий чудный лепет, Как бы сквозь сон , невнятно прошептал.	Итальянская villa	1837	осн. т.
152	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Я спал, и сквозь сон , как волшебника вой Мне слышался грохот пучины морской И в тихую область видений и снов Врывалась пена ревущих валов ...	Сон на море	изд. 1839	ВОС
153	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Блеснет твой луч и оживит, И сон разгонит и туманы... Но старые, гнилые раны, Рубцы насилий и обид,	Над этой темною толпой	1857	осн. т.
154	сон (79)	сон (10)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Все отнял у меня казнящий Бог: Здоровье, силу воли, воздух, сон , Одну тебя при мне оставил Он,	Все отнял у меня казнящий Бог	1873	осн. т.

				Чтоб я Ему еще молиться мог.			
155	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Откуда он, сей гул непостижимый?.. Иль смертных дум, освобожденных сном , Мир бестелесный, слышный, но незримый, Теперь роится в Хаосе ночном? ..	Как сладко дремлет сад темно- зеленый	1830- ые	осн. т.
156	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Вчера, в мечтах обвороченных, С последним месяца лучом На веждах, томно озаренных, Ты поздним позабылась сном ...	Вчера, в мечтах обворо- ченных	1836	осн. т.
157	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	На самого себя покинут он – Упразднен ум, и мысль осиротела – В душе своей, как в бездне, погружен, И нет извне опоры, ни предела... И чудится давно минувшим сном Ему теперь все светлое, живое ... И в чуждом, неразгаданном, ночном Он узнает наследье родовое.	Святая ночь	конец 1840- ых	осн. т.
158	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Не рассуждай, не хлопочи – Безумство ищет – глупость судит; Дневные раны сном лечи, А завтра быть чему – то будет.	Не рассуждай, не хлопочи	1850	осн. т.
159	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Как под сугробом снежным лени, Как околдованный зимой, Каким – то сном усопшей тени Я спал, зарытый, но живой!	Графине Ростопчиной	1850	осн. т.
160	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	И стоит он, околдован, – Не мертвец и не живой – Сном волшебным очарован, Весь опутан, весь окован Легкой цепью пуховой ...	Чародейкою зимою	1852	осн. т.
161	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Так узник эллинский, порою Забывшись сном среди степей, Под скифской вьюгой снеговой,	Н.Ф. Щербине	1857	осн. т.

				Свободой бредил золотою И небом Греции своей.			
162	сон (79)	сном (8)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Иных она лишь на заре лелеет, Целует шелк их кудрей молодых, Но ветерок чуть жарче лишь повеет – И с первым сном она бежит от них.	На Юбилей Князя Петра Андреевича Вяземского	1861	осн. т.
163	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род. п., ед.ч.	Не кубок кипящий душистого меда Румяное утро героям вручит; Не сладостных жен любовь и беседа Вам душу согреет и жизнь оживит; Но вас, обновленных прохладю сна , – Кровавые битвы подымет волна!.. Дружина, воспрянь!.. Смерть иль победа!.. На брань!..	Песнь скандинавски х воинов	1825	осн. т.
164	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами ; Настанет ночь – и звучными волнами Стихия бьет о берег свой.	Как океан объемлет шар земной,	1828- 1830	осн. т.
165	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	Еще природа не проснулась, Но сквозь редящего сна Весну послышала она И ей неволью улыбнулась...	Еще земли печален вид	1830- ые	осн. т.
166	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	И вот он очнулся от райского сна – Его, обнимая, ласкает волна ... И слышит он голос, Как ропот струи: "Приди, мой красавец, В объятья мои ... "	С озера веет прохлада и нега	1851	осн. т.
167	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	И вот он очнулся от райского сна Его, обнимая, ласкает волна ... И слышит он голос, Как ропот струи: "Приди, мой красавец, В объятья мои ... "	С озера веет прохлада и нега	изд. 1854	ВСОТ

168	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	Так мимолетной и воздушной Явилась гостьей к нам она, В наш мир и чопорный и душный, И пробудила всех от сна .	Как летней иногда порою	1863	осн. т.
169	сон (79)	сна (7)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	Опять зовет и к делу нудит Родную Русь твоя волна, И к распре той, что Бог рассудит, Великий Севастополь будит От заколдованного сна .	Черное море	1871	осн. т.
170	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Волна шумит, морская птица стонет! Минувшее повеяло мне в душу – Былые сны , потухшие виденья, Мучительно – отрадные встают!	Корабле- крушение (Из Гейне)	1827- 1830	осн. т.
171	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Нет, моего к тебе пристрастья Я скрыть не в силах, мать – Земля. Духов бесплотных сладострастья, Твой верный сын, не жажду я – Что пред тобой утеха рая, Пора любви, пора весны, Цветущее блаженство мая, Румяный свет, златые сны ?..	Нет, моего к тебе пристрастья	1830- ые	осн. т.
172	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Сны играют на просторе Под магической луной – И баюкает их море Тихоструйною волной ...	По равнине вод лазурной	1849	осн. т.
173	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Сны [летают] на просторе Под магической луной – И баюкает их море Тихоструйною волной ...	По равнине вод лазурной	1849	ВСОТ
174	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	В раздумье грустном князи и владыки И держат вожжи трепетной рукой, Подавлен ум зловещею тоской; Мечты людей, как сны больного, дики.	Уж третий год беснуются языки	1850	осн. т.
175	сон (79)	сны (6)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	И в нашей жизни повседневной Бывают радужные сны , В край незнакомый, в мир волшебный, И чуждый нам и задушевный,	Е.Н. Анненковой	1859	осн. т.

				Мы ими вдруг увлечены.			
176	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	И в мире сем – как в царстве снов – Поэт живет, мечтая – Он так достиг земных венцов И так достигнет Рая ...	На камень жизни роковой	1822	осн. т.
177	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	Но все грезы насквозь, как волшебника вой, Мне слышался грохот пучины морской, И в тихую область видений и снов Врывалась пена ревущих валов ...	Сон на море	1829	осн. т.
178	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	Но все и во сне, как волшебника вой Мне слышался грохот пучины морской И в тихую область видений и снов Вторгалась пена ревущих валов.	Сон на море	1829	BCOT
179	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	Я спал, и сквозь сон, как волшебника вой Мне слышался грохот пучины морской И в тихую область видений и снов Врывалась пена ревущих валов ...	Сон на море	изд. 1839	BCOT
180	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	Солнце светит золотое, Блещут озера струи ... Здесь великое былое Словно дышит в забытьи; Дремлет сладко, беззаботно, Не смущая дивных снов И тревогой мимолетной Лебединых голосов ...	Тихо в озере струится	1866	осн. т.
181	сон (79)	снов (6)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	Тут целый мир, живой, разнообразный, Волшебных звуков и волшебных снов , – О, этот мир, так молодо – прекрасный, – Он стоит тысячи миров.	Тут целый мир	1869- 1870	осн. т.
182	сон (79)	сне (5)	сущ., м.р., пр.п., ед.ч.	Люблю смотреть, когда созданье Как бы погружено в весне, И мир заснул в благоуханье И улыбается во сне! ..	Слезы	1823	осн. т.
183	сон (79)	сне (5)	сущ., м.р., пр.п., ед.ч.	Закралась в сердце грусть – и смутно Я вспомянул о старине – Тогда все было так уютно И люди жили как во сне ...	Закралась в сердце грусть	1826- 1830	осн. т.

184	сон (79)	сне (5)	сущ., м.р., пр.п., ед.ч.	Но все и во сне , как волшебника вой Мне слышался грохот пучины морской И в тихую область видений и снов Вторгалася пена ревущих валов.	Сон на море	1829	ВОС
185	сон (79)	сне (5)	сущ., м.р., пр.п., ед.ч.	О арфа скальда! Долго ты спала В тени, в пыли забытого угла; Но лишь луны, очаровавшей мглу, Лазурный свет блеснул в твоем углу, Вдруг чудный звон затрепетал в струне, Как бред души, встревоженной во сне .	Арфа скальда	1834	осн. т.
186	сон (79)	сне (5)	сущ., м.р., пр.п., ед.ч.	В панцирь дедовский закован, Воин – сторож на стене Слышал, тайно очарован, Дальний гул, как бы во сне .	Там, где горы, убегая	1830- ые	осн. т.
187	сон (79)	сну (1)	сущ., м.р., дат.п., ед.ч.	Если смерть есть ночь, если жизнь есть день – Ах, умаял он, пестрый день, меня!.. И сгущается надо мною тьень, Ко сну клонится голова моя...	Мотив Гейне	1868- 1869	осн. т.
188	сон (79)	сны (1)	сущ., м.р., вин.п., мн.ч.	Едва усилием минутным Прервем на час волшебный сон, И взором трепетным и смутным, Привстав, окинем небосклон, – И отягченною главою, Одним лучом ослеплены, Вновь упадем не к покою, Но в утомительные сны.	Проблеск	1825	осн. т.
189	сон (79)	снах (1)	сущ., м.р., пр.п., мн.ч.	Тогда густеет ночь, как хаос на водах, Беспмятство, как Атлас, давит сушу; Лишь Музы девственную душу В пророческих тревожат Боги снах!	Видение	1829	осн. т.
190	забыть (23)	забудь (4)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	Старец Нестор днесь, маститый Брашник, кубок взяв, встает И сосуд, плющом обвитый, Он Гекубе подает: «Выпей, мать, струи	Поминки	1850- 1851	осн. т.

				<p>целебной И забудь весь свой урон! Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он ...» Мать, вкуси струи целебной И забудь судеб закон. Дивно нас врачует он, Бога Вакха дар волшебный. И Ниобы древней сила Горем злым удручена, Соку дивного вкусила – И утешилась она.</p>			
191	забыть (23)	забудь (4)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	<p>Старец Нестор днесь, маститый Брашник, кубок взяв, встает И сосуд, плющом обвитый, Он Гекубе подает: «Выпей, мать, струи целебной И забудь весь свой урон! Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он ...» Мать, вкуси струи целебной И забудь судеб закон. Дивно нас врачует он, Бога Вакха дар волшебный. И Ниобы древней сила Горем злым удручена, Соку дивного вкусила – И утешилась она.</p>	Поминки	1850- 1851	осн. т.
192	забыть (23)	забудь (4)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	<p>Старец Нестор днесь встает Брашник, кубок взяв, встает И сосуд, плющом обвитый, Он Гекубе подает: «Выпей, мать, струи целебной И забудь весь свой урон! Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он ...» Мать, вкуси струи целебной И забудь судеб закон. Дивно нас врачует он, Бога Вакха дар волшебный. И Ниобы древней сила Горем злым удручена, Соку дивного вкусила – И утешилась она.</p>	Поминки	1850- 1851	BCOT

193	забыть (23)	забудь (4)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч	Старец Нестор, здесь маститый Брашник, кубок взяв, встает И сосуд, плющом обвитый, Он Гекубе подает: «Выпей, мать, струи целебной И забудь весь свой урон! Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он ...» Мать, вкуси струи целебной И забудь судеб закон. Дивно нас врачует он, Бога Вакха дар волшебный. И Ниобы древней сила Горем злым удручена, Соку дивного вкусила – И утешилась она.	Поминки	изд. 1854	BCOT
194	забыть (23)	забыв (4)	дееприч., прош. вр.	Что время? Быстрый ток, который в долах мирных, В брегах, украшенных обильной муравой, Катит кристалл валов сапфирных; И по серебру зыбей свет солнца золотой Играет и скользит; но час – и бурный вскорю, Забыв свои брега, забыв свой мирный ход, Теряется в обширном море, В безбрежной пустоте необозримых вод!	Послание Горация к Меценату	1818	осн. т.
195	забыть (23)	забыв (4)	дееприч., прош. вр.	Что время? Быстрый ток, который в долах мирных, В брегах, украшенных обильной муравой, Катит кристалл валов сапфирных; И по серебру зыбей свет солнца золотой Играет и скользит; но час – и бурный вскорю, Забыв свои брега, забыв свой мирный ход, Теряется в обширном море, В безбрежной пустоте необозримых вод!	Послание Горация к Меценату	1818	осн. т.
196	забыть (23)	забыв (4)	дееприч., прош. вр.	Счастлив, кто гласом твердым, смелым, Забыв их сан, забыв их трон, Вещать тиранам закоснелым Святые истины рожден!	К оде Пушкина на Вольность	1820	осн. т.

				И ты великим сим уделом, О муз питомец, награжден!			
197	забыть (23)	забыв (4)	дееприч., прош. вр.	Счастлив, кто гласом твердым, смелым, Забыв их сан, забыв их трон, Вещать тиранам закоснелым Святые истины рожден! И ты великим сим уделом, О муз питомец, награжден!	К оде Пушкина на Вольность	1820	осн. т.
198	забыть (23)	забыть (2)	гл., инф.	Но кратки все очарованья, Им не дано у нас гостить, И вот сошлись мы для прощанья, – Но долго, долго не забыть Нежданно – милых впечатлений, Те ямки розовых ланит, Ту негу стройную движений И стан, оправленный в магнит,	Как летней иногда порою	1863	осн. т.
199	забыть (23)	забыть (2)	гл., инф.	Но кратки все очарованья, Им не дано у нас гостить, И вот сошлись мы для прощанья, – Но долго, долго не забыть [Внезапно –] милого явленья, Нежданно – милого явленья, Те ямки розовых ланит, Ту роскошь стройную движенья И стан, оправленный в магнит,	Как летней иногда порою	1863	ВСОТ
200	забыть (23)	забыло (2)	гл., соверш. вид., прош. вр., ср. р. ед. ч.	Здесь сердце так бы все забыло , Забыло б муку всю свою, – Когда бы там – в родном краю – Одной могилой меньше было ...	Утихла биза ... Легче дышит	1864	осн. т.
201	забыть (23)	забыло (2)	гл., соверш. вид., прош. вр., ср. р. ед.ч.	Здесь сердце так бы все забыло, Забыло б муку всю свою, – Когда бы там – в родном краю – Одной могилой меньше было ...	Утихла биза ... Легче дышит	1864	осн. т.

202	забыть (23)	забытого (2)	прич., страд., прош. вр., м.р., род. п.	О арфа скальда! Долго ты спала В тени, в пыли забытого угла; Но лишь луны, очаровавшей мглу, Лазурный свет блеснул в твоем углу, Вдруг чудный звон затрепетал в струне, Как бред души, встревоженной во сне.	Арфа скальда	1834	осн. т.
203	забыть (23)	забытого (2)	прич., страд., прош. вр., м.р., род. п.	О арфа скальда! Долго ты спала В тени, в тиши забытого угла; Но лишь луны, очаровавшей мглу, Лазурный свет блеснул в твоем углу, Вдруг чудный звон затрепетал в струне, Как бред души, встревоженной во сне.	Арфа скальда	1854	ВСОТ
204	забыть (23)	забыл (1)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	А ты, Сын роскоши! о смертный сладострастный, Беспечна жизнь твоя среди праздности и нег!.. Спокойно катится!.. Но ты забыл , несчастный: Мы все должны узреть Коцита грозный брег!.. Возвышенный твой Сан, льстецы твои и злато От смерти не спасут! Ужель ты не видал, Сколь часто гром огнекрылатый Разит чело высоких скал?..	На Новый год 1816	1816	осн. т.
205	забыть (23)	забытый (1)	прич., страд., прош. вр., м.р., им. п.	Токмо здесь, под ясным небосклоном Прояснится жизни мрачный ток; Токмо здесь, забытый Аквилоном, Льется он, и светел и глубок!	Урания	1820	осн. т.
206	забыть (23)	забудет (1)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед.ч.	Вражду твою пусть Тот рассудит, Кто слышит пролитую кровь ... Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет! ..	30 января 1837	1837	осн. т.
207	забыть (23)	забытого (1)	прич., страд., прош. вр., ср. р. род.п.	О бедный призрак, немошный и смутный, Забытого , загадочного счастья!.. О, как теперь без веры и	Итак, опять увиделся я с вами	1846- 1849	осн. т.

				участья Смотрю я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах, Как брат меньшей, умерший в пеленах...			
208	забыть (23)	забытый (1)	прич., страд., прош. вр., м.р., вин.п	Но, может быть – в разгаре лета – Ты вспомнишь о своей Весне – И вспомнишь и про время это, Как про забытый – до рассвета – Мелькнувший призрак в первом сне.	Играй, покуда над тобою	1861	осн. т.
209	забыть (23)	забыты (1)	кр. прич., страд., прош. вр., мн. ч.	Минули веки искушенья, Забыты страшные дела – И даже мерзость запустенья Здесь райским крином расцвела.	Над русской Вильной стародавней	1870	осн. т.
210	забыть (23)	забытым (1)	прич., страд., прош. вр., ср. р., тв. п.	Так, весь обвеян дунавеньем Тех лет душевной полноты, С давно забытым упоеньем Смотрю на милые черты ...	К.Б.	1870	осн. т.
211	забыть (23)	забытом (1)	прич., страд., прош. вр., м. р., пр. п.	Но, может быть, под зноем лета Ты вспомнишь о своей весне ... О, вспомни и про время это, Как о забытом до рассвета Нам смутно грезившемся сне.	Играй, покуда над тобою	изд. 1874	ОТДФ
212	забыть (23)	забытой (1)	прич., страд., прош. вр., ж. р., род. п.	От жизни той, во дни былые Пробушевавшей над землей, Когда здесь силы роковые Боролись слепо меж собой, И столько бед здесь совершалось, И столько крови здесь лилось, Что уцелело и осталось? Затихло все и у лег лось. Лишь кое – где, как из тумана Давно забытой старины, Два – три выходит здесь кургана	От жизни той, что бушевала здесь	1871	ВОС

213	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Сии сердца, в которых правды нет, Они, о друг, бегут как приговора, Твоей любви младенческого взора, Он страшен им, как память детских лет.	К Н.	1824	осн. т.
214	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Сии сердца, в которых правды нет, Они, о друг, бегут как приговора, Твоей любви младенческого взора, Он страшен им, как память детских лет.	К Н.	1824	осн. т.
215	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Народ, чуждаясь вероломства, Поносит ваши имена – И ваша память для потомства, Как труп в земле, схоронена.	14-ое декабря 1825	1826	осн. т.
216	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Так память над душой его, Скопившись, тяготела!.. Как часто высказать себя Душа сия хотела, И, обомлев, на лист начатый Вдруг падала рука!	Из Мандзони	конец 1820- ых	осн. т.
217	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	И мудрено ль, что память о Высоком Невольной грустью душу осенила! .. Не лебедем ты создан был Судьбою, Купающим в волне румяной крыла, Когда закат пылает над потоком И он плывет, любуясь сам собою, Между двойной зарею, – Ты был Орел – и со скалы родимой, Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели, Тебя качали бури и метели, Во глубь небес нырял, неутомимый, Над морем и землей парил высоко, Но трупов лишь твое искало око! ..	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. Текст
218	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Народ, чуждаясь вероломства, Поносит ваши имена – И память [ваша от] потомства [Земле живая предана].	14-ое декабря 1825	1826	ВСОТ

219	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Будь утешен, брат любимый! Память вечная тебе!.. Ты – оплот несокрушимый Чад ахейских в их борьбе!.. В день ужасный, в день кровавый Ты один за всех стоял! Но не сильный, а лукавый Мзду великую стяжал ...	Поминки	1850- 1851	осн. т.
220	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Честь тому, кто, не робея, Жизнь за братьей положил! Победитель – победил, Память павшего – святое.	Поминки	1850- 1851	ВОС
221	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	И сад темнеет, как дубрава, И при звездах из тьмы ночной, И в тайне сумрака немого Лишь слабо светит под звездой Как память дальнего былого Пустынный купол золотой	Осенней позднею порою	1858, изд.18 69	ВОС
222	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Завтра день молитвы и печали, Завтра память рокового дня ... Ангел мой, где б души ни витали, Ангел мой, ты видишь ли меня?	Накануне годовщины 4 августа 1864	1865	осн. т.
223	память (22)	память (10)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Такою страшною ценой, Что память эта и поныне И вашей лучшею святыней, И вашей жизненной струей.	Чехам от Московских славян	1869	осн. т.
224	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	Амур резвился вокруг него И дани брал с Поэта. Ему на память стрелку дал, И в сладкие досуги Он ею повесть начертал Орфеевой супруги.	На камень жизни роковой	1822	осн. т.
225	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	Амур резвился вокруг него И дани брал с Поэта. Ему на память стрелу дал, И в сладкие досуги Он ею повесть начертал	На камень жизни роковой	изд. 1829	ВСОТ

				Орфеевой супруги.			
226	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	Блаженство стольких, стольких дней Себе на память приведи... Все милое душе твоей Ты покидаешь на пути!.." " Не время выкликать теней: И так уж этот мрачен час. Усопших образ тем страшней, Чем в жизни был милей для нас.	Из края в край, из града в град	1834	осн. т.
227	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	Амур резвился вокруг него И дани брал с Поэта. Стрелу ему на память дал, И в сладкие досуги Он ею повесть начертал Орфеевой супруги.	На камень жизни роковой	изд. 1833	ВСОТ
228	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	В кровавую бурю, сквозь бранное пламя, Предтеча спасенья – русское Знамя К бессмертной победе тебя провело. Так диво ль, что в память союза святого За Знаменем русским и русское Слово К тебе, как родное к родному, пришло?	Знамя и слово	1842	осн. т.
229	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	И мы, признательные внуки, Его всем подвигам благим, Во имя Правды и Науки Здесь память вечную гласим.	Он, умирая, сомневался	1865	осн. т.
230	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	Великий день Кирилловой кончины – Каким приветствием сердечным и простым Тысячелетней годовщины Святую память мы почтим?	14-ое февраля 1869	1869	осн. текс.
231	память (22)	память (8)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	От жизни той, что бушевала здесь, От крови той, что здесь рекой лилась, Что уцелело, что дошло до нас? Два – три кургана, видимых поднесь ... Да два – три дуба выросли на них, Раскинувшись и широко и смело.	От жизни той, что бушевала здесь	1871	осн. т.

				Красуются, шумят, – и нет им дела, Чей прах, чью память роют корни их.			
232	память (22)	памяти (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Вечной памяти достоин, – Сын Тидеев провешал, – Кто как честный, храбрый воин, Край отцов спасая, пал ...	Поминки	1850-1851	осн. т.
233	память (22)	памяти (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Памяти В. А. Жуковского	Памяти В. А. Жуковского	1852	осн. т.
234	память (22)	памяти (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Памяти Е. П. Ковалевского	Памяти Е. П. Ковалевского	1868	осн. т.
235	память (22)	памяти (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Памяти М.К. Политовской	Памяти М. К. Политовской	1872	осн. т.
236	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный, Вознесся и разлил свет вечный на морях!.. Но что сретает взор? – Куда, куда ты скрылась, Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак , Денница света закатилась, Везде хаос и мрак!	Урания	1820	осн. т.
237	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	И наша жизнь стоит пред нами, Как призрак на краю земли, И с нашим веком и друзьями Бледнеет в сумрачной дали;	Бессонница	1829	осн. т.
238	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Друг, откройся предо мною – Ты не призрак ли какой, Как выводит их порою Мозг поэта огневой! ...	Друг, откройся предо мною	1830	осн. т.
239	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	О бедный призрак , немошный и смутный, Забытого, загадочного счастья!.. О, как теперь без веры и участия Смотрю я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах, Как брат меньшей, умерший в пеленах ...	Итак, опять увиделся я с вами	1846-1849	осн. т.
240	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	О бедный призрак , немошный и смутный, Давно минувшего, былого счастья! О, как теперь без веры и участия Гляжу я на тебя, мой гость минутный! Куда как чужд ты стал в моих глазах,	Итак, опять увиделся я с вами	1846-1849	ВСОТ

				Как брат меньшей, умерший в пеленах ...			
241	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	О бедный призрак , немошный и смутный, Забытого, загадочного счастья!.. О, как теперь без веры и участья Смотрю я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах, Как брат меньшей, умерший в пеленах ...	Итак, опять увиделся я с вами	1846- 1849	осн. т.
242	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Дума за думой, волна за волной – Два проявленья стихии одной: В сердце ли тесном, в безбрежном ли море – Здесь – в заключении, там – на просторе, Тот же все вечный прибой и отбой – Тот же все призрак тревожно – пустой.	Волна и дума	1851	осн. т.
243	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Но мне не страшен мрак ночной, Не жаль скудеющего дня, – Лишь ты, волшебный призрак мой, Лишь ты не покидай меня!..	День вечерет	1851	осн. т.
244	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Грустный вид и грустный час – Дальний путь торопит нас... Вот, как призрак гробовой, Месяц встал – и из тумана Осветил безлюдный край... Путь далек – не унывай ...	На возвратном пути	1859	осн. т.
245	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Но, может быть – в разгаре лета – Ты вспомнишь о своей Весне – И вспомнишь и про время это, Как про забытый – до рассвета – Мелькнувший призрак в первом сне.	Играй, покуда над тобою	1861	осн. т.
246	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Что это? Призрак , чары ли какие? Где мы? И верить ли глазам своим? Здесь дым один, как пятая стихия,	Дым	1867	осн. т.

				Дым – безотрадный, бесконечный дым!			
247	призрак (21)	призрак (12)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	В тот час, как с неба месяц сходит, В холодной, ранней полумгле Еще какой – то призрак бродит По оживающей земле.	Над русской Вильной стародавней	1870	осн. т.
248	призрак (21)	призраки (5)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Бледневшему на небе. – Бедный месяц! В глухую полночь, одинок, сир, Он совершил свой горемычный путь, Когда весь мир дремал – и пировали Одни лишь совы, призраки , разбой; И днесь пред юным днем, грядущим в славе, С звучащими веселием лучами И пурпурной разливою зарей, Он прочь бежит ... еще одно возренье На пышное всемирное светило – И легким паром с неба улетит.	Из путевых картин Гейне	1829- 1830	осн. т.
249	призрак (21)	призраки (5)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Душа моя, Элизиум теней, Что общего меж жизнью и тобою! Меж вами, призраки минувших лучших дней, И сей бесчувственной толпою? ..	Душа моя, Элизиум теней	1830- ые	осн. т.
250	призрак (21)	призраки (5)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Но песнь их, как во время оно, Полна гармонии была, Когда из их родного лона Киприда светлая всплыла... Они все те же и поныне – Все так же блещут и звучат – По их лазоревой равнине Святые призраки скользят.	Давно ль, давно ль, о Юг блаженный	1837- 1840	осн. т.
251	призрак (21)	призраки (5)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Но песнь их, как во время оно, Полна гармонии была, Когда из их родного лона Киприда светлая всплыла... Они все те же и поныне – Все так же блещут и звучат – По их лазоревой равнине	Давно ль, давно ль, о Юг блаженный	1837- 1840	ВСОТ

				Родные призраки скользят			
252	призрак (21)	призраки (5)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Не Богу ты служил и не России, Служил лишь суете своей, И все дела твои, и добрые и злые, – Все было ложь в тебе, все призраки пустые: Ты был не царь, а лицедей.	Не Богу ты служил и не России	1855	осн. т.
253	призрак (21)	призрак (3)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	О, как тогда с земного круга Душой к бессмертному летим! Минувшее, как призрак друга, Прижать к груди своей хотим.	Проблеск	1825	осн. т.
254	призрак (21)	призрак (3)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Ее последние я помню взоры На этот край – на озеро и горы, В роскошной славе западных лучей, – Как сквозь туман болезни многотрудной, Она порой ловила призрак чудный, Весь этот мир был так сочувствен ей ...	Memento	1860	осн. т.
255	призрак (21)	призрак (3)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Нет, это сон! Нет, ветерок повеет И дымный призрак унесет с собой... И вот опять наш лес зазеленеет ... Все тот же лес, волшебный и родной.	Дым	1867	осн. т.
256	призрак (21)	призрака (1)	сущ., м.р., род.п., ед.ч.	И меж зыбью и звездой Он скользит как бы во сне, И два призрака с собою Вдаль уносит по волне ...	На Неве	1850	осн. т.
257	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	Уже великое небесное светило, Лиюще с высоты обилие и свет, Начертанным путем годовой круг свершило И в ново поприще в величии грядет! – И се! Одежный блистательной Зарюю , Пронзив эфирных стран белеющийся свод, Слетает с урной роковою Младый Сын Солнца – Новый Год! ..	На новый 1816 год	1816	осн. т.

258	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	И мудрено ль, что память о Высоком Невольной грустью душу осенила! .. Не лебедем ты создан был Судьбою, Купающим в волне румяной крыла, Когда закат пылает над потоком И он плывет, любясь сам собою, Между двойной зарюю , – Ты был Орел – и со скалы родимой, Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели, Тебя качали бури и метели, Во глубь небес нырял, неутомимый, Над морем и землей парил высоко, Но трупов лишь твое искало око!..	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
259	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	И днесь пред юным днем, грядущим в славе, С звучащими веселием лучами И пурпурной разлитой зарей , Он прочь бежит ... еще одно воззренье На пышное всемирное светило – И легким паром с неба улетит.	Из путевых картин Гейне	1829- 1830	осн. т.
260	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	Как птичка, раннюю зарей Мир, пробудившись, встрепенулся ... Ах, лишь одной главы моей Сон благодатный не коснулся ...	Как птичка, раннюю зарей	1830- ые	осн. т.
261	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	Как птичка, с раннюю зарей Мир, пробудившись, встрепенулся ... Но лишь одной главы моей Сон благодатный не коснулся ...	Как птичка, раннюю зарей	1830- ые	ВСОТ
262	заря (19)	зарюю (6)	сущ., ж.р., тв.п., ед. ч.	Прекрасный день его на Западе исчез, Полнеба обхватив бессмертную зарюю , А он, из глубины полуночных небес, Он сам глядит на нас пророческой звездой.	Прекрасный день его на Западе исчез	1857	осн.т.

263	заря (19)	зря (4)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Взойдет заря и бурный мрак развеет!.. Но юный день с любовью да светлеет	Войди со мной – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
264	заря (19)	зря (4)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Сей день, я помню, для меня Был утром жизненного дня: Стояла молча предо мною, Вздыхалась грудь ее волною – Алели щеки, как заря , Все жарче рдея и горя!	Сей день, я помню, для меня	1830	осн. т.
265	заря (19)	зря (4)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Но который век белеет Там, на высях снеговых? А заря и ныне сеет Розы свежие на них! ..	Яркий снег сиял в долине	1830- ые	осн. т.
266	заря (19)	зря (4)	сущ., ж.р., им.п., ед. ч.	Еще молчат колокола, А уж восток заря румянит; Ночь бесконечная прошла, И скоро светлый день настанет.	Рассвет	1849	осн. т.
267	заря (19)	зари (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	По темной зелени дерев Зари последний луч еще приметно бродит, Луна медлительно с полуночи восходит На колеснице облаков, и с колокольни одинокой Разнесся благовест протяжный и глухой; Прохожий слушает, – и колокол далекий С последним шумом дня сливает голос свой.	Одиночество	1820- 1822	осн. т.
268	заря (19)	зари (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Зари последний луч во сумраке блуждает По темной зелени лутов, Луна медлительно по небу востекает На колеснице облаков! ..	Одиночество	1820- 1822	ВСОТ
269	заря (19)	зари (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	Сквозь лазурный сумрак ночи Альпы снежные глядят – Помертвелые их очи Льдистым ужасом разят – Властью некой обаянны, До восшествия Зари Дремлют, грозны и туманны, Словно падшие цари!..	Альпы	1830	осн. т.
270	заря (19)	зари (4)	сущ., ж.р., род.п., ед.ч.	О, как на склоне наших лет Нежней мы любим и суеверней... Сияй, сияй, прощальный свет	Последняя любовь	1852- 1854	осн. т.

				Любви последней, зари вечерней!			
271	заря (19)	заре (3)	сущ., ж.р., пр.п., ед. ч.	Иных она лишь на заре ледеет, Целует шелк их кудрей молодых, Но ветерок чуть жарче лишь повеет – И с первым сном она бежит от них.	На Юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	1861	осн. т.
272	заря (19)	заре (3)	сущ., ж.р., пр.п., ед. ч.	На первой дней моих заре То было рано поутру в Кремле, То было в Чудовом монастыре. Я в келье был, и тихой и смиренной, Там жил тогда Жуковский незабвенный.	17-ое апреля 1818	1873	осн. т.
273	заря (19)	заре (3)	сущ., ж.р., пр.п., ед. ч.	На ранней дней моих заре То было рано поутру в Кремле, То было в Чудовом монастыре. В уютной келье, темной и смиренной, В ней жил тогда Жуковский незабвенный	17-ое апреля 1818	1873	BCOT
274	заря (19)	зарях (1)	сущ., ж.р., пр.п., мн.ч.	Как Фарос для душ и умов освященных, Высоко воздвигнут Небесный храм; – И Мудрость приветствует горним пленных Вкусить от трапезы питательной там. Окрест благодатной в зарях златоцветных, На тронах высоких, в сиянье богов, Сидят велелепно спасители смертных, Создатели блага, устройства, градов; Се Мир вечно – юный, златыми цепями Связавший семейства, народы, царей; Суд правый с недвижными вечно весами; Страх божий, хранитель святых алтарей; И ты, Благосердие, скорби отрада! Ты, Верность, на якорь склоненна челом, Любовь ко отчизне – отчизны ограда,	Урания	1820	осн. т.

				И хладная Доблесть с горящим мечом; Ты, с светлыми вечно очами, Терпенье, И Труд, неуклонный твой врач и клевет ... Так вышние силы свой держат совет! ..			
275	заря (19)	зарь (1)	сущ., ж.р., род. п., мн. ч.	И се! среди снегов Полунощи глубокой, Под блеском хладных зарь , под свистом льдистых вьюг, Восстал от Холмогор, – как сильный кедр высокой, Встает, возносится и все объемлет вокруг Своими крепкими ветвями; Подъемлясь к облакам, глава его блесит Бессмертными плодами.	Урания	1820	осн. т.
276	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Приди, желанный гость , краса моя и радость! Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой, И розовый венок, и песней нежных сладость!	Послание Горация к Меценату	1818	осн. т.
277	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Влетел мотылек, и с цветка на другой, Притворно – беспечный, он начал порхать. О, полно кружиться, мой гость дорогой! Могу ли, воздушный, тебя не узнать?	Cache-cache	до 1829	осн. т.
278	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Вечер мгlistый и ненастный... Чу, не жаворонка ль глас?.. Ты ли, утра гость прекрасный, В этот поздний, мертвый час?	Вечер мгlistый и ненастный...	1830- ые	осн. т.
279	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	О бедный призрак, немошный и смутный, Забытого, загадочного счастья!.. О, как теперь без веры и участья Смотрю я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах, Как брат меньшей, умерший в пеленах ...	Итак, опять увиделся я с вами	1846- 1849	осн. т.
280	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	О бедный призрак, немошный и смутный, Давно минувшего, былого счастья! О, как теперь без веры и	Итак, опять увиделся я с вами	1846- 1849	ВСОТ

				участья Гляжу я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах, Как брат меньшей, умерший в пеленах ...			
281	гость (15)	гость (6)	сущ., м.р., им.п., ед.ч.	Тут первая меня достигла весть, Что в мире новый житель есть И новый царский гость в Кремле Ты в этот час дарован был земле.	17-ое апреля 1818	1873	осн. т.
282	гость (15)	гости (3)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	От чувства затаенной злости На обновляющийся мир, Где новые садятся гости За уготованный им пир;	Когда дряхлеющие силы	1866	осн. т.
283	гость (15)	гости (3)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Привет вам душевный, братья Со всех Славянщины концов, Привет наш всем вам, без изъятья! Для всех семейный пир готов! Недаром вас звала Россия На праздник мира и любви; Но знайте, гости дорогие, Вы здесь не гости, вы – свои!	Славянам	1867	осн. т.
284	гость (15)	гости (3)	сущ., м.р., им.п., мн.ч.	Привет вам душевный, братья Со всех Славянщины концов, Привет наш всем вам, без изъятья! Для всех семейный пир готов! Недаром вас звала Россия На праздник мира и любви; Но знайте, гости дорогие, Вы здесь не гости , вы – свои!	Славянам	1867	осн. т.
285	гость (15)	гостем (3)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Державный Дух! ты дал мне, дал мне все, О чем молил я! Не вотще ко мне Склонил в лучах сияющий свой лик! Дал всю природу во владенье мне И вразумил ее любить. Ты дал мне	Из "Фауста" Гете	1828- 1830	осн. т.

				Не гостем праздно – изумленным быть На пиршестве у ней, но допустил Во глубину груди ее проникнуть,			
286	гость (15)	гостем (3)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	Угоден Зевсу бедный странник, Над ним святой его покров!.. Домашних очагов изгнанник, Он гостем стал благих богов! ..	Странник	до 1836	осн. т.
287	гость (15)	гостем (3)	сущ., м.р., тв.п., ед.ч.	И что ж теперь? И где все это? И долговечен ли был сон? Увы, как северное лето, Был мимолетным гостем он!	О, как убийственно мы любим,	1851	осн. т.
288	гость (15)	гостей (2)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	С пресловутого театра Всех изяществ и затей – Как вторая Клеопатра В сонме царственных гостей ,	Современное	1869	осн. т.
289	гость (15)	гостей (2)	сущ., м.р., род.п., мн.ч.	С пресловутого театра Всех изяществ и затей – Как вторая Клеопатра С свитой царственных гостей .	Современное	1869	BCOT
290	гость (15)	гостями (1)	сущ., м.р., тв.п., мн.ч.	Так верим мы, незримыми гостями Теперь они, покинув горный мир, Сочувственно витают между нами И освящают этот пир.	На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	1861	осн. т.
291	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Сей день, я помню , для меня Был утром жизненного дня: Стояла молча предо мною, Вздымалась грудь ее волною Алели щеки, как заря, Все жарче рдея и горя!	Сей день, я помню, для меня	1830	осн. т.
292	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край: День вечерел; мы были двое; Внизу, в тени, шумел Дунай.	Я помню время золотое	1834- 1836	осн. т.
293	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край: День вечерел; мы были двое; Внизу, в тени, шумел	Я помню время золотое	1834- 1836	осн. т.

				Дунай.			
294	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край. День вечерел: мы были двое, Внизу, в тени, шумел Дунай.	Я помню время золотое	1834- 1836	ВСОТ
295	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Я помню время золотое, Я помню сердцу милый край. День вечерел: мы были двое, Внизу, в тени, шумел Дунай.	Я помню время золотое	1834- 1836	ВСОТ
296	пом- нить (14)	помню (6)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Ее последние я помню взоры На этот край – на озеро и горы, В роскошной славе западных лучей, – Как сквозь туман болезни многотрудной, Она порой ловила призрак чудный, Весь этот мир был так сочувствен ей ...	Мemento	1860	осн. т.
297	пом- нить (14)	помнишь (4)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 2 л., ед. ч.	Ты помнишь ли, при нашей встрече, При первой встрече роковой, Ее волшебный взор, и речи, И смех младенчески – живой?	О, как убийственно мы любим,	1851	осн. т.
298	пом- нить (14)	помнишь (4)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 2 л., ед. ч.	Ты помнишь ли, при нашей встрече, При первой встрече роковой, Ее волшебны взоры, речи И смех младенчески – живой?	О, как убийственно мы любим,	1851	ВСОТ
299	пом- нить (14)	помнишь (4)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 2 л., ед. ч.	Ты помнишь ли былое, Неман? Тот день години роковой, Когда стоял он над тобой, Он сам, могучий, южный демон – И ты, как ныне, протекал, Шумя под вражьими мостами, И он струю твою ласкал Своими чудными очагами?..	Неман	1853	осн. т.

300	пом- нить (14)	помнишь (4)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 2 л., ед. ч.	Ты помнишь ли былое, Неман? Тот день години роковой, Когда стоял <i>Он</i> над тобой – <i>Он сам</i> – могучий, южный демон? И ты, как ныне, протекал, Шумя под вражьими мостами, И <i>Он</i> струю твою ласкал Своими чудными очамями?..	Неман	изд. 1854	ВСОТ
301	пом- нить (14)	будешь помнить (2)	гл., несоверш. вид., будущ. вр., 2 л., ед.ч.	Прости... Чрез много, много лет Ты будешь помнить с содроганьем Сей край, сей брег с его полуденным сияньем, Где вечный блеск и долгий цвет – Где поздних, бледных роз дыханьем Декабрьский воздух разогрет...	1 декабря 1837	1837	осн. т.
302	пом- нить (14)	будешь помнить (2)	гл., несоверш. вид., будущ. вр., 2 л., ед.ч.	Прости... Чрез много, много лет Ты будешь помнить с содроганьем Сей край, сей брег с его полуденным сияньем, Где вечный блеск и ранний цвет, – Где поздних, бледных роз дыханьем Декабрьский воздух разогрет...	1 декабря 1837	1837	ВСОТ
303	пом- нить (14)	помнила (1)	гл., несоверш. вид., прош. вр., ж. р., ед. ч.	Недаром русские ты с детства помнил звуки И их сберег в себе сочувствием живым – Теперь для двух миров, на высоте науки, Посредником стоишь ты мировым...	Недаром русские ты с детства помнил звуки	1861	осн. т.
304	пом- нить (14)	пом- нящий (1)	прич., дейст., наст. вр., м.р., им.п.	Ах, и над ним в действительности ясной, Но без любви, без солнечных лучей, Такой же мир бездушный и бесстрастный, Не знающий, не помнящий о ней.	Есть и в моем страдальческ ом застое	1865	осн. т.
305	виденье (13)	видений (5)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Мне слышался грохот пучины морской, И в тихую область видений и снов Врывалась пена ревущих валов...	Сон на море	1829	осн. т.

306	виденье (13)	видений (5)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Мне слышался грохот пучины морской, И в тихую область видений и снов Вторгалася пена ревущих валов.	Сон на море	1829	BCOT
307	виденье (13)	видений (5)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Лишь слышался грохот пучины морской; И в тихую область видений и снов Врывалася пена ревущих валов.	Сон на море	1829	BCOT
308	виденье (13)	видений (5)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Мне слышался грохот пучины морской, И в тихую область видений и снов Вторгалася пена ревущих валов!..	Сон на море	изд. 1839	BCOT
309	виденье (13)	видений (5)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Здесь некогда, могучий и прекрасный, Шумел и зеленел волшебный лес, Не лес, а целый мир разнообразный, Исполненный видений и чудес.	Дым	1867	осн. т.
310	виденье (13)	виденье (2)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	И, как виденье , внешний мир ушел... И человек, как сирота бездомный, Стоит теперь, и немощен и гол, Лицом к лицу пред пропастью темной.	Святая ночь	конец 1840- ых	осн. т.
311	виденье (13)	виденье (2)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	И, как виденье , внешний мир ушел... И человек, как сирота бездомный, Стоит теперь, и немощен и гол, Лицом к лицу пред этой бездной темной.	Святая ночь	конец 1840- ых, изд.18 50	BCOT
312	виденье (13)	виденья (2)	сущ., ср.р., им.п., мн.ч.	Волна шумит, морская птица стонет! Минувшее повеяло мне в душу – Былые сны, потухшие виденья , Мучительно – отрадные встают!	Корабле- крушение (Из Гейне)	1827- 1830	осн. т.
313	виденье (13)	виденья (2)	сущ., ср.р., им.п., мн.ч.	Осенней позднею порою Люблю я царскосельский сад, Когда он тихой полумглою Как бы дремотою объят – И белокрылые виденья На тусклом озера стекле В какой – то неге онеменья Коснеют в этой полумгле ...	Осенней позднею порою	1858	осн. т.

314	виденье (13)	видень- ями (1)	сущ., ср.р., тв.п., мн.ч.	И скиптром власти в неземном Совете Любил ты в мутном свете Земную жизнь виденьями тревожить!.. В тебе самом, как бы в иносказанье, Для нас воскресло грозное преданье, Но распознать наш взор тебя не может – Титан ли ты, чье сердце снедью Врана, Иль сам ты Вран, терзающий Титана? ..	Войди со мною – пуста сия обитель	1828- 1829	осн. т.
315	виденье (13)	виденье (1)	сущ., ср.р., пр.п., ед.ч.	О, в этом радужном виденье Какая нега для очей! Оно дано нам на мгновенье, Лови его – лови скорей!	Как неожиданно и ярко	1865	осн. т.
316	виденье (13)	виденья (1)	сущ., ср.р., вин.п., мн.ч.	Приязни давней выраженья Их для меня он уловил – И в музыкальные виденья Знакомый голос воплотил...	Графине Ростопчиной	1850	осн. т.
317	виденье (13)	виденью (1)	сущ., ср.р., дат.п., ед.ч.	Проснулись мы – конец виденью , Его ничем не удержать, И тусклой, неподвижной тенью, Вновь обреченных заключенью, Жизнь обхватила нас опять.	Е.Н. Анненковой	1859	осн. т.
318	вспом- нить (11)	вспом-нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Через ливонские я проезжал поля, Вокруг меня все было так уныло... Бесцветный грунт небес, песчаная Земля – Все на душу раздумье наводило ... Я вспомнил о былом печальной сей земли – Кровавую и мрачную ту пору, Когда сыны ее, простертые в пыли, Лобзали рыцарскую шпору...	Через ливонские я проезжал поля	1830	осн. т.
319	вспом- нить (11)	вспом- нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Через ливонские я проезжал поля, Кругом меня все было так уныло. Бесцветный грунт небес, песчаная Земля – Все на душу тоску лишь наводило.	Через ливонские я проезжал поля	1830	ВСОТ

				Я вспомнил о былом печальной сей земли – Кровавую и мрачную ту пору, Когда сыны ее, простерты в пыли, Лобзали рыцарскую шпору...			
320	вспом- нить (11)	вспом-нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Я вспомнил , грустно – молчалив, Как в тех странах, где солнце греет, Теперь на солнце пламенеет Роскошный Генуи залив...	Глядел я, стоя над Невой	1844	осн. т.
321	вспом- нить (11)	вспом- нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Я вспомнил , грустно – молчалив, Как в тех странах, где солнце греет, Теперь на солнце пламенеет Роскошной Генуи залив...	Глядел я, стоя над Невой	1844	ВСОТ
322	вспом- нить (11)	вспом- нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	И тихими последними шагами Он подошел к окну. День вечерел И чистыми, как благодать, лучами На западе светился и горел. И вспомнил он годину обновления, Великий день, новозаветный день – И на лице его от умиленья Предсмертная вдруг озарилась тень. Два образа, заветные, родные, Что как святыню в сердце он носил – Предстали перед ним – Царь и Россия, И от души он их благословил.	19 февраля 1864	1864	осн. т.
323	вспом- нить (11)	вспом-нил (6)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Я встретил вас – и все былое В отжившем сердце ожило; Я вспомнил время золотое – И сердцу стало так тепло...	К.Б.	1870	осн. т.
324	вспом- нить (11)	вспом- нишь (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 2л., ед.ч.	Но, может быть – в разгаре лета – Ты вспомнишь о своей Весне – И вспомнишь и про время это,	Играй, покуда над тобою	1861	осн. т.

				Как про забытый – до рассвета – Мелькнувший призрак в первом сне.			
325	вспом- нить (11)	вспом- нишь (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 2л., ед.ч.	Но, может быть – в разгаре лета – Ты вспомнишь о своей Весне – И вспомнишь и про время это, Как про забытый – до рассвета – Мелькнувший призрак в первом сне.	Играй, покуда над тобою	1861	осн. т.
326	вспом- нить (11)	вспом- нишь (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 2л., ед.ч.	Но, может быть, под зноем лета Ты вспомнишь о своей весне... О, вспомни и про время это, Как о забытом до рассвета Нам смутно грезившемся сне.	Играй, покуда над тобою	изд. 1874	ВСОТ
327	вспом- нить (11)	вспом- ните (1)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., мн.ч.	О, вспомните , каким она Была вам знаменьем любимым, И что в костре неугасимом Она для вас обретена.	Чехам от Московских славян	1869	осн. т.
328	вспом- нить (11)	вспомни (1)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	Но, может быть, под зноем лета Ты вспомнишь о своей весне... О, вспомни и про время это, Как о забытом до рассвета Нам смутно грезившемся сне.	Играй, покуда над тобою	изд. 1874	ОТДФ
329	заб- венье (9)	забвенья (4)	сущ., ср. р., род.п., ед.ч.	В волнах забвенья Сколько брошенных колец!.. Минавались поколения, – Эти кольца обрученья, Эти кольца стали звенья Тяжкой цепи наконец!..	Венеция	1850- 1852	осн. т.
330	заб- венье (9)	забвенья (4)	сущ., ср. р., род.п., ед.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут ... О чем же хлопотать? Рука забвенья Как раз свершит свой корректорный труд.	Михаилу Петровичу Погодину	1868	осн. т.
331	заб- венье (9)	забвенья (4)	сущ., ср. р., род.п., ед.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья Исправит все чрез	Михаилу Петровичу Погодину	1868, изд. 18 69	ВСОТ

				несколько минут.			
332	заб - венье (9)	забвенья (4)	сущ., ср. р., род.п., ед.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... О чем же хлопотать? Рука забвенья Свершит и здесь свой корректурный труд.	Михаилу Петровичу Погодину	изд.18 74	ВСОТ
333	заб - венье (9)	забвенье (3)	сущ., ср.р., вин.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Вдался я в сладкое забвенье : Не знаю, долог ли был сон, Но странно было пробужденье.	Пробуждение	1820	осн. т.
334	заб - венье (9)	забвенье (3)	сущ., ср.р., вин.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Я впал в Невольное забвенье : Не знаю, долог ли был сон, Но странно было пробужденье.	Пробуждение	1820	ВСОТ
335	заб - венье (9)	забвенье (3)	сущ., ср.р., вин.п., ед.ч.	Весенней негой утомлен, Я впал в невольное забвенье ; Не знаю, долог ли был сон, Но странно было пробужденье...	Еще шумел веселый день,	конец 1840- ых	осн. т.
336	заб- венье (9)	забвенье (1)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	Но вам, друзья, знакомо вдохновенье! На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой невольно забывал (Минутное, но сладкое забвенье!), К протекшему душою улетал И Радость пел – пока о вас мечтал.	Друзьям при посылке «Песни Радости» из Шиллера	1823- 1824	осн. т.
337	заб- венье (9)	заб- веньем (1)	сущ., ср.р., твор.п., ед.ч.	И новое, младое племя Меж тем на солнце расцвело, А нас, друзья, и наше время Давно забвеньем занесло!	Бессонница	1829	осн. т.
338	умереть (9)	умрет (4)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед. ч.	Осужден ли весь Приамов род?.. Скоро там, где нет любви и света, – Там, где льется сумрачная Лета, Скоро в ней любовь твоя умрет! ..	Гектор и Андромаха	1820- 1822	осн. т.
339	умереть (9)	умрет (4)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед. ч.	"Нет! вечен свет наук; его не обнимает Бунтующая мгла; его нетленен плод И не умрет! .. " –	Урания	1820	осн. т.

340	умереть (9)	умрет (4)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед. ч.	И эта вера в правду Бога Уж в нашей не умрет груди, Хоть много жертв и горя много Еще мы видим впереди...	Славянам	1867	осн. т.
341	умереть (9)	умрет (4)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед. ч.	И эта вера не обманет Того, кто ею лишь живет, Не все, что здесь цвело, увянет, Не все, что жило здесь – умрет.	Чему бы жизнь нас не учила	1871	ВОС
342	умереть (9)	умрут	гл., соверш. вид., буд. вр., 3л., мн.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... О чем же хлопотать? Рука забвенья Как раз свершит свой корректорный труд.	Михаилу Петровичу Погодину	1868	осн. т.
343	умереть (9)	умрут	гл., соверш. вид., буд. вр., 3л., мн.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... Так что ж тут хлопотать? Рука забвенья Исправит все чрез несколько минут.	Михаилу Петровичу Погодину	1868, изд.18 69	ВСОТ
344	умереть (9)	умрут	гл., соверш. вид., буд. вр., 3л., мн.ч.	В наш век стихи живут два – три мгновенья, Родились утром, к вечеру умрут... О чем же хлопотать? Рука забвенья Свершит и здесь свой корректорный труд.	Михаилу Петровичу Погодину	изд.18 74	ВСОТ
345	умереть (9)	умереть (1)	гл., инф.	Насилу годы одолели, Знать, люди с голода не мрут. Авось, – я думал, – на постели Они хоть умереть дадут. Но их больницы и остроги – Все полно! Силой не войдешь! Но их больницы и остроги – Все полно! Силой не войдешь! Ты вскормлен на большой дороге – Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь.	Из Беранже	1833- 1836	осн. т.
346	умереть (9)	умрешь (1)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 2 л., ед. ч.	Насилу годы одолели, Знать, люди с голода не мрут. Авось, – я думал, – на постели Они хоть умереть дадут. Но их больницы и	Из Беранже	1833- 1836	осн. т.

				остроги – Все полно! Силой не войдешь! Но их больницы и остроги – Все полно! Силой не войдешь! Ты вскормлен на большой дороге – Где жил и рос <?>, старик, там и умрешь .			
347	озарить (8)	озарила (3)	гл., соверш. вид., прош.вр., ж.р. ед.ч.	Глухая полночь! Все молчит! Вдруг ... из – за туч луна блеснула И над воротами Стамбула Олегов озарила щит.	Олегов щит	1829	осн. т.
348	озарить (8)	озарила (3)	гл., соверш. вид., прош.вр., ж.р. ед.ч.	Но освящающая сила, Непостижимая уму, Души его не озарила И не приблизилась к нему...	Наполеон	до 1850	осн. т.
349	озарить (8)	озарила (3)	гл., соверш. вид., прош.вр., ж.р. ед.ч.	Но освящающая сила, Непостижимая уму, Его души не озарила И не приблизилась к нему...	Наполеон	изд. 1850, изд.18 54, изд. 1868, изд. 1886	BCOT
350	озарить (8)	озарит (2)	гл., соверш. вид., буд. вр., 3 л. ед.ч.	Злосчастные бойцы, все силы духа, Всю сердца кровь в бою мы истожили – И бледных, преждевременно одряхших Нас озарит победы поздний День!..	Из путевых картин Гейне	1829- 1830	осн. т.
351	озарить (8)	озарит (2)	гл., соверш. вид., буд. вр., 3 л. ед.ч.	Как летней иногда порою Вдруг птичка в комнату влетит, И жизнь и свет внесет с собой, Все огласит и озарит ;	Как летней иногда порою	1863	осн. т.
352	озарить (8)	озарил (1)	гл., соверш. вид., прош.вр., м. р., ед.ч.	Он лавры свежие склонил, И дни бесценные блаженства и покоя Елизаветы озарил! Тогда, разлившись, свет от северных сияний Дал отблеск на крутых Аракса берегах;	Урания	1820	осн. т.
353	озарить (8)	озарен- ных (1)	прич., страд., прош. вр., м.р., пр.п., мн.ч.	Вчера, в мечтах обвороченных, С последним месяца лучом На веждах, томно озаренных , Ты поздним позабылась	Вчера, в мечтах обвороченны х	1836	осн. т.

				сном...			
354	озарить (8)	озарен- ные (1)	прич., страд., прош. вр., м.р., им.п., мн.ч.	Сладкий час успокоенья! Звон литии, псалмопенья Святогорские молчат – Под обительской стеною, Озаренные луною, Богомольцы мирно спят.	Святые горы	1862	осн. т.
355	вос- поми - нанье (7)	воспоми - нанье (5)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	Я новый мир себе творил. Про игры юности веселой, Про светлую весну благовестил сей глас – Ах, и в торжественный сей час Воспоминанье их мне душу одолело! Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой! Слеза бежит! Земля, я снова твой!	Из "Фауста" Гете	1828- 1829	осн. т.
356	вос - поми - нанье (7)	воспоми - нанье (5)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	Тут не одно воспоминанье , Тут жизнь заговорила вновь, – И то же в вас очарованье, И та ж в душе моей любовь!..	К.Б.	1870	осн. т.
357	вос - поми - нанье (7)	воспоми - нанье (5)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	Тут первая меня достигла весть, Что в мире новый житель есть И новый царский гость в Кремле Ты в этот час дарован был земле. С тех пор воспоминанье это В душе моей согрето Так благодатно и так мило – В теченье стольких лет не изменив жило, Меня всю жизнь так верно провожало. и ныне, в ранний утра час, Оно все так же дорого и мило, Мой одр печальный посетило, И благодатный праздник возвестило.	17-ое апреля 1818	1873	осн. т.
358	вос - поми - нанье (7)	воспоми - нанье (5)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	И тут – то первая меня достигла весть, Что новый в мире житель есть И новый царский гость в Кремле То ты дарован был земле. С тех пор воспоминанье	17-ое апреля 1818	1873	ВСОТ

				<p>это Всю жизнь в душе согрето Всю жизнь насквозь, насквозь, насквозь, Меня, как верный спутник, провожало И нынче, в ранний утра час, Оно еще, как столько раз, Оно мою всю душу осияло.</p>			
359	вос- поми - нанье (7)	воспоми - нанье (5)	сущ., ср.р., им.п., ед.ч.	<p>Тут первая меня достигла весть, Что в мире новый житель есть И новый царский гость в Кремле Ты в тот день дарован был земле!.. С тех пор воспоми- нанье это В душе моей всю жизнь согрето; В теченье стольких лет не изменяло, Как верный спутник мой, повсюду провожало, Оно еще, как столько раз, Все также дорого и мило. И днесь, у самых дней моих заката, Мою всю душу осенило</p>	17-ое апреля 1818	1873	ВСОТ
360	вос - поми - нанье (7)	воспоми - наний (1)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	<p>Еще томлюсь тоской желаний, Еще стремлюсь к тебе душой – И в сумраке воспоми- наний Еще ловлю я образ твой ...</p>	Еще томлюсь тоской желаний	1848	осн. т.
361	вос - поми - нанье (7)	воспоми - нанья (1)	сущ., ср.р., им.п., мн.ч.	<p>Как ни тяжел последний час – Та непонятная для нас Истома смертного страданья, Но для души еще страшней Следить, как вымирают в ней Все лучшие воспоми- нанья...</p>	Как ни тяжел последний час	1867	осн. т.
362	вспо - мя -нуть (5)	вспо - мянул (3)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	<p>Закралась в сердце грусть – и смутно Я вспомянул о старине – Тогда все было так уютно И люди жили как во сне...</p>	Закралась в сердце грусть	1826- 1830	осн. т.

363	вспо - мя -нуть (5)	вспо - мянул (3)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Какой он жизнью на тебя дохнул? Иль старину тебе он вспомянул – Как по ночам здесь сладострастных дев Давно минувший вторился напев, Иль в сих цветущих и поднесь садах Их легких ног скользил незримый шаг?	Арфа скальда	1834	осн. т.
364	вспо - мя -нуть (5)	вспо - мянул (3)	гл., соверш. вид., прош. вр., м. р. ед.ч.	Какой он жизнью на тебя дохнул? Иль старину тебе он вспомянул – Как по ночам здесь сладострастных дев Давно минувший вторился напев, Иль в сих цветущих и поднесь садах Их легких ног скользит незримый шаг?	Арфа скальда	1854	ВСОТ
365	вспо - мя -нуть (5)	вспо - мяни (1)	гл., соверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч	Вот в эти – то часы с любовью О книге сей ты вспомяни – И всей душой, как к изголовью, К ней припади и отдохни.	При посылке Нового Завета	1861	осн. т.
366	вспо -мя -нуть (5)	вспо - мянув (1)	деепртч., прош. вр.	И в свой черед, как он, не довершив труда, И мы с нее сойдем – и слова святыя Его вспомянув – воскликнем мы тогда: “Не изменяй себе, великая Россия!	14-ое февраля 1869	1869	осн. т.
367	забытье (5)	забытъи (3)	сущ., ср.р., пр.п., ед.ч.	Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья – Жизнь отошла – и, покорясь судьбе, В каком – то забытъи изнеможенья, Здесь человек лишь снится сам себе.	На возвратном пути	1859	осн. т.
368	забытье (5)	забытъи (3)	сущ., ср.р., пр.п., ед.ч.	Весь день она лежала в забытъи , И всю ее уж тени покрывали – Лил теплый летний дождь – его струи По листьям весело звучали.	Весь день она лежала в забытъи	1864	осн. т.
369	забытье (5)	забытъи (3)	сущ., ср.р., пр.п., ед.ч.	Солнце светит золотое, Блещут озера струи. Здесь великое былое Словно дышит в забытъи ; Дремлет сладко,	Тихо в озере струится	1866	осн. т.

				беззаботно, Не смущая дивных снов И тревогой мимолетной Лебединых голосов...			
370	забытье (5)	забытье	сущ., ср.р., вин.п., ед.ч.	Душа впадает в забытье , И чувствует она, Что вот уносит и ее Всесильная Волна.	Успокоение	1858	осн.т.
371	забытье (5)	забытье	сущ., ср.р., вин.п., ед.ч.	Душа впадает в забытье – И чувствует она, Что вот помчала и ее Великая Волна.	Успокоение	1858	BCOT
372	незаб - венный (5)	незаб - венный (5)	прил., им.п., м. р., ед.ч.	Великий Карл, прости! – Великий, незабвенный , Не сим бы голосом тревожить эти стены – И твой бессмертный прах смущать, о исполин, Жужжанием страстей, живущих миг один!	Из "Эрнани" В. Гюго	1830	осн. т.
373	незаб - венный (5)	незаб - венный (5)	прил., им.п., м. р., ед.ч.	Твой милый образ, незабвенный , Он предо мной везде, всегда, Недостижимый, неизменный, Как ночью на небе звезда...	Еще томлюсь тоской желаний	1848	осн. т.
374	незаб- венный (5)	незаб- венный (5)	прил., им.п., м. р., ед. ч.	На первой дней моих заре То было рано поутру в Кремле, То было в Чудовом монастыре. Я в келье был, и тихой и смиренной, Там жил тогда Жуковский незабвенный .	17-ое апреля 1818	1873	осн. т.
375	незаб- венный (5)	незаб- венный (5)	прил., им.п., м. р., ед. ч.	На первой дней моих заре То было рано поутру в Кремле, То было в Чудовом монастыре. Я в келье был, и тихой и смиренной, В ней жил тогда Жуковский незабвенный	17-ое апреля 1818	1873	BCOT
376	незаб- венный (5)	незаб- венный (5)	прил., им.п., м. р., ед. ч.	На ранней дней моих заре, То было рано поутру в Кремле, То было в Чудовом монастыре. В уютной келье, темной и смиренной Там жил тогда Жуковский	17-ое апреля 1818	1873	BCOT

				незабвенный.			
377	Лета (4)	Лету (2)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч., имя. собств.	Лишь сверкнет в застольной чаше Благодатное вино, В Лету рухнет горе наше И пойдет, как ключ, на дно.	Поминки	1850- 1851	осн. т.
378	Лета (4)	Лету (2)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч., имя. собств.	Да, пока играет в чаше Всемогущее вино, Горе в Лету снесено, В Лете тонет горе наше!	Поминки	1850- 1851	осн. т.
379	Лета (4)	Лета (1)	сущ., ж.р., им.п., ед.ч., имя. собств.	Скоро там, где нет любви и света, – Там, где льется сумрачная Лета , Скоро в ней любовь твоя умрет!..	Гектор и Андромаха	1820- 1822	осн. т.
380	Лета (4)	Лете (1)	сущ., ж.р., пр.п., ед.ч., имя. собств.	Да, пока играет в чаше Всемогущее вино, Горе в Лету снесено, В Лете тонет горе наше!	Поминки	1850- 1851	осн. т.
381	свето- зарный (4)	свето- зарный (3)	прил., им. п., м. р., ед. ч.	На месяц взглянь: весь день, как облак тощий, Он в небесах едва не изнемог, – Настала Ночь – и, светозарный Бог, Сияет он над усыпленной рощей!	Ты зрел его в кругу большого света	1828- 1829	осн. т.
382	свето- зарный (4)	свето- зарный (3)	прил., им. п., м. р., ед. ч.	Смотри, как днем туманисто – бело Чуть брезжит в небе месяц светозарный , Наступит Ночь – и в чистое стекло Вольет елей душистый и янтарный!	В толпе людей, в нескромном шуме дня	конец 1820- ых	осн. т.
383	свето- зарный (4)	свето- зарный (3)	прил., им. п., м. р., ед. ч.	Там, где на высоте обрыва Воздушный, светозарный храм Уходит выпрь – очам на диво – Как бы парящий к небесам, Где Первозванного Андрея Еще поднесь сияет крест – На небе киевском белея, Святой блюститель здешних мест –	Андрею Николаевичу Муравьеву	1869	ВОС
384	свето- зарный (4)	свето- зарна (1)	кр. прил., м.р., род. п. ед.ч.	Урания одна, как солнце меж звездами, Хранит Гармонию и правит их путями: По манию ее могущего жезла Из края в край течет благое просвещение; Где прежде мрачна ночь была,	Урания	1820	осн. т.

				Там светозарна дня явление;			
385	вспо-ми- нанье (3)	вспоми- нанья (2)	сущ., ср.р., вин.п., мн.ч.	Жизнь отречения, жизнь страданья! В ее душевной глубине Ей оставались вспоминанья ... Но изменили и оне.	О, как убийственно мы любим,	1851	осн. т.
386	вспо-ми- нанье (3)	вспоми- нанья (2)	сущ., ср.р., вин.п., мн.ч.	О Господи, дай жгучего страданья И мертвенность души моей рассея – Ты взял ее, но муку вспоминанья , Живую муку мне оставь по ней, –	Есть и в моем страдаль- ческом застое	1865	осн. т.
387	вспо-ми- нанье (3)	вспоми- наньи (1)	сущ., ср.р., пр.п., ед.ч.	При неотступном вспоминаньи О длинной цепи злых обид Славянское самосознание, Как Божья кара, их страшит!	Славянам	1867	осн. т.
388	гостья (3)	гостью (2)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	И что ж теперь? Увы, что видим мы? Кто приютит, кто призрит гостью Божью? Ложь, злая ложь растлила все умы, И целый мир стал воплощенной ложью!..	Хотя б она сошла с лица земного	1866	осн. т.
389	гостья (3)	гостью (2)	сущ., ж.р., вин.п., ед.ч.	И что ж теперь? Увы, что видим мы? Кто приютит, кто примет гостью Божью? Ложь, злая ложь растлила все умы, И целый мир стал воплощенной ложью!..	Хотя б она сошла с лица земного	1866	ВСОТ
390	гостья (3)	гостьей (1)	сущ., ж.р., тв.п., ед.ч.	Так мимолетной и воздушной Явилась гостьей к нам она, В наш мир и чопорный и душный, И пробудила всех от сна.	Как летней иногда порою	1863	осн. т.
391	мечтать (3)	мечтал (1)	гл., несоверш. вид., прош.вр., м. р., ед.ч.	На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой невольно забывал (Минутное, но сладкое забвенье!), К протекшему душою улетал И Радость пел – пока о вас мечтал .	Друзьям при посылке «Песни Радости»	1823- 1824	осн. т.
391	мечтать (3)	мечтая (1)	дееприч., наст. вр.	И в мире сем – как в царстве снов – Поэт живет, мечтая – Он так достиг земных венцов	На камень жизни роковой	1822	осн. т.

				И так достигнет Рая...			
392	мечтать (3)	мечтаешь (1)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 2 л., ед.ч.	Не арфы ль твоей мне послышался звон? В струнах ли мечтаешь укрыться златых? Металл содрогнулся, тобой оживлен, И сладостный трепет еще не затих.	Cache-cache	до 1829	осн. т.
393	напом- нить (3)	напомнит (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед.ч.	Как медлит путника вниманье На холодных камнях гробовых, Так привлечет друзей моих Руки знакомой начертанье!.. Чрез много, много лет оно Напомнит им о прежнем друге: "Его – нет боле в вашем круге; Но сердце здесь погребено!.." "	В альбом друзьям (из Байрона)	1826	осн. т.
394	напом- нить (3)	напомнит (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед.ч.	Как медлит путника вниманье На холодных камнях гробовых, Так привлечет друзей моих Руки знакомой начертанье!.. Чрез много, много лет оно Напомнит им о прежнем друге: "Его уж нету в вашем круге.; Но сердце здесь погребено!.." "	В альбом друзьям (из Байрона)	изд. 1854, изд. 1868, изд. 1900	ВСОТ
395	напом- нить (3)	напомнит (3)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 3 л., ед.ч.	Как медлит путника вниманье На холодных камнях гробовых, Так привлечет друзей моих Руки знакомой начертанье!.. Чрез много, много лет оно Напомнит им о прежнем друге: "Его уж нету в нашем круге.; Но сердце здесь погребено!.." "	В альбом друзьям (из Байрона)	изд. 1886	ВСОТ
396	озар- иться (3)	озарятся (1)	гл., соверш. вид., буд. вр., 3 л., мн.ч., возвр.	И человеческим сознаньем Их всемогущей красоты Вдруг озарятся , как сияньем,	Живым сочувствием привета	1840	осн. т.

				Изящно – дивные черты –			
397	озар- иться (3)	озар- ились (1)	гл., соверш. вид., прош. вр., мн.ч., возвр.	О, какими вдруг лучами Озарились все края!	К Ганке	1841	осн. т.
398	озар- иться (3)	озарится (1)	гл., соверш. вид., буд.вр., 3 л., ед. ч., возвр.	Когда свершится искупление И озарится вновь Восток – О, как поймут тогда значение Великодушных этих строк.	По прочтении депеш императорско го кабинета, напечатанны х в “Journal de St.Petersburg”	1867	осн. т.
399	поза- быть (3)	поза- будете (1)	гл., соверш. вид., будущ. вр., 2 л., мн. ч	Разлука угнетает вас, О верные друзья! Настанет вскоре час – Приятный, сладостный, блаженный час свиданья: И в излиянии сердец Вы узрите ее конец И позабудете минувшие страданья!..	Двум друзьям	1816	осн. т.
400	поза- быть (3)	позабыв (1)	деепртч., прош. вр.	И нам завещанное море Опять свободною волной, О кратком позабыв позоре, Лобзает берег свой родной.	Да, вы сдержали ваше слово	1870	осн. т.
401	поза- быть (3)	поза- бытая (1)	прич., страд., прош. вр., ж.р., им. п., ед.ч.	Тут и она – та старица простая, Не позабытая с тех пор, Что принесла, крестясь и воздыхая, Вязанку дров, как лепту, на костер.	Гус на костре	1870	осн. т.
402	по- минки (3)	поминки (3)	сущ., вин.п., pluralia tantum	Потом мы все, в молитвенном молчанье Священные поминки сотворим, Мы сотворим тройное возлиянье Трем незабвенно – дорогим. Нет отклика на голос, их зовущий, Но в светлый праздник ваших именин Кому ж они не близки, не присущи – Жуковский, Пушкин, Карамзин!..	На Юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	1861	осн. т.
403	по- минки (3)	поминки (3)	сущ., вин.п., pluralia tantum	Сто лет прошли в труде и горе – И вот, мужая с каждым днем, Родная Речь, уж на просторе, Поминки празднует по нем.	Он, умирая, сомневался	1865	осн. т.

404	по-минки (3)	поминки (3)	сущ., вин.п., pluralia tantum	Сто лет прошли в труде и горе – И вот, мужа с каждым днем, Родное Слово, на просторе Поминки празднует по нем.	Он, умирая, сомневался	1865	ВСОТ
405	утешить (3)	утешен (2)	кр. прич., страд., прош. вр., ж.р., ед.ч.	Он кубок взял и осушил И слово молвил с жаром: “Тот дом Сам Бог благословил, Где это – скудным даром!.. Свою вам милость Он пошли И вас утешь на сей земли, Как я утешен вами!..”	Певец	1830	осн. т.
406	утешить (3)	утешен (2)	кр. прич., страд., прош. вр., ж.р., ед.ч.	Будь утешен , брат любимый! Память вечная тебе!.. Ты – оплот несокрушимый Чад ахейских в их борьбе!.. В день ужасный, в день кровавый Ты один за всех стоял! Но не сильный, а лукавый Мзду великую стяжал...	Поминки	1850-1851	осн. т.
407	утешить (3)	утешь (1)	гл., соверш., побудител., 2 л., ед.ч.	Он кубок взял и осушил И слово молвил с жаром: «Тот дом Сам Бог благословил, Где это – скудным даром!.. Свою вам милость Он пошли И вас утешь на сей земли, Как я утешен вами!..	Певец	1830	осн. т.
408	забывать (2)	забывал (1)	гл., несоверш. вид., прош.вр., м.р., ед.ч.	На краткий миг в сердечном упоенье Я жребий свой невольно забывал (Минутное, но сладкое забвенье!), К протекшему душою улетал И Радость пел – пока о вас мечтал.	Друзьям при посылке «Песни Радости» – из Шиллера	1823-1824	осн. т.
409	забывать (2)	забываю (1)	гл., несоверш. вид., наст. вр., 1 л., ед.ч.	Сквозь ночную беспредельность неба. О! какой вы [звезды – горемыки] путь уже свершили С той поры, как я в объятьях милой Вас и полночь сладко	Ночные мысли	1832	осн. т.

				забываю!			
410	забы - ваться (2)	забы- вался (1)	гл., несоверш. вид., прош. вр., м. р., ед. ч., возр.	В панцирь дедовский закован, Воин – сторож на стене Слышал, тайно очарован, Дальний гул, как бы во сне. Чуть дремотой забывался, Гул ясенел и грохотал... Он с молитвой просыпался И дозор свой продолжал.	Там, где горы, убегая	1830- ые	осн. т.
411	забы - ваться (2)	забы - вался (1)	гл., несоверш. вид., прош.вр., м. р. ед.ч., возр.	В панцирь дедовский закован, Воин – сторож на стене Слышал, тайно очарован, Дальний гул, как бы во сне. И лишь дремой забывался, Гул ясенел и грохотал... Он с молитвой просыпался И дозор свой продолжал.	Там, где горы, убегая	1830- ые	ВСОТ
412	вспом- инать (1)	вспом- инай (1)	гл., несоверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	Ах, и в этот самый час, Там, где нет теперь уж нас, Тот же месяц, но живой, Дышит в зеркале Лемана... Чудный вид и чудный край – Путь далек – не вспоминай ...	На возвратном пути	1859	осн. т.
413	забвен- ный (1)	забвен- ный (1)	прил., им. п., м. р., вин. п., ед.ч.	Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести! – Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! И навсегда со гласом лести Умолкла о тебе молва!	На Новый год 1816	1816	осн. т.
414	Memento	memento	лат.	МЕМЕРТО (V e v e y 1 8 5 9 – G e п e v e 1 8 6 0) Ее последние я помню взоры На этот край – на озеро и горы, В роскошной славе западных лучей, – Как сквозь туман болезни многотрудной, Она порой ловила призрак чудный, Весь этот мир был так сочувствен ей...	МЕМЕРТО	1860	осн. т.

415	Мне- мозина (1)	Мнемо- зины (1)	сущ., ж.р., род. п., ед.ч., имя собств.	Я зрю превыспренных селения чудесны... Отсель– отверзшимся таинственным вратам – Благоволением судьбины Текут к нам дщери Мнемозины , Честь, радость и краса народам и векам!..	Урания	1820	осн. т.
416	Незаб- венно- доро- гой (1)	Незаб- венно- дороим (1)	прил., дат. п., м. р., мн. ч.	Потом мы все, в молитвенном молчанье Священные поминки сотворим, Мы сотворим тройное возлиянье Трем незабвенно – дорогим. Нет отклика на голос, их зовущий, Но в светлый праздник ваших именин Кому ж они не близки, не присущи – Жуковский, Пушкин, Карамзин!..	На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	1861	осн. т.
417	опом- ниться (1)	опом- нилась (1)	гл., соверш. вид., прош.вр., ж. р., ед.ч., возвр.	И медленно опомнилась она, И начала прислушиваться к шуму, И долго слушала – увлечена, Погружена в сознательную думу...	Весь день она лежала в забытьи	1864	осн. т.
418	памят- ник (1)	памятник (1)	сущ., м.р., вин.п., ед.ч.	Не знаю я и не ищю предвидеть, Что мне готовит Муза! Лавр поэта Почтит иль нет мой памятник надгробный?	Из "Путевых картин" Гейне	1829- 1830	осн. т.
419	поза- быться (1)	поза- былась (1)	гл., соверш. вид., пр. вр., ж.р., ед.ч., возвр.	Вчера, в мечтах обвороженных, С последним месяца лучом На веждах, томно озаренных, Ты поздним позабылась сном...	Вчера, в мечтах обвороженны х	1836	осн. т.
420	поми- нать (1)	поминая (1)	дееприч., наст. вр.	Великий день Карамзина Мы, поминая братской тризной, – Что скажем здесь, перед отчизной, На что б откликнулась она?	Великий день Карамзин	1866	осн. т.
421	приви- дение (1)	приви- дений (1)	сущ., ср.р., род.п., мн.ч.	Отраден будь душе твоей И дней минувших добрый гений, И горсть еще живых друзей, И сколько милых привидений .	Гр. Ростопчиной	1855	ВОС

422	само-забвенья (1)	само-забвенья (1)	сущ., ср.р., род.п., ед.ч.	Так, в жизни есть мгновения – Их трудно передать, Они самозабвенья Земного благодать.	Так, в жизни есть мгновения	1855	осн. т.
423	светозарно (1)	светозарно (1)	нареч., образ. дейст.	Светло<й> хоругвь<ю> голубой Весенний первый день отраднo – голубой, Так светозарно веял над Москвой	17-ое апреля 1818	1873	ВОС
424	утешиться (1)	утешилась (1)	гл., соверш. вид., пр. вр., ж.р, ед. ч., возвр.	Старец Нестор днесь, маститый Брашник, кубок взяв, встает И сосуд, плющом обвитый, Он Гекубе подает: “Выпей, мать, струи целебной И забудь весь свой урон! Силен Вакха сок волшебный, Дивно нас врачует он...” Мать, вкуси струи целебной И забудь судеб закон. Дивно нас врачует он, Бога Вакха дар волшебный. И Ниобы древней сила Горем злым удручена, Соку дивного вкусила – И утешилась она.	Поминки	1850-1851	осн. т.
425	вспоминать (1)	вспоминай (1)	гл., несоверш. вид., повелит. накл., 2 л., ед.ч.	Ах, и в этот самый час, Там, где нет теперь уж нас, Тот же месяц, но живой, Дышит в зеркале Лемана... Чудный вид и чудный край – Путь далек – не вспоминай ...	На возвратном пути	1859	осн. т.

В.3 Карточка демонстрационной версии «Словаря устойчивых конструкций и сочетаний слов» представлена в таблице В.3.

Таблица В.3. Карточка демонстрационной версии «Словаря устойчивых конструкций и сочетаний слов»

Формула	Кол-во	Контекст	Адрес	Год	Оригинальность	Источник
До конца	16	"Кипела кровь и в сей груди,	Приветствие духа	1827-1829	осн. т.	пер.

		Кулак был из свинца, И богатырский мозг в кости, И кубок до конца!				
До конца	16	Мужайся, сердце, до конца – И нет в творении Творца! И смысла нет в мольбе!	И чувства нет в твоих очах,	1823-1836	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	Светились Альпы, озеро дышало, И тут же нам, сквозь слез, понятно стало, Что чья душа так царственно светла, Кто до конца сберег ее – живую – И в страшную минуту роковую Все той же будет, чем была...	Memento	1860	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	По ней, по ней, свой подвиг совершившей Весь до конца в отчаянной борьбе, Так пламенно, так горячо любившей Наперекор и людям и судьбе;	Есть и в моем страдаль- ческом застое	1865	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	По ней, по ней, судьбы не одолевшей, Но и себя не давшей победить; По ней, по ней, так до конца умевшей Страдать, молиться, верить и любить.	Есть и в моем страдаль- ческом застое	1865	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	Все решено, и он спокоен, Он, претерпевший до конца, – Знать, он пред Богом был достоин Другого, лучшего венца –	12-ое апреля 1865	1865	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	И вот уж год, без жалоб, без упрёку, Утратив все, приветствую судьбу... Быть до конца так страшно одиному, Как буду одинок в своем гробу.	15 июля 1865 г.	1865	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	Во имя милого былого, Во имя вашего отца – Дадим же мы друг другу слово: Не изменяться до конца.	Графине А.Д. Блудовой	1866	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	Умевший, не сгибая выи Пред обаянием венца, Царю быть другом до конца И верноподанным России.	Великий день Карамзина	1866	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	И вот благое провиденье	В деревне	1869	осн. т.	ориг.ст.

		С цепи спустило сорванца, Чтоб крыл своих предназначенье Не позабыть им до конца.				
До конца	16	Чужие врачевать недуги Своим страданием умел, Кто душу положил за други И до конца все претерпел.	Чему бы жизнь нас ни учила	1870-1871	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	И та же любящая сила, С какой, себе не изменя, Ты до конца переносила Весь жизни труд, всю злобу дня, –	Памяти М. К. Полит- ковской	1872	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	Мне было счастье суждено, Что весь мой век я над собою Созвездье видел все одно – Его созвездье – и будь же до конца оно Моей единственной звездой.	17-ое апреля 1818	1873	осн. т.	ориг.ст.
До конца	16	И страстно песнь ее звучала, Пленяя души и сердца – Она Бетховена играла, И ... доиграла до конца ...	Графине Е.П. Ростопчиной	1850	вариант	ориг.ст.
До конца	16	И до конца служить России	Великий день Карамзина	изд. 1866	вариант	ориг.ст.
До конца	16	Благодарю судьбу с сердечным трепетаньем, Что жизнь моя, какая б ни была, Вся до конца пройти могла Под этим кротким благодным влияньем.	17-ое апреля 1818	1873	вариант	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотри, как хижини с их зеленью кругом Осыпало вечернее сиянье. День пережит – и к небесам иным Светило дня несет животворенье.	Из "Фауста" Гете	1828-1829	осн. т.	пер.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотри, как днем туманисто–бело Чуть брезжит в небе месяц светозарный, Наступит Ночь – и в чистое стекло Вольет елей душистый и янтарный!	В толпе людей, в нескромном шуме дня	1820-ые	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотри, как облаком живым Фонтан сияющий клубится; Как пламенеет, как дробится Его на солнце влажный: дым.	Фонтан	1830-ые	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как /	11	Смотри, как запад разгорелся	Смотри, как запад	1838	осн. т.	ориг.ст.

смотри(те): / смотри –		Вечерним заревом лучей, Восток померкнувший оделся Холодной, сизой чешуей! В вражде ль они между собою? Иль солнце не одно для них И, неподвижною средою Деся, не соединяет их?	разгорелся			
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотри, как на речном просторе, По склону вновь оживших вод, Во всеобъемлющее море За льдиной льдина вслед плывет.	Смотри, как на речном просторе	1851	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Лист зеленеет молодой – Смотри, как листьям молодым Стоят обвеяны березы Воздушной зеленью сквозной, Полупрозрачною, как дым...	Первый лист	1851	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	София, верь мне, будем дружны! Смотри: вот горы серебра – Кинь заступ твой, теперь ненужный, – С нас будет, милая сестра". –	С временщиком Фортуна в споре	1857	осн. т.	пер.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотри, как роща зеленеет, Палящим солнцем облита – А в ней какую негой веет От каждой ветки и листа!	Смотри, как роща зеленеет,	1857	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотрите, как, облитый светом, Ступив на крайнюю ступень, С своим прощается поэтом Великолепный этот день...	Князю П.А. Вяземскому	1861	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	Смотрите: полоса видна, И, словно скрытной страстью рдея, Она все ярче, все живет – Вся разгорается она – Еще минута – и во всей Неизмеримости эфирной Раздастся благовест всемирный Победных солнечных лучей.	Молчит сомнительно Восток	1865	осн. т.	ориг.ст.
Смотри(те), как / смотри(те): / смотри –	11	О, в этом радужном виденье Какая нега для очей! Оно дано нам на мгновенье, Лови его – лови скорей!	Как неожиданно и ярко	1864	осн. т.	ориг.ст.

		Смотри – оно уж побледнело, Еще минута, две – и что ж? Ушло, как то уйдет всецело, Чем ты и дышишь и живешь.				
В (чьей) душевной глубине	5	Нет в мире одного – и мир весь опустел! Встает ли день, ночные ль сходят тени, И мрак и свет противны мне ... Моя судьба не знает изменений – И горечь вечная в душевной глубине!	Одиночество	1820-1822	осн. т.	пер.
В (чьей) душевной глубине	5	Но для меня сей взор благоденье, Как жизни ключ – в душевной глубине Твой взор живет и будет жить во мне, Он нужен ей, как небо и дыханье.	К Н.	1824	осн. т.	ориг.ст.
В (чьей) душевной глубине	5	Небес, бывало, лобызанье Срывалось на меня в воскресной тишине, Святых колоколов я слышал содроганье В моей душевной глубине, И сладостью живой была молитва мне!	Из "Фауста" Гете	1828-1829	осн. т.	пер.
В (чьей) душевной глубине	5	Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои – Пуškai в душевной глубине Встают и заходят оне Безмолвно, как звезды в ночи, – Любуйся ими – и молчи.	Silentium	до 1830	осн. т.	ориг.ст.
В (чьей) душевной глубине	5	Жизнь отреченья, жизнь страданья! В ее душевной глубине Ей оставались вспоминанья... Но изменили и оне.	О, как убийственно мы любим	1851	осн. т.	ориг.ст.
Ты скажешь: / – ты скажешь –	3	Дыханье каждое Зефира Взрывает скорбь в ее струнах ... Ты скажешь: Ангельская лира Грустит, в пыли, по небесах!	Проблеск	1825	осн. т.	ориг.ст.
Ты скажешь: / – ты скажешь –	3	Ты скажешь: ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба, Смеясь, на землю пролила!	Весенняя гроза	1828	осн. т.	ориг.ст.
Ты	3	Иной – ты скажешь –	В деревне	1869	осн. т.	ориг.ст.

скажешь: / – ты скажешь –		просто лает, А он свершает высший долг, – Он, осмысляя, развивает Утиный и гусиный толк!				
Счастлив, кто	3	Счастлив, кто гласом твердым, смелым, Забыв их сан, забыв их трон, Вещать тиранам закоснелым Святые истины рожден! И ты великим сим уделом, О муз питомец, награжден!	К оде Пушкина на Вольность	1820	осн. т.	ориг.ст.
Счастлив, кто	3	Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые – Его призвали всеблагие Как собеседника на пир.	Цицерон	1829-1831	осн. т.	ориг.ст.
Счастлив, кто	3	Счастлив в наш век, кому победа Далась не кровью, а умом, Счастлив, кто точку Архимеда Умел сыскать в себе самом, –	Да, вы сдержали ваше слово:	1870	осн. т.	ориг.ст.
Забыв [чей] + [что], забыв [чей] + [что],	2	Что время? Быстрый ток, который в долах мирных, В брегах, украшенных обильной муравой, Катит кристалл валов сапфирных; И по серебру зыбей свет солнца золотой Играет и скользит; но час – и бурный вскоре, Забыв свои брега, забыв свой мирный ход, Теряется в обширном море, В безбрежной пустоте необозримых вод!	Послание Горация к Меценату	1819	осн. т.	Мотив
Забыв [чей] + [что], забыв [чей] + [что],	2	Счастлив, кто гласом твердым, смелым, Забыв их сан, забыв их трон, Вещать тиранам закоснелым Святые истины рожден! И ты великим сим уделом, О муз питомец, награжден!	К оде Пушкина на Вольность	1820	осн. т.	ориг. ст.
Ир убогой	2	Я мог бы красть, я – Ир убогой, Но стыд мне руки оковал; Лишь иногда большой дорогой Я дикий плод с дерев сбивал...	Из Беранже	1833-1836	осн. т.	пер.
Ир убогой	2	Бедный Лазарь, Ир убогой, И с усилием и тревогой	Бедный Лазарь,	1865	осн. т.	ориг.ст.

		К вам пишу, с одра привстав, И привет мой хромоногой Окрылит пусть телеграф.	Ир убогой,			
Сберечь [кому] удалось	2	И что ж от долгого мученья, Как пепл, сберечь ей удалось? Боль, злую боль ожесточенья, Боль без отрады и без слез!	О, как убийственно мы любим	1851	осн. т.	ориг. ст.
Сберечь [кому] удалось	2	Все, что сберечь мне удалось, Надежды, веры и любви, В одну молитву все слилось: Переживи – переживи!	Все, что сберечь мне удалось	1856	осн. т.	ориг.ст.
Что общего меж [кем]	2	Душа моя, Элизиум теней, Что общего меж жизнью и тобою! Меж вами, призраки минувших лучших дней, И сей бесчувственной толпою?..	Душа моя, Элизиум теней	1830-ые	осн. т.	ориг. ст.
Что общего меж [кем]	2	Как часто, грустными мечтами Томимый, на тебя гляжу, И взор туманится слезами – Зачем? Что общего меж нами? Ты жить идешь– я ухожу.	Играй, покуда над тобою	1861	осн. т.	ориг.ст.
Ты помнишь ли	2	Ты помнишь ли, при нашей встрече, При первой встрече роковой, Ее волшебный взор, и речи, И смех младенчески– живой?	О, как убийственно мы любим	1851	осн. т.	ориг.ст.
Ты помнишь ли	2	Ты помнишь ли былое, Неман? Тот день години роковой, Когда стоял он над тобой, Он сам, могучий, южный демон – И ты, как ныне, протекал, Шумя под вражьими мостами, И он струю твою ласкал Своими чудными очами? ..	Неман	1853	осн. т.	ориг. ст.

ПРИЛОЖЕНИЕ В
(обязательное)

**Демонстрационная версия «Функционально-когнитивного словаря
поэтического языка Ф.И. Тютчева»**

ЯНДЕКС ДИСК

Ссылка: <https://disk.yandex.ru/d/v5IMU0djdRbvfa>

ZIP-АРХИВ

1. Видеообзоры словарных материалов:

- А) краткий обзор без комментария (2 минуты 19 секунд), mp4;
- Б) полный обзор с комментарием (12 минут 34 секунды), mp4.

2. Демонстрационная версия словаря.

3. Скриншоты материалов словаря.

4. Пояснительная записка «Как пользоваться демонстрационной версией словаря».

Скриншоты, иллюстрирующие устройство демонстрационной версии словаря представлены в приложении А. Для ознакомления с демонстрационной версией словаря в динамике необходимо скачать папку (zip-архив) «Материалы к словарю» на Яндекс Диске по ссылке: <https://disk.yandex.ru/d/v5IMU0djdRbvfa> В обозначенной папке есть три вложенных папки: «Демонстрационная версия словаря» (содержит страницы сайта); «Видеообзоры» (содержит краткий и подробный видеообзоры словаря); «Скриншоты» (содержит скриншоты страниц сайта). Чтобы открыть сайт, зайдите в папку «Демонстрационная версия словаря» и два раза нажмите левой кнопкой мыши на файл «index», это приведет к открытию начальной страницы словаря в браузере. Если на компьютере нет специального архиватора, после распаковки zip-папки сайт может отображаться некорректно из-за искажения исходных файлов. В этом случае для ознакомления

с демонстрационной версией словаря в динамике можно обратиться к видео, расположенным в папке «Видеообзоры». Важно отметить, что представленный вариант словаря не является завершённым продуктом, готовым к использованию, это демонстрационная версия, не являющаяся полной ни с точки зрения наполнения, ни точки зрения доступных в ней функций; её основное назначение – визуализация проекта будущего словаря.